

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
БЕЛОРУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
МИНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

На правах рукописи
УДК 172.3

РЯБОКОНЬ
ВАЛЕРИЙ ВИКТОРОВИЧ, ПРОТОИЕРЕЙ

**СМОЛЕНСКАЯ ГУБЕРНИЯ И ЗАПАДНАЯ ОБЛАСТЬ В УСЛОВИЯХ
АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
(1925–1930)**

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата богословия

по специальности Б 03 06 «История Русской Православной Церкви»

Научный руководитель
кандидат исторических наук,
профессор Теплова В.А.

Минск, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.....	8
ГЛАВА 1 ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	13
1.1 Историография	13
1.2 Источники	322
1.3 Методы исследования.....	38
ГЛАВА 2 АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА В СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.	41
2.1 Формирование богоборческой политики советской власти в 1920-е гг.: правовой и идеологический аспекты.....	41
2.2 Становление антирелигиозной пропаганды Советского государства во второй половине 1920-х гг.....	50
ГЛАВА 3 АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ И ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ (1925–1930).....	65
3.1 Организация Союза безбожников и становление антирелигиозной пропаганды.....	65
3.2 Формирование структуры, задач, форм и методов антирелигиозной пропаганды	73
3.3 Антирелигиозная пропаганда в период с 1925 по 1928 гг.	84
3.4 Трансформация антирелигиозной пропаганды в 1929 г.	91
ГЛАВА 4 ЗАКРЫТИЕ ХРАМОВ И МОЛИТВЕННЫХ ЗДАНИЙ В СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ И ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ КАК АДМИНИСТРАТИВНО- РЕПРЕССИВНЫЙ АСПЕКТ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА.....	116
4.1 Особенности политики по закрытию храмов в период с 1923 по 1927 гг.....	116
4.2 Трансформация религиозной политики в деле закрытия храмов и молитвенных зданий к концу 1920-х гг.	119
4.3 Причины закрытия храмов	127
4.3.1 Закрытие храмов в случае неуплаты страховых платежей и налогов; вопрос о выплате страховых премий	127
4.3.2 Ликвидация молитвенного здания для государственных или общественных нужд..	138
4.3.3 Закрытие храмов по причине их ветхости и отказа производить ремонт	147
4.4 Особенности религиозной политики по закрытию храмов в 1930 – 1931 гг.	150
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	165
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	173

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

Адмотдел	административный отдел
ВКП(б)	Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВС СССР	Верховный Совет СССР
Волком	волостной комитет
ВЦИК	Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет
Горком	городской комитет
Горсовет	городской совет
ГПУ	Государственное политическое управление
Губконференция	губернская конференция
Губсовет	губернский совет
Губсовпартшкола	губернская партийная школа
Губисполком	губернский исполнительный комитет
Исполбюро	исполнительное бюро (какой-либо организации)
Нарком	народный комиссар
НКВД	Народный комиссариат внутренних дел
НКЮ, Наркомюст	Народный комиссариат юстиции
НЭП	новая экономическая политика
Облсовет СВБ	областной совет Союза воинствующих безбожников
ОГПУ	Объединенное государственное политическое управление
ОК, окружком	окружной комитет
Окрисполком	окружной исполнительный комитет
Партком	партийный комитет
Парторг	партийный организатор
Партпропаганда	партийная пропаганда
РК, райком	районный комитет
РИК, райисполком	районный исполнительный комитет
РКП(б)	Российская коммунистическая партия (большевиков)
РПЦ	Русская Православная Церковь
РС СВБ	районный совет Союза воинствующих безбожников
РСФСР	Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика (до 1937 г.) / Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (после 1937 г.)
СБ	Союз безбожников
СВБ	Союз воинствующих безбожников

Сельсовет, с/с, с/совет	сельский совет
СНК, Совнарком	Совет народных комиссаров
Финорганы	финансовые органы
Уком	уездный комитет
ЦИК	Центральный Исполнительный Комитет
ЦК ВКП(б)	Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)
ЦК РКП(б)	Центральный Комитет Российской коммунистической партии (большевиков)
ЦПС	церковно-приходской совет
ЦС СБ	Центральный совет Союза безбожников
ЦС СВБ СССР	Центральный совет Союза воинствующих безбожников СССР

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертации. История Русской Православной Церкви XX в. нашла отражение в целом ряде серьезных, глубоких по содержанию исследований, одним из важнейших направлений которых является исследование социально-экономических и политических взаимоотношений Русской Православной Церкви с государственной властью в период становления Советского государства. На важность изучения проблемы церковно-государственных отношений в отечественной истории указывает Постановление Архиерейского собора Русской Православной Церкви от 2 февраля 2011 г. в отношении памяти новомучеников и исповедников. В Постановлении сказано, что задачей современной Церкви является не только процесс канонизации «новомучеников и исповедников»¹, но и сохранение памяти всех репрессированных жертв богоборческой власти.

Данный соборный призыв в церковно-историческом срезе можно воспринимать более масштабно, как необходимость исследования жизни Церкви в эпоху репрессий и гонений. В то время как аспекты государственно-церковных отношений на федеральном уровне довольно хорошо изучены, история церковной жизни на уровне региональном еще ждет своего исследователя. Осмысление трагических страниц в истории Русской Православной Церкви периода 1920-1930-х гг. на уровне региональных исследований подчеркивает специфику и масштабы гонений в отдельных епархиях, требует безоговорочного увековечивания памяти пострадавших. Более того, исторический опыт, который Русская Православная Церковь приобрела в годы гонений, может быть полнее и объективнее использован в современной структуре церковно-государственных отношений, в механизме повседневного решения проблем в вероисповедной области.

Особый интерес для исследователей представляют процессы, которые в 1920–1930-е гг. происходили внутри Церкви – изменения как институциональные, так и мировоззренческие. Можно смело утверждать, что лакуны в истории отношений советской власти и Русской Православной Церкви планомерно заполняются. Хотя относиться к оценочным суждениям, предлагаемым в новейших публикациях, можно по-разному. Настоящая работа представляет собой попытку комплексного исследования реализации антирелигиозной политики Советского государства второй половины 20-х гг. XX в. в Смоленской губернии и Западной области.

¹ О мерах по сохранению памяти новомучеников, исповедников и всех невинно от богоборцев в гг. гонений пострадавших. Материалы Архиерейского собора 2011 г. // Патриархия.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.patriarchia.ru/db/text/1400907>. – Дата доступа : 21.09.2020.

Актуальность представленной работы обусловлена состоянием отечественной историографии на настоящий момент. Автор констатирует наличие множества обзорных монографий, посвященных церковно-государственным отношениям в СССР в 1925–1930 гг. Однако, подобная тематика не отражена полноценно в региональном аспекте. В частности, церковно-государственные отношения указанного периода на территории Смоленской губернии и Западной области недостаточно освещены в современной историографии. Многие аспекты вероисповедной политики советской власти в регионах еще ждут своего детального анализа в свете новых документальных материалов. До сих пор остаются влиятельными выводы и заключения, принятые советской историографией, которые игнорировали важнейший пласт архивных материалов. На сегодняшний момент существует возможность, без идеологического давления государственных и общественных структур, отразить социально-историческое течение вероисповедной политики коммунистического режима в 1925–1930 гг. на региональном примере Смоленской губернии и Западной области.

Изучение темы государственно-церковных отношений первой половины XX в. – одной из самых драматичных страниц существования Церкви, является актуальной с точки зрения выстраивания диалога государства и Церкви, а также роли Церкви в жизни общества на современном этапе. Этот фактор во многом определяет научно-практическое значение диссертационного исследования.

Тема диссертационного исследования «Смоленская губерния и Западная область в условиях антирелигиозной политики Советского государства (1925–1930)» ограничена территориальными (Смоленская губерния до 1929 г. и Западная область с 1929 г.), хронологическими (вторая половина 20-х гг. XX в.), проблемными (административно-репрессивный и пропагандистский аспекты гонений) рамками.

Хронологические рамки диссертационного исследования определены особенностью вероисповедной политики коммунистического режима на общегосударственном уровне, соотносясь с администрированием религиозных организаций на местном уровне. Нижняя хронологическая дата – 1923–1924 гг. – объясняется началом стихийной борьбы советской власти с религиозной обрядностью в целом и имущественными правами РПЦ в частности. Верхняя хронологическая дата, а именно 1930 г., связана с завершением формирования систематической антирелигиозной политики, инициированной законодательными положениями постановления СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. Данный законодательный документ стал правовой базой для последующего усиления антирелигиозной политики советского власти, для ее окончательного обозначения как политики воинственно-атеистической и богоборческой. Постановление обеспечило нормативно-правовую основу для крупномасштабных и системных мероприятий антирелигиозного характера,

осуществляемых по всей территории СССР. В последнем параграфе 4 главы диссертации, посвященной исследованию вопроса о закрытии храмов и молитвенных зданий, для формирования полной картины затронута тема изменения антирелигиозной политики в деле закрытия храмов 1931 г.

Географические границы исследования включают территорию г. Смоленска и Смоленской губернии с учетом территориальных изменений в 1929 г., связанных с образованием Западной области.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с крупными научными программами (проектами), темами

Диссертация подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы кафедры церковной истории и церковно-практических дисциплин Минской духовной академии на 2021–2025 гг. по теме «Православная Церковь в истории и культуре Беларуси» (утверждена решением Научно-методического совета Минской духовной академии от 18 сентября 2020 г.).

Цель исследования состоит в выявлении содержания и характерных особенностей антирелигиозной политики советского государства в Смоленской губернии и Западной области во второй половине 20-х гг. XX в.

Для достижения поставленной цели автор сосредоточил внимание на решении следующих **задач**:

1. выявить особенности формирования системы правовых норм, регулирующих антирелигиозную политику и специфику репрессивной модели государственно-церковных отношений и раскрыть закономерности трансформации антирелигиозной политики государства и его пропагандистского аппарата на рубеже 1920–1930-х гг.;

2. исследовать процесс реализации агитационно-пропагандистской политики в Смоленской губернии и Западной области во второй половине 20-х гг. XX в.;

3. систематизировать и изучить основные формы и методы административно-репрессивного аспекта антирелигиозной политики в Смоленской губернии и Западной области на примере процесса ликвидации (закрытия) молитвенных зданий.

Объектом исследования является политика советской власти по отношению к РПЦ в период 1925–1930 гг.

Предмет исследования – формы и методы богоборческой политики советской власти в Смоленской губернии и Западной области.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что впервые в исторической науке проведено специальное целостное исследование проблемы трансформации взаимоотношений Советского государства и Православной Церкви на основании региональных материалов (Смоленская губерния и Западная область во второй половине 1920-х гг.). В ходе исследования удалось систематизировать и выделить основные методы государственной политики по закрытию храмов и молитвенных зданий, а также отдельно охарактеризовать пропагандистскую кампанию с позиций экономического и идеологического

аспектов. Впервые введен в научный оборот ряд архивных материалов по рассматриваемой проблеме.

Положения, выносимые на защиту:

1. Государственная политика в отношении религиозных организаций в течение 1920-х гг. претерпела ряд изменений и отличалась крайней неоднородностью. В целом антирелигиозная политика советской власти включала в себя несколько направлений: репрессии в отношении духовенства и мирян вне зависимости от их конфессиональной принадлежности, ликвидация храмовых и молитвенных зданий и передача таковых в собственность светских институтов, изъятие церковного имущества, широкомасштабная атеистическая пропаганда, налоговое давление на религиозные общины. Законотворческая деятельность в период НЭПа (1921–1928 гг.) стала нормативной платформой для будущих массовых гонений на верующих. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», явившееся итогом законотворческой деятельности в отношении религии и Церкви, сыграло решающую роль в государственной вероисповедной политике, подчинив религиозные общины и церковное имущество жесткой регламентации и контролю. К концу 1920-х гг. ввиду окончательного формирования «генеральной» линии партии, в период начавшихся коллективизации и индустриализации, возникшего хлебазаготовительного кризиса, духовенство приравнивается к пособникам «кулачества» и его деятельность считается контрреволюционной: антирелигиозная борьба выводится в политическую плоскость через разжигание ненависти народа к Церкви, духовенству и верующим. В антирелигиозной политике Советского государства первой половины 1920-х гг. превалирует идеологическое давление на конфессиональные структуры. Антирелигиозная пропаганда не носила воинственного характера и не стояла на политической повестке в качестве приоритетной. Фундаментом антирелигиозной работы была пропаганда коммунизма как научной и общественной системы и критика религии с точки зрения естественнонаучной картины мира. С 1927 г. на фоне изменений, связанных с ужесточением религиозной политики Советского государства в сторону административно-репрессивного аспекта, начинается процесс выработки нового законодательства в отношении организации антирелигиозной пропаганды в сторону ее структурирования и выработки мер по усилению антирелигиозной работы. Вопросы антирелигиозной пропаганды перестают быть уделом только агитационно-пропагандистского отдела партии и Союза безбожников. Новое наступление на религию становится приоритетным в партийной работе, включало в эту борьбу практически все структуры государства, в том числе органы НКВД и ОГПУ. Принимаемые нормативные акты были направлены на ожесточение

антирелигиозной работы и пропаганды, внедрение ее во все сферы жизни общества. Антирелигиозная пропаганда, возрождаемая в конце 1920-х гг., стала идеологической основой всей антирелигиозной работы.

2. Процесс изменения постановки антирелигиозной пропаганды в Смоленской губернии связан с появлением региональной организации Союза безбожников в 1925 г. Региональной властью строится целостная структура антирелигиозного просвещения и образования через разветвленную сеть ячеек безбожников, создающихся во всех волостях, уездах и городах Смоленской губернии, происходит теоретическая разработка задач, форм и методов антирелигиозной пропаганды. С 1925 по 1928 гг. Союзом безбожников Смоленской губернии выстраивается процесс организации систематической антирелигиозной агитационно-пропагандистской работы, построенной на естественнонаучном просвещении граждан, акцентируется внимание на понимании антирелигиозной пропаганды как продолжительного процесса изменения религиозного сознания масс. Такое построение пропаганды, лимитируя ее рамками определенной структуры, в какой-то мере освобождало Церковь от безбожного произвола и административного нажима. Несмотря на все усилия в данный период систематизировать антирелигиозную пропаганду и выстроить серьезную идеологическую структуру, смоленский Союз безбожников фактически был неработоспособен, антирелигиозная пропаганда проводилась на низком уровне, а в сельской местности практически не имела успеха. Смена задач, форм и практики антирелигиозной пропаганды датируется 1929 г. и отражается в документальных материалах образованной в январе Западной области. 1929 г. стал началом развертывания массированного антирелигиозного наступления советского агитпропа. Сравнительно «деликатные» идеологически-пропагандистские методы борьбы с религией при неэффективности деятельности Союза безбожников меняются в сторону административно-репрессивного подхода, реализуемые под непосредственным контролем АППО. Деятельность Церкви и верующих рассматривается как противление советской власти и признается контрреволюционной. Делопроизводственная документация смоленских архивов свидетельствует о том, что региональная власть выстраивала целостную антирелигиозную политику на местах, причем в антирелигиозную деятельность были задействованы как исполнительные органы, так и партийные структуры (комсомольская организация), призванные обеспечить поддержку со стороны населения. В тоже время реализация в регионе в первой половине 1929 г. нового антирелигиозного административно-репрессивного курса Советского государства практически не осуществлялась ввиду занятости руководства региона и Союза воинствующих безбожников организационными вопросами по районированию новообразованной Западной области.

3. Постановление «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. стало нормативно-правовой базой, которая в дальнейшем использовалась в административных акциях ликвидации храмов и молитвенных зданий. Данный законотворческий акт стал в действительности основой для жесткого администрирования на местах, когда откровенные антирелигиозные действия легитимизировались, как следование «советской законности». Исследование выявило несколько мотивов закрытия храмов: несоблюдение налогового законодательства, государственные или общественные нужды в зданиях и помещениях, отказ религиозными общинами осуществлять ремонт храмового здания. Данные практики, ориентированные на действующее законодательство, в действительности явились целенаправленной политикой по полному захвату и уничтожению церковного имущества при постоянном нарушении закона, искусственном создании оснований к закрытию и фальсификации общественного мнения. В период с весны 1930 по 1931 гг. религиозное законодательство частично видоизменялось, в том числе, и по причине крайне негативной реакции со стороны населения на вероисповедную политику государства. Исследование делопроизводственной документации, а именно постановлений о закрытии церквей в период с весны 1930 по конец 1931 гг. позволяет утверждать об ослаблении в гонениях «административного нажима», попытках центральной и областной исполнительной власти соблюдать установленное законодательство.

Личный вклад соискателя

Настоящее диссертационное исследование является самостоятельным историографическим анализом, использующим широкий массив документальных материалов, впервые введенных в научный оборот, и опирающимся на достижения современной историографии. Диссертационное исследование является попыткой исследовать положение Русской Православной Церкви в Смоленской губернии и Западной области во второй половине 1920-х гг. и начале 1930-х гг. в рамках антирелигиозной политики (административные и экономические репрессии) Советского государства, а также в условиях формирования и осуществления антирелигиозной пропаганды. Автор полагает, что данная работа позволит исторически объективно взглянуть на взаимоотношения Церкви и государства в описываемый период. Это вовсе не означает, что проведенная работа позволяет заявить о разрешении всех основных вопросов государственно-церковных отношений второй половины 1920-х гг. Скорее, мы можем говорить о новых возможностях, которые теперь открываются перед исследователями.

Апробация результатов диссертации и информация об использовании ее результатов

В период подготовки кандидатской диссертации результаты исследования были представлены на 3 научных конференциях: международной научной конференции «Российское православие от модерна к современному дню (конец XIX – конец XX в.): проекции Великой русской революции в истории и историографии» (СмоЛГУ, 15–17 июня 2018); всероссийской (с международным участием) научной конференции «Церковно-историческая наука в России XIX – начала XXI в.: институты, школы, ключевые проблемы» (СмоЛГУ, 2020); XII международной научно-богословской конференции «Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки» (СПбДА, 2021).

Материалы диссертации были использованы в учебном процессе в Смоленской Духовной Семинарии в ходе преподавания спецкурса «История РПЦ в XX веке (по материалам архивов Смоленской области)».

Опубликованность результатов диссертации

Основные положения диссертации отражены в 3 научных статьях: в журналах «Христианское чтение» (ВАК) и «Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии» (входит в Общецерковный перечень журналов, в которых рекомендуется публиковать результаты исследований соискателей ученых степеней по богословию и церковной истории). Общий объем опубликованных материалов составляет 3,2 авторских листа.

Структура и объем диссертации

Диссертационное исследование состоит из перечня условных обозначений, введения, общей характеристики работы, основной части, включающей в себя 4 главы, заключения, библиографического списка (297 наименований, из них 3 – публикации соискателя). Объем диссертации без библиографического списка – 171 страница, список – 22 страницы.

Глава 1. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Историография

Одной из самых неразработанных и не систематизированных тем «сталинской» вероисповедной политики 1920–1930-х гг. оказалась тема регулирования деятельности религиозных организаций на региональном уровне. Поэтому в рамках данного исследования мы часто обращались к общей историографии церковно-государственных отношений «сталинского» периода. В представленной работе мы попытаемся выявить основные направления отечественной историографии, посвященной вероисповедной политики СССР в 1920–1930-е гг. Если в советское время историография вынужденно поляризовалась, артикулируя некую черно-белую картину исторической действительности, отражая текущую социальную конфронтацию атеистической идеологии и религиозного мировоззрения, то в постсоветский период предстает более многообразный спектр мнений и исторических оценок. Теперь форма и содержание исторической монографии зависит от целого ряда таких факторов, как наличие доступа к вновь засекреченным государственным архивам, возможность получения научно-исследовательского гранта, принадлежность к определенному академическому или учебному комьюнити, социально-политические и конфессиональные пристрастия исследователя, и др. Все эти факторы являются тем социальным контекстом, который повлиял на существование множества направлений в области историографии «сталинской» антирелигиозной политики в 1920–1930-е гг.

Историографию церковно-государственных отношений в СССР разделяют на два этапа: советский и постсоветский.

Довоенная историография, занимавшаяся исследованием церковно-государственных отношений в первые десятилетия существования СССР, отличалась несколькими фундаментальными недостатками, несопоставимыми с принципами научной историографии. Во-первых, весь спектр литературы раннего советского периода отличался крайней политической и идеологической ангажированностью. Напомним, что несмотря на заявленное законодательное отделение Церкви от государства Декретом от 1918 г., молодое советское государство отличалось крайне атеистическими взглядами в построении официальной идеологии. Этот момент существенным образом сказывался на облике научной историографии. Во-вторых, ранние советские историки, апеллируя к положениям Декрета от 1918 г., практически не ссылались на делопроизводственные источники тех властных органов, определявших

правоприменение данного Декрета и реализацию вероисповедной политики. Указанные недостатки свидетельствуют об очень важной закономерности: обусловленность методологии исторического исследования (отсутствие ссылок на источники, а именно делопроизводственную документацию) господствующей государственной идеологией (в частности, идеология воинствующего атеизма).

Хотя стоит отметить, что наряду с официальной советской историографией, отличающейся необъективностью оценочных суждений в отношении истории Русской Православной Церкви, существовала историография, неподконтрольная советской атеистической идеологии. Это монографии зарубежных исследователей, а также труды советских диссидентов, публиковавшихся в самиздате или заграничных издательствах, по сути, не ограниченных идеологической линией советской академической науки.

Из всего массива довоенной советской литературы, посвященной вопросу церковно-государственных отношений, стоит выделить работы, представляющие социо-политический анализ существования Русской Православной Церкви в рамках коммунистического государственного строя (социальное, политическое, правовое положение религии при атеистическом режиме). Важно отметить, что большинство авторов указанных работ были инициаторами или очевидцами вероисповедной политики советской власти (В.Д. Бонч-Бруевич¹, Е.М. Ярославский², П.А. Красиков³, Н.К. Крупская⁴, А.В. Луначарский⁵, И.И. Скворцов-Степанов⁶). Поэтому подобные труды можно опосредованно рассматривать и как источники указанной проблематики, поскольку здесь мы увидим постановку задач богоборческой линии поведения и общую мотивацию вероисповедной политики коммунистической партии. Кто как не большевистские идеологи лучше всего могли наметить стратегический курс атеистической работы

¹ Бонч-Бруевич, В.Д. Живая церковь и пролетариат / В.Д. Бонч-Бруевич. – М. : Жизнь и знание, 1923. – 32 с.; Бонч-Бруевич, В.Д. Избранные атеистические произведения / В.Д. Бонч-Бруевич. – М. : Мысль, 1973. – 343 с.; Бонч-Бруевич, В.Д. Избранные сочинения : в 3 т. / В.Д. Бонч-Бруевич. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – Т.1 : О религии, религиозном сектантстве и церкви. – 1959. – 411 с.

² Ярославский, Е.М. На антирелигиозном фронте (1919–1924 гг.) / Е.М. Ярославский. – М. : Красная новь, 1924. – 223 с.; Ярославский, Е.М. Религия и РКП(б) / Е.М. Ярославский. – М. : Безбожник, 1925. – 48 с.; Ярославский, Е.М. 10 лет на антирелигиозном фронте / Е.М. Ярославский. – М. : Безбожник, 1927. – 16 с.; Ярославский, Е.М. Против религии и церкви : в 5 т. – М. : ОГИЗ – ГАИЗ, 1932–1935. – 5 т.; Ярославский, Е.М. О религии. / Е.М. Ярославский. – М. : Госполитиздат, 1958. – 643 с.

³ Красиков, П.А. Избранные атеистические произведения / П.А. Красиков. – М. : Мысль, 1970. – 269 с.; Красиков, П.А. На церковном фронте (1918–1923 гг.) / П.А. Красиков. – М. : Юридическое изд-во НКЮ, 1923. – 311 с.

⁴ Крупская, Н.К. Антирелигиозная пропаганда / Н.К. Крупская. – М. : ГИЗ, 1929. – 69 с.; Крупская, Н.К. Вопросы атеистического воспитания / Н.К. Крупская. – М. : Просвещение, 1964. – 215 с.; Крупская, Н.К. Из атеистического наследия / Н.К. Крупская. – М. : Наука, 1964. – 307 с.

⁵ Луначарский, А.В. Об атеизме и религии / А.В. Луначарский. – М. : Мысль, 1972. – 509 с.; Луначарский, А.В. Почему нельзя верить в бога? Избранные атеистические произведения / А.В. Луначарский. – М. : Наука, 1965. – 443 с.; Луначарский, А.В. Христианство или коммунизм? Диспут с митрополитом А. Введенским / А.В. Луначарский. – Л. : ГИЗ, 1926. – 76 с.

⁶ Скворцов-Степанов, И.И. Задачи и методы антирелигиозной пропаганды. Религия в школе. 3-е изд., перер. и доп. / И.И. Скворцов-Степанов. – М.–Л. : ГИЗ, 1925. – 73 с.; Скворцов-Степанов, И.И. Избранные атеистические произведения / И.И. Скворцов-Степанов. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 568 с.

и антирелигиозной пропаганды. Кроме указанных выше негативных качеств (идеологическое давление, ограниченная доступность документальных источников), довоенная советская историография отличалась нарочитой публицистичностью, грубым пропагандистским запалом. Это объясняется тем, что советские историки преследовали не научные цели отражения исторической действительности, а выполняли идеологический заказ коммунистической партии. С точки зрения ленинско-марксистской концепции, утверждение, что Русская Православная Церковь была реакционным, монархическим, контрреволюционным институтом, являлось аксиомой, не требующей дополнительных исторических доказательств. Ранняя советская историография страдала болезнью исторического априоризма, когда любое действие советского правительства в рамках вероисповедной политики рассматривалось исключительно в положительных тонах, а реакция религиозных организаций на гонения как «контрреволюционный» акт. Причем оценки давались декларативно, не подкрепленные уровнем фактологии. Любое действие религиозной организации соотносилось с ключевыми утверждениями марксистско-ленинской идеологии, а не с историческим контекстом. Поэтому статьи и монографии советских авторов 1920–1930-х гг., посвященные тематике церковно-государственных отношений, можно отнести к обширному массиву популярной, пропагандистской литературы.

Принципы послевоенной историографии начали постепенно смещаться в сторону объективности научно-исторического исследования. Связано это было с несколькими историческими прецедентами: существенное ослабление антирелигиозной политики Советского государства в послевоенный период и процессом «десталинизации», инициированным XX-м съездом КПСС. Как было описано выше, продуцируемая государственная идеология может оказывать влияние на характер научной методологии в ученом сообществе. Подобным образом социально-политическая ситуация хрущевской «Оттепели» сказалась достаточно положительно на методологии научного исследования. Буквально спустя несколько десятилетий после рассматриваемых событий систематизация накопившегося материала открыла новую проблематику, расширила тематические границы исследований. Историография хрущевского периода отказалась от агитационно-пропагандистских принципов освещения исторических событий прошлого. Наконец стал превалировать историко-критический подход, хотя давление атеистической идеологии еще оставалось.

В ситуации частичного обращения к документальным первоисточникам перед советскими исследователями предстала новая, более сложная и реалистичная, картина исторической роли религии в развитии государства. Однако это обращение оставалось неполным. Но теперь советские ученые, при сохранении исходных атеистических установок, не занимались поверхностной

пропагандой или карикатурным высмеиванием религии, но пытались на основании документальных доказательств выстраивать свою критику социальной роли РПЦ в советском государстве. Более того, появился ряд авторов (М.М. Персиц¹, М.И. Шахнович², В.Ф. Шишкин³, Г.В. Воронцов⁴, И.Д. Энгорн⁵), чьи исследования были посвящены описанию конфессиональной политики советского государства и тех властных структур (ОГПУ, НКВД, Совет по делам РПЦ), которые были ответственны за проведение вероисповедной политики.

Несмотря на все большее использование историко-критического метода, наличествовал общий недостаток, преследовавший советскую историографию. Главный изъян историографии церковно-государственных отношений – отсутствие доступа к материалам Политбюро ЦК РКП(б) – оставался. Советскую историографию продолжала преследовать характерная тенденциозность в оценке церковно-государственных отношений. Стоит отметить монографии следующих авторов: В. А. Куроедова⁶, Р.Ю. Плаксина⁷, Н.С. Гордиенко⁸. То, что советские историки 1960–1970-х гг. практически не использовали документальные материалы из закрытых правительственных или партийных архивов, сказывалось на качестве и обоснованности исторической оценки. Напомним, проблема заключалась в том, что советское государство декларировало на законодательном уровне вполне демократические принципы свободы совести, что кардинальным образом не совпадало с государственной практикой правоприменения в области регулирования деятельности религиозных законодательств. По этой причине с виду более научную советскую историографию времен Н. Хрущева и Л. Брежнева объединял довоенный пропагандистский литературой фундаментальный изъян, как отсутствие опоры на научную методологию. Поэтому в настоящий момент вполне объяснимо, когда указанные работы в современном исследовании практически не используются, как заведомо не научные и идеологически ангажированные.

Таким образом, можно прийти к промежуточным выводам относительно состояния советской историографии по теме церковно-государственных отношений в СССР в 1920–1930-е гг. Несмотря на беспрецедентный процесс

¹Персиц, М.М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917–1919 гг.) / М.М. Персиц. – М., 1958. – 198 с.

²Шахнович, М.И. Ленин и проблемы атеизма / М.И. Шахнович. – М.–Л., 1961. – 670 с.

³Шишкин, В.Ф. Великий Октябрь и пролетарская мораль. / В.Ф. Шишкин. – М., 1976. – 260 с.

⁴Воронцов, Г.В. Ленинская программа атеистического воспитания в действии (1917–1937 гг.) / Г.В. Воронцов. – Л., 1973. – 31 с.

⁵Эйнгорн, И.Д. Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917–1937 гг.) / И.Д. Эйнгорн. – Томск, 1982. – 225 с.

⁶Куроедов, В.А. Религия и церковь в Советском государстве / В.А. Куроедов. – М., 1981. – 261 с.

⁷Плаксин, Р.Ю. Тихоновщина и ее крах: Позиция православной церкви в период Великой Октябрьской революции и гражданской войны / Р.Ю. Плаксин. – М., 1987. – 206 с.

⁸Гордиенко, Н.С. Православие в советском обществе. Основные этапы эволюции / Н. С. Гордиенко // Русское православие: Вехи истории / А.И. Клибанов [и др.] ; под. ред А.И. Клибанова. – М., 1989. – С. 616–690.

«десталинизации» и соответственно последовавшие амнистии репрессированных, советская историография продолжительное время оставалась в роли пропагандистского рупора коммунистического (атеистического) государства в ущерб научной объективности историко-критического исследования. Идеологическая ангажированность, отсутствие доступа к делопроизводственной документации органов, ответственных за проведение конфессиональной политики (АРК при Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и VI отделение Секретного отдела ГПУ–ОГПУ), невозможность научного взаимодействия с иностранными учеными и пр., стали ключевыми факторами крайне низкой научной ценности советской историографии по заявленной теме. Частичное открытие архивов, начатое с конца 1980-х гг., дало новый исследовательский импульс и позволило во многом заново интерпретировать феномен преследования религий в Советском Союзе.

Менее искаженным был взгляд зарубежных и диссидентских историков на проблему церковно-государственных отношений в СССР. Эмигрантская литература обладала правозащитной мотивацией и пыталась привлечь внимание западных государств на вопиющие нарушения фундаментальных прав советских граждан. Однако, также как и советской историографии, эмигрантским авторам не хватало доступа к делопроизводственной документации, которая располагалась в государственных архивах СССР с грифом «Секретно». Благородный мотив защиты прав советских верующих, к сожалению, часто и по объективным причинам не подкреплялся документальными свидетельствами. Поэтому эмигрантскую историческую литературу 1960–1980-х гг. можно отнести по большей части к жанру правозащитной литературы, а не научной историографии. Тем не менее, по причине собственной идеологизированной картины мира и публицистической стилистики эмигрантская (и диссидентская) историография часто отдалялась от научной объективности, впадая в полемическую экзальтацию и пренебрегая точностью исторических фактов, статистических данных. К примеру, историческая публицистика А. И. Солженицына совершенно справедливо критиковала советский режим эпохи «Гулага», но автор по объективным причинам был неточен в подсчетах жертв политических репрессий. В дальнейшем, напомним, такая неточность стала одной из причин отрицания безусловного факта сталинских репрессий в историографии некоторых постсоветских ревизионистов¹.

Но у эмигрантской и диссидентской литературы было важнейшее преимущество. Лишь эти авторы возвышали свой голос тревоги в общих условиях откровенной пропагандистской лжи. Лишь в статьях, монографиях эмигрантского и диссидентского происхождения посредством «самиздата» можно было ознакомиться с действительным положением простых верующих на территории

¹ См.: Ермаков, В. А. Концептуальные подходы к анализу политических репрессий в СССР второй половины 1930-х гг. // В.А. Ермаков // Interactive science. – 2021. – № 6 (61). – С. 19–35.

СССР. Именно через эмигрантскую литературу цивилизованный мир узнал о зверствах «сталинского» репрессивного аппарата, о том, как на протяжении 1920–1930-х гг. религия повсеместно истреблялась незаконными «административными» методами со стороны государства. По сути, понятие «сталинские репрессии» вошло в массовую культуру именно интеллектуальными усилиями русских эмигрантов и церковных диссидентов.

Что касается исторической оценки антирелигиозной политики в СССР в 1920–1930-х гг., то впервые целостные работы за авторством эмигрантских деятелей начали появляться в 1960-е гг. Одной из первых книг, посвященных положению РПЦ в СССР, были труды епископа РПЦЗ, Преосвященного Григория (Граббе)¹. Стоит отметить, что работы «карловацкого» иерарха отличались крайней тенденциозностью, и даже несколько перебарщивали с нарочитым «антисоветизмом», что не отнимало у них существенной социально-политической пользы в качестве фактора изменения общественного мнения западных цивилизованных стран в отношении положения верующих в СССР.

Более продуманными и объективными в научном смысле были монографии протоиерея Дмитрия Константинова, который был осведомлен об антирелигиозной политике в СССР в 1920–1930-х гг. не понаслышке, будучи советским гражданином вплоть до 1944 г. Именно церковно-исторические монографии о. Дмитрия были необходимым фундаментом для обширной эмигрантской литературы последующего времени, отличаясь нейтральностью оценочных суждений и множественным фактическим материалом, взятым из открытых источников.

По намеченному о. Д. Константиновым пути пошел советский церковный диссидент Л.Л. Регельсон², использовавший в своей известной и до сих пор не устаревшей монографии многочисленный документальный материал, заимствованный из нормативно-правовых актов СССР или официальной прессы. В 1990-е гг. работа Л. Регельсона была одной из основных при начальном изучении истории РПЦ в 1920–1930-х гг.

Также стоит обратить свое внимание на яркую работу А.Э. Краснов-Левитина³, граничащую с жанром мемуаров и основанную на живых свидетельствах церковных деятелей (в основном обновленческие иерархи: «митрополит» Александр Введенский) в период 1920–1930-х гг. Объективно

¹См. Граббе Г., епископ. Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом / епископ Г. Граббе. – Джорданвилль : 1961. – 216 с.; Граббе Г., епископ. Русская Церковь пред лицом господствующего зла / епископ Г. Граббе. – Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1991. – 175 с.

²Регельсон, Л. Трагедия Русской церкви, 1917–1945 / Л. Регельсон; послесл. Иоанна Мейендорфа. – Paris : YMCA-press, Cop. 1977. – 625 с.: портр.

³Краснов-Левитин, А.Э. Рук твоих жар: 1941–1956 / А.Э. Краснов-Левитин. – Тель-Авив : Круг, 1979. – 479 с.; Краснов-Левитин, А.Э. Дела и дни. Обновленческий митрополит Александр Введенский / А.Э. Краснов-Левитин. – Париж : Поиски, 1990. – 204 с.; Краснов-Левитин, А.Э. Очерки по истории русской церковной смуты / А.Э. Краснов-Левитин, В. Шавров. – М. : Крутицкое патриаршее подворье, 1996. – 672 с.

говоря, наряду с воспоминаниями митрополита Евлогия (Георгиевского)¹ это один важнейших мемуарных трудов по истории РПЦ в XX ст.

Над созданием объективной истории Русской Православной Церкви в XX в. пытался трудиться церковный диссидент и исследователь антирелигиозной политики советского режима диакон о. Владимир Русак. Прежде всего, необходимо обратить внимание на его фундаментальную монографию, а именно объёмный трехтомник, посвященный анализу церковно-государственных отношений в СССР². Первоначально он был издан зарубежом в знаменитом монастырском издательстве РПЦЗ (США, Джорданвилль, Св. Троицкий Монастырь). В дальнейшем эта работа была переиздана в России, став базовым исследованием по истории РПЦ в XX ст. для множества учащих духовных школ. Впоследствии под его авторством было опубликовано множество учебных пособий³ и исторических монографий⁴, посвященных нелегкой судьбе Русской Церкви в XX веке. Автор подходил весьма ответственно к своей исследовательской работе, но в его ранних трудах наличествовал фундаментальный изъян, общий для всей эмигрантской литературы, – фактуальные неточности из-за отсутствия доступа к делопроизводственной документации, хранящейся в засекреченных государственных архивах.

Вершиной эмигрантской церковно-исторической литературы, посвященной истории РПЦ в XX в., стали исследовательские труды профессора Д.В. Поспеловского. Для многих русских и зарубежных студентов духовных школ пособия и монографии Д.В. Поспеловского⁵ были первыми при знакомстве с новейшей историей РПЦ. Учебные пособия Д.В. Поспеловского задали новые научные стандарты. Да, к сожалению, взгляды Д.В. Поспеловского не были лишены политизированности (Д.В. Поспеловский отражал либеральную политическую повестку), что влияло на научную объективность. Однако именно канадский исследователь начал включать в свои монографии те содержательные

¹ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. : Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной / митрополит Евлогий (Георгиевский). – Париж : 1947. 2-е издание в серии «Материалы по истории Церкви». М. : 1994. – 621 с.

² Русак, В. С. Свидетельство обвинения: церковь и государство в Советском Союзе / Владимир Степанов (Русак). - Valley Cottage, N. Y. : Multiling. typesetting, cop. 1987-. Ч. 1. - cop. 1987. - 350, [2] с.

³ Русак, В. С. История Российской церкви от основания до наших дней / В.С. Русак. – Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1993. – 580 с.; Русак, В. С. История Российской Церкви : учебник : издание второе исправленное и дополненное / В.С. Русак // [Электронный ресурс.] – 2013. – Режим доступа : интернет сайт «Образование и Православие». – Дата доступа : 20.07.2020.

⁴ Русак, В. С. Пир сатаны. Русская Православная Церковь в «Ленинский» период (1917—1924) / В.С. Русак. – Лондон, Канада : Изд. Заря, 1991. — 216 с.

⁵ Поспеловский, Д.В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР : учебное пособие / Д.В. Поспеловский. – М. : Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 1996. – 408 с.; Поспеловский, Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке : учебное пособие / Д.В. Поспеловский. — М. : Республика, 1995. – 511 с.; Поспеловский, Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке: учебное пособие / Д.В. Поспеловский. – М. : Директ-Медиа, 2008. – 511 с.; Поспеловский, Д.В. Какой ценой? Приходская летопись храма, который никогда не закрывался / Д.В. Поспеловский. – М. : Об-во любителей церковной истории, 2003. – 176 с.; Поспеловский, Д.В. Тоталитаризм и вероисповедание : учебное пособие / Д.В. Поспеловский. – М. : ББИ св. ап. Андрея, 2003. – 655 с.

моменты, которые ранее игнорировались в аналогичных работах. Именно Д.В. Поспеловский поднял тему правового и материального аспектов «сталинской» антирелигиозной политики. Также именно канадский историк стал широко обращаться к региональным примерам из вероисповедной политики времен «сталинизма».

В частности, труды Д.В. Поспеловского¹ интересны еще и тем, что он является одним из немногих ученых, исследовавших так называемый «Смоленский архив» – документы, попавшие в Америку после Второй мировой войны, которые давали в какой-то степени возможность иметь некоторую объективную картину жизни в СССР как в религиозном, так и в бытовом ее проявлении. Д. Поспеловский был одним из первых эмигрантских авторов, кто стал использовать документальные материалы из открытых в конце 1980-х гг. советских архивов. Его работы уже были детерминированы серьезной источниковой базой, изобиловали статистическими данными и ссылками на нормативно-правовые акты советского законодательства. Большая часть исторических выводов автора была обусловлена документальными свидетельствами.

Важнейшим достоинством работ Д.В. Поспеловского был их нейтральный и в целом объективистский характер, что было, к сожалению, не свойственно эмигрантским авторам, принадлежащим к РПЦЗ. К примеру, еще с 1930-х гг. исследователям (М. Польский², И. Лаговский³) указанной церковной юрисдикции при оценке положения религии в СССР свойственно было огульное осуждение РПЦ и ее иерархов⁴. «Сергианство», «большевистская церковь», «апостасия», «раскол» и другие эпитеты, обращенные в сторону Русской Православной Церкви на страницах эмигрантских статей и монографий, часто связывались с принадлежностью авторов к церковной юрисдикции РПЦЗ.

Итак, эмигрантская историография прошел сложный и тернистый путь от критиканских антисоветских работ, где доля неоправданной критики доставалась и РПЦ, до объёмных и комплексных монографий, отражающих различные аспекты церковно-государственных отношений в СССР в 1920–1930-х гг.

Поскольку в СССР работы христианских авторов были запрещены, то первыми о гонениях стали писать историки-атеисты, получившие на это

¹Поспеловский, Д.В. Подвиг веры в атеистическом государстве / Д.В. Поспеловский. // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси / сост. М. Назаров. – М., 1991. С. 68–89; Поспеловский, Д.В. Русская Православная Церковь: испытания начала XX века / Д.В. Поспеловский // Вопросы истории. – 1993. № 1. С. 42–54; Поспеловский, Д.В. Православная Российская Церковь и Гражданская война / Д.В. Поспеловский // Гражданская война в России: перекресток мнений / Рос. АН, Ин-т рос. истории; отв. ред. Ю. А. Поляков, Ю. И. Игрицкий. – М., 1994. С. 106–120.

² Польский, М., прот. Положение Церкви в советской России. Очерк бежавшего из России священника / протопресвитер М. Польский. – СПб. : Республика, 1995. – 120 с.

³ Лаговский, И. Коллективизация и религия / И. Лаговский. – PARIS : УМКАPRESS, 1932. – 120 с.

⁴ Во власти Губчека. Воспоминания неизвестного протоиерея. – М., 1996. – 80 с.

«политический заказ» со стороны Советской власти. Разумеется, их опусы написаны крайне предвзято и тенденциозно, советские авторы постоянно осуществляли фальсификацию истории, тщательно замалчивали положительную даже с атеистической точки зрения деятельность Церкви и, наконец, не останавливались перед откровенной ложью и даже клеветой. Характерной особенностью советской историографии является отрицание самого факта гонений. Из знакомства с этой литературой складывается впечатление, что никаких репрессий против Церкви вообще не было, поскольку советская власть якобы позволяла верующим свободно исповедовать свою религию и не препятствовала религиозной жизни. Однако, при внимательном изучении данных работ, можно убедиться в том, что гонения были, причем самые страшные из жестокие за всю историю христианства. Эти гонения называются в источниках «перегибами» или «излишним рвением», однако, при элементарном сопоставлении данных становится понятным, что реальный размах гонений был очень велик. Следует признать, что в трудах наиболее добросовестных советских авторов (Ю.П. Зуев¹, И.И. Мигович, Н.А. Трофимчук², А.Н. Лещинский³) можно найти фактическую информацию по истории гонений. В некоторых, наиболее объективных работах авторы признавали, что Русская Церковь приносила России на протяжении всей своей истории немалую пользу. Более того, некоторые из историков испытывали тайную симпатию к Церкви и, по мере возможностей, старались изложить ее в своих трудах. С конца 1980-х гг. вышло несколько замечательных сборников, где обозначены первые попытки дать объективную картину истории Русской Православной Церкви. Здесь стоит выделить коллективный труд «Русское православие: вехи истории»⁴ или сборник «На пути к свободе совести»⁵, где просматриваются реальные шаги навстречу научной объективности исторического исследования.

Начиная с сер. 1980-х гг., когда господствовавшим идеологическим курсом стала ревизия коммунистического проекта, знакомая нам под девизом горбачёвской «перестройки», произошли в том числе и фундаментальные изменения в принципах и методологии отечественной исторической науки. Более того, 1000-летний юбилей со дня Крещения Руси положительно сказался на текущем состоянии церковно-государственных отношений; наметились существенные подвижки в области ослабления жесткой вероисповедной

¹ Зуев, Ю.П. Церковь и государство: новые акценты старой темы: [Беседа с зав. отд. Ин-та религиоведения Акад. Обществ. наук при ЦК КПСС Ю.П. Зуевым (записала И.Б.Чистякова) / Ю.П. Зуев. // Наука и религия. – 1991. № 6. С.204.

² Мигович, И.И. Развитие взаимоотношений государства и церкви в контексте нового политического мышления: Вопросы и ответы / И.И. Мигович, Н.А. Трофимчук. – М. : Общество «Знание» РСФСР, 1990. – 39 с.

³ Лещинский, А.Н. Время новых подходов: о советских государственно-церковных отношениях / А.Н. Лещинский. – М.: Общество «Знание» РСФСР, 1990. – 79 с.

⁴ Русское православие: вехи истории. – М., 1989.

⁵ На пути к свободе совести. – М. : Прогресс, 1989.

политики, что в конечном итоге закончилось глобальными изменениями в федеральном законодательстве о свободе совести от 1990 г. Религиозные образования наконец получили свою настоящую свободу, а светские исследователи получили реальную возможность без государственного и идеологического надзора заниматься объективными научно-историческими исследованиями прошлого, в том числе церковно-государственными отношениями, в частности, характеристикой взаимодействия Русской Православной Церкви и советского государства. Появился ряд авторов и работ, которые поставили под сомнение ряд теоретических положений и методологических подходов классической советской историографии. Среди них можно отметить работы С.Н. Савельева, В.А. Алексеева, М.И. Одинцова, М.Ю. Крапивина, А.Н. Кашеварова, Н.А. Кривовой. Обратимся подробнее к этим ключевым авторам, которые заложили фундамент для последующих научно-объективных исследований прошлого Российского государства. В постсоветское время представленная академическая среда светских историков старалась отойти от односторонних трактовок взаимоотношений Церкви и государства в СССР.

Первым научно-объективный вклад в изучение церковно-государственных отношений в СССР внес доктор исторических наук М.И. Одинцов, как плодовитый автор многочисленных монографий и статей на заявленную тему¹. Михаил Иванович был у истоков кардинальной ревизии историографии церковно-государственных отношений в СССР в XX в. Своими многочисленными работами историк дал весомый толчок для целого ряда исследований, пересматривающих положений советской историографии. М. И. Одинцов одним из первых обратился к документальным свидетельствам государственных архивов (нормативно-правовые акты, делопроизводственная документация, засекреченные циркуляры центральных органов власти и пр.). Заслуга М.И. Одинцова по большей части заключается в открытии ранее неизвестных научному сообществу источников, максимально прозрачно характеризующих особенности вероисповедной политики в СССР.

Более концептуальным автором в череде ревизионистов советской историографии следует признать труды историка В.А. Алексеева², считавшего,

¹ Одинцов, М. И. Государственно-церковные отношения в России (на материалах отечественной истории XX века) / М.И. Одинцов // Российское объединение исследователей религии [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.rusoir.ru/president/works/80/>. – Дата доступа : 18.08.2020; Одинцов, М. И. Государство и церковь в России. XX век / М. И. Одинцов. – М. : Луч, 1994. – 171 с.; Одинцов, М. И. Государство и Церковь. (История взаимоотношений 1917–1938 гг.) / М. И. Одинцов. – М. : Знание, 1991. – 63 с.; Одинцов, М. И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом / М. И. Одинцов. – М. : Центральный дом духовного наследия. Объединение исследователей религии, 2002. – 312 с.; Одинцов, М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 / М.И. Одинцов. – М. : Политическая энциклопедия, 2014. – 424 с.; Одинцов, М. И. Русские патриархи XX века: Судьбы Отечества и церкви на страницах архивных документов / М. И. Одинцов. – М. : Изд. РАГС, 1999. – 334 с.

² Алексеев, В.А. Иллюзии и догмы: Взаимоотношения Советского государства и религии / В.А. Алексеев. – М., 1991. – 398 с.; Алексеев, В.А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в

что «картина церковно-государственных отношений»¹, описанная советскими историками и религиоведами, отличалась фундаментальными «неточностями и искажениями»². Стоит отметить, что как М.И. Одинцов, так и В.А. Алексеев, изначально были представителями партийной номенклатуры, тем интереснее эволюция их научно-исторических взглядов. В.А. Алексеев также широко использовал архивные материалы, ранее не доступные исследователям. Автор выстроил концепцию развития вероисповедной политики в СССР от состояния сравнительной стабильности «религиозного НЭПа» до репрессивных стратегий времен индустриализации или «Великого террора», апеллируя к статистическим данным делопроизводственной документации (в частности, число арестов представителей духовенства или закрытие молитвенных зданий, как отражение усиления (или ослабления) репрессивной политики государства по отношению к религиозным организациям). Также именно В.А. Алексеевым заложено понимание вероисповедной политики в СССР, как части общего политического курса, артикулируемого партийными элитами. В монографии ««Штурм небес» отменяется?»³ автор уже выстроил четкую периодизацию вероисповедной политики в СССР, основанную на присущей каждому периоду характеристике. В.А. Алексеев одним из первых проанализировал роль общественных организаций (например, «Союз воинствующих безбожников») или государственных средств массовой информации⁴ в осуществлении запланированных партийными органами полномасштабных антирелигиозных кампаний (например, закрытие молитвенных зданий или антиколокольная кампания в период коллективизации, репрессии духовенства во время «Большого террора»). Исследования В.А. Алексеева стали первой попыткой отхода от установившегося в советское время взгляда на духовенство как исключительно реакционного класса.

Другим представителем означенного направления является С.Н. Савельев⁵. Статья историка «Бог и комиссары»⁶ фокусирует внимание на функциях Антирелигиозной комиссии (АРК) при Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б), органа власти, осуществлявшего административно-репрессивную политику. По мнению Савельева, АРК была тем властным органом, который контролировал

СССР / В.А. Алексеев. – М., 1992. – 299 с.; Алексеев, В.А. Была ли в СССР «безбожная пятилетка»? / В.А. Алексеев // Диспут. – 1992. – № 2. С. 12–23.

¹ Алексеев, В.А. Иллюзии и догмы: Взаимоотношения Советского государства и религии. С. 202.

² Там же.

³ Алексеев, В.А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР / В.А. Алексеев. – М., 1992. – 299 с.

⁴ Там же. С. 71 – 72.

⁵ Савельев, С.Н. Протоколы антирелигиозных мудрецов / С.Н. Савельев // Религия и свободомыслие в культурно-историческом процессе / С.-Петербург. гос. ун-т / под ред. С.Н. Савельева – Л., 1991. С.143–155; Савельев, С.Н. Бог и комиссары (к истории комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК ВКП(б) – антирелигиозной комиссии) / С.Н. Савельев // Религия и демократия: На пути к свободе совести. – М. : 1993. – Вып.2. – С. 164–216.

⁶ Савельев, С.Н. Бог и комиссары. С. 164–216.

деятельность религиозных организаций в СССР. Именно кураторством АРК объясняются многие негативные события и нестроения в церковной жизни 1920-х гг. Партийная номенклатура придавала АРК большое значение, так как исследователям истории Политбюро более неизвестно столь продолжительно действующей комиссии¹. АРК выстраивала стратегическую линию в вероисповедной политике, была центральным «планирующим и координирующим» органом репрессивной системы в отношении религиозных организаций. В свою очередь VI отделение Секретного отдела ГПУ–ОГПУ отвечало за оперативную работу, было секретным исполнительным органом. Исходя из архивных свидетельств, ранее недоступных как советским, так и эмигрантским историкам, историческое сообщество начало вскрывать бюрократическую структуру и стратегию вероисповедной политики советской власти в 1920-е гг. Расколы (обновленческий или иосифлянский), кадровые перестановки и ссылки православных иерархов, государственные кампании по вскрытию мощей или изъятию церковных ценностей, – все эти исторические прецеденты были следствием функционирования институциональной системы (АРК при Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и VI отделения Секретного отдела ГПУ–ОГПУ) большевистского режима. Таким образом, мы видим, что репрессивный аппарат в отношении к религиозным организациям был институционально оформлен довольно рано.

Четкую линию становления антирелигиозной политики в своих исследованиях проследил историк А.Н. Кашеваров². К примеру, первая полномасштабная акция большевиков, кампания по вскрытию мощей в 1918–1919 гг., несмотря на всю болезненность для верующих, распространилась на ограниченное число территорий и ограничивалась мотивацией, усердием местных органов власти. Централизованная антирелигиозная стратегия, по мнению А.Н. Кашеварова, сформировалась позднее, при проведении другой репрессивной акции, кампании по изъятию церковных ценностей. Такие выводы стали возможны благодаря подробному анализу деятельности центральных органов власти (АРК при Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и VI отделение Секретного отдела ГПУ–ОГПУ)³. Также в своих работах А.Н. Кашеваров одним из первых обратился к анализу законодательной базы антирелигиозных кампаний, что лишь

¹ Там же. С. 166–167.

² Кашеваров, А. Н. Государственно-церковные отношения в советском обществе 20–30-х гг.: (Новые и малоизуч. вопр.) / А.Н. Кашеваров; С.-Петербург. гос. техн. ун-т. – СПб. : Изд-во СПбГТУ, 1997. – 45 [2] с.; Кашеваров, А.Н. Государство и церковь: из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви, 1917–1945 гг. / А.Н. Кашеваров. – Санкт-Петербург : СПбГТУ, 1995. – 139 с.; Кашеваров, А.Н. Религиозная политика Советского государства в «год великого перелома» / А.Н. Кашеваров // Из истории России: сб. ст. – СПб., 2003. – Вып. 1. – С. 139–150; Кашеваров, А.Н. Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922) / Кашеваров А. Н.; Общество любителей церковной истории. – М. : Изд-во Крутицкого патриаршего подворья, 2005. – 437 с.

³ Кашеваров, А.Н. Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922). С. 169–248.

подтвердило тезис о постепенном становлении репрессивного аппарата богоборческой власти. А.Н. Кашеваров стремится преодолеть стереотипы классической советской историографии. К примеру, исторический анализ специфики государственно-церковных отношений дает возможность ученому постулировать периоды становления и разворотов «антирелигиозной» политики советской власти: 1917–1920, 1929–1932 и 1941–1945 гг. Таким образом, работы А.Н. Кашеварова представляет собой последовательное изложение религиозной политики Советского государства и содержит весьма богатый документальный материал.

Историографической вехой стало введение в научный оборот документальных материалов «церковных» дел, инициированных Политбюро в 1922–1925 гг. Н.А. Кривова в своей монографии¹ именно на основании данных документов проанализировала процесс становления вероисповедной политики в первой половине 20-х гг. XX в.. Посредством оперирования архивными данными и вследствие подробной систематизации свидетельств Н.А. Кривова убедительно доказала правомерность старого эмигрантского тезиса о том, что ответственность в конфронтации с Русской Православной Церковью полностью лежит на советской власти. На основе глубокого изучения материалов РЦХИДНИ Н.А. Кривова сумела реконструировать историю фактического устранения Русской Православной Церкви из общественно-политической жизни страны, вытеснения ее на периферию исторического процесса. В целом, Н.А. Кривова была в 1990-е гг. одним из ведущих специалистов в области историографии проблемы церковно-государственных взаимоотношений в СССР².

Как известно из новооткрытых документов АРК при Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и VI отделения Секретного отдела ГПУ–ОГПУ, процесс изъятия государством церковных ценностей стал начальным проявлением антирелигиозной стратегии и богоборческих кампаний. Это была первая попытка систематизации репрессивных устремлений богоборческой власти. В это время антирелигиозная политика отличалась прямолинейностью, и многие моменты прочитывались обществом, даже, несмотря на секретный характер АРК или VI отделения. С 1923 г. советская власть начинает лавировать и проводить гибкую политику, пытаясь добиться лояльности от самых разнообразных церковных групп. Антирелигиозная политика Советов была стратегией насильственного соглашения и выставляла перед священноначалием Патриаршей церкви

¹ Кривова, Н.А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства / Н.А. Кривова. – М., 1997. – 247 с.

² Кривова, Н.А. Историография проблемы взаимоотношений власти и церкви в 1922–1925 годах / Н.А. Кривова // История повседневности [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа : <http://1.vv-travel.ru/node/392>. – Дата доступа : 12.08.2020.

жесткие требования¹. Патриаршая церковь лишь к 1927 г. получила возможность официальной регистрации органов управления. Но «платой» за легитимацию Патриаршей церкви в Советском государстве стало еще большее проникновение ОГПУ в управленческий аппарат РПЦ (к примеру, кадровая политика). Важно отметить, что вплоть до 1929 г. регулирование высших органов церковной власти структурами ОГПУ не так сильно отражалось на жизнедеятельности приходских общин. Исследования М.Ю. Крапивина по истории РПЦ в СССР рубежа 1920–1930-х гг.², опирающиеся на документальные, понятийные и статистические корреляции между Русской Православной Церковью и иными конфессиями, дают новые черты в общую картину антирелигиозной политики Советского государства.

Правовая легитимация Патриаршей церкви, последовавшая за публикацией Декларации о лояльности советской власти митрополита Сергия (Страгородского), к сожалению, никак не изменила общий курс вероисповедной политики Советского государства³. Напротив, начиная с 1929 г., обозначается новое «столкновение с государством»: за небольшой промежуток времени советская власть провела крупномасштабную «ликвидационную» акцию, когда были закрыты почти все монастыри, произошло изъятие более половины храмовых зданий у приходских общин, совершены тысячи арестов духовенства и верующих⁴. Более того, на законодательном уровне была существенно ограничена область деятельности религиозных организаций. Эта негативная тенденция в 30-е гг. XX в. только усилилась. Постсоветская историография рубежа 1990–2000-х гг. в сталинской вероисповедной политике 30-х гг. зафиксировала стратегию полного вытеснения религии из общественной жизни. Поэтому многие исследователи сделали логичное заключение о том, что легализация Патриаршей церкви была

¹ Лобанов, В.В. Патриарх Тихон и советская власть (1917–1925 гг.) / В.В. Лобанов. – М., 2008. С. 210–223; Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 114–117.

² Крапивин, М.Ю. Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917–конец 1930-х гг.) / М.Ю. Крапивин, А.Я. Лейкин, А.Г. Далгатов. – СПб., 2003. – 308 с.; Крапивин, М.Ю. Адвентисты седьмого дня в условиях советской действительности (1917-й – конец 1920-х гг.) / М.Ю. Крапивин, А.Г. Далгатов // Общество и власть: Материалы Всероссийской научной конференции. – СПб., 2004. С. 199–206; Крапивин, М.Ю. Религиозное сектантство в условиях советской действительности (октябрь 1917-го – конец 1930-х гг.) / М.Ю. Крапивин, Ю.Н. Макаров // Исторические записки. – М., 2005. – Вып. 8 (126). – С. 115–151; Крапивин, М.Ю. Старообрядцы в период массовых репрессий конца 1920-х – 1930-х гг. / М.Ю. Крапивин // Общество и власть : материалы Всероссийской научной конференции. – СПб., 2006. – С. 283–289; Крапивин, М.Ю. Внутриконтфессиональные конфликты и проблемы межконтфессионального общения в условиях советской действительности (октябрь 1917 – конец 1930-х гг.) / М.Ю. Крапивин, А.Г. Далгатов, Ю.Н. Макаров. – СПб., 2005. – 622 с.

³ Курляндский, И.А. Сталин, власть, религия: религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг. / И.А. Курляндский. – М. : Кучково поле, 2011. – С. 226–232.

⁴ Одинцов, М.И. Декларация митрополита Сергия от 29 июля 1927 г. и борьба вокруг нее / М.И. Одинцов // Отечественная история. – 1992. – № 6. – С. 123–139; Шкаровский, М.В. Русское монашество в советское время / М.В. Шкаровский // Церковь и время. – 2002. – № 1 (18). – С. 197–200; Леонтьева, Т.Г. Попы, церковники и сектанты в «большевистской перестройке» в Калининской области 1937–1938 гг. / Т.Г. Леонтьева // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://stalinism-v-sov-provincii.blogspot.com>. – Дата доступа : 22.08.2020.

«подготовленной ловушкой», инициированной советской системой¹. В конечном итоге советской власти удалось приостановить деятельность практически всех церковных исполнительных органов (к примеру, епархиальные или приходские советы). М.Ю. Крапивин считает, что такое перевоплощение вероисповедной политики связано с ужесточением экономического и социального курса коммунистического режима. Крапивин связывал явления коллективизации, раскулачивания и антирелигиозной кампании в единую политическую стратегию советской власти².

Проблематику антирелигиозной политики раннего советского государства подробным образом начали изучать О.Ю. Васильева и П. Н. Кнышевский³. О.Ю. Васильева пришла к выводу, что Русская Православная Церковь в лице Поместного Собора и патриарха Тихона являлась миротворческой силой и стремилась к предотвращению войны. По мнению Васильевой, «антисоветскими их сделали безапелляционные действия СНК»⁴. Монография петербургского исследователя М.В. Шкаровского⁵ дают полноценную картину антирелигиозных кампаний в период «сталинских репрессий» (автор использовал данные 60 архивных фондов).

Следует обратить внимание на издание московского историка И.А. Курляндского, в котором рассматриваются малоизученные проблемы, связанные с церковно-государственными отношениями в 1922–1953 гг.⁶. Построенную по принципу очерков книгу можно оценить как смелую попытку дать общий обзор антирелигиозных мероприятий большевистского руководства.

Интерес к государственно-церковным отношениям в истории России характерен и для современной англоязычной историографии. Важны для осмысления вопроса религиозности населения на фоне антирелигиозной политики советской власти опыты изучения жизни верующих и приходских общин. Монографии Г. Янга⁷, Д. Пэриса⁸, У. Хасбэнда⁹ помогают более детально

¹ Беглов, А.Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР / А.Л. Беглов. – М., 2008. – С. 34–36.

² Крапивин, М.Ю. Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (октябрь 1917-го – конец 1930-х гг.): монография / М. Ю. Крапивин. – Волгоград : Перемена, 1997. – 366 с.

³ Васильева, О.Ю. Колокольный стон индустриализации / О.Ю. Васильева, П.Н. Кнышевский // Ленинградский рабочий. – 1990. – № 32 (2853). – С.10; Васильева, О.Ю. Красные конкистадоры / О.Ю. Васильева, П.Н. Кнышевский. – М. : Товарищество "Соратник", 1994. – 269 с.

⁴ Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь и Советская власть в 1917-1927 гг. / О.Ю. Васильева // Вопросы истории. – 1993. – № 8. – С. 40-54.

⁵ Шкаровский М. В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущёве / М.В. Шкаровский. – М., 1999. – 400 с.

⁶ Курляндский, И.А. Сталин, власть, религия / И.А. Курляндский. – М., 2011. – 701 с.

⁷ Young, G. Power and the Sacred in Revolutionary Russia: Religious Activists in the Village / G. Young. – University of Pennsylvania Press, 1997.

⁸ Peris, D. Commissars in Red Cassocks: Former Priests in the league of Militant Godless / D. Peris. – SR. 1995. – Vol.54. – P.340-364; Peris, D. Storming the Heavens: The Soviet League of the Militant Godless / D. Peris. – Cornell University Press, 1998.

⁹ Husband, W.B. "Godless Communists": Atheism and Society in Soviet Russia, 1917-1932 / W.B. Husband. – Northern Illinois University Press, 2000.

проследить работу Союза воинствующих безбожников и особенности социального поведения крестьянского населения в рамках систематической антирелигиозной политики советской власти. Работа А. Луукканена¹ позволяет увидеть внутреннюю механику институциональных органов советской власти, непосредственно ответственных за реализацию вероисповедной политики на местах.

В ходе исследования для создания общего представления о государственной церковной политике в различных областях СССР было изучено несколько работ, посвященных взаимоотношениям государства и Церкви на местном уровне².

С нулевых годов среди исследований появлялись диссертации, анализирующие особенности антирелигиозной политики сталинского режима в целом. Диссертационное исследование А.Л. Ершова³, посвящено анализу вероисповедной политики советской власти по отношению к РПЦ, опирающееся на документальные материалы архивов Владимирского края. В одном из пространных параграфов данного исследования анализируются особенности проведения вероисповедной политики и регулирования деятельности приходов РПЦ на территории Владимирской области. Более того, А.Л. Ершов во многих своих работах⁴, посвященных церковно-государственным отношениям в 1920–1930-е гг. XX в., часто останавливается на различных прецедентах государственных репрессий. Схожая исследовательская работа проведена в кандидатской диссертации историком Ф.Н. Козловым⁵. В данном случае проанализирована специфика проведения антирелигиозной политики советской власти на территории Чувашии.

Отдельно необходимо выделить две кандидатские диссертации, посвященные историческому анализу идеологических, экономических, правовых черт вероисповедной политики советской власти через обращение к структуре центральных правительственных и партийных аппаратов: монография Г.Н.

¹Luukkanen, A. The Religious Policy of the Stalinist State: a Case Study: The Central Standing Commission on Religious Question, 1929-1938 / A. Luukkanen. – Helsinki, 1997.

² Бурмистров, Д., священник. Государственно-церковные отношения в 1929–1939 гг.: автореф. дис. ... канд. богосл. / священник Д. Бурмистров; МДА – Сергиев Посад, 2009. – 26 с.; Катунин, Ю.А. Православная церковь и государство: проблема взаимоотношений в 1917–1939 гг. (На материалах Крыма): автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Ю.А. Катунин. – Москва, 2004. – 48 с.; Макеев, Б.В. Деятельность органов прокуратуры и суда по расследованию уголовных дел о контрреволюционных преступлениях в 1937–1938 гг.: по материалам Западной и Смоленской областей: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Б.В. Макеев. – Смоленск, 2007. – 23 с.

³ Ершов, А.Л. Взаимоотношения Русской православной церкви и светских властей в 1929 - 1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.Л. Ершов. – Владимир, 2012. – 24 с.

⁴ Ершов, А.Л. Роль Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК в регулировании взаимоотношений Русской Православной Церкви и местных властей во Владимирском крае в 1930-е гг. / А.Л. Ершов // Вестник СПбГУ. – Серия 2. – 2011. – Вып. 4. – С. 13–23; Ершов, А.Л. Церковь на земле Владимирской в 1930-е гг. / А.Л. Ершов. – Владимир: Калейдоскоп, 2011. – 231 с.

⁵ Козлов, Ф.Н. Взаимоотношения государства и Русской православной церкви в 1917 – начале 1940-х гг.: по материалам Чувашии: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ф.Н. Козлов. – Саранск, 2009. – 24 с.

Кармановой¹, посвященная конфессиональной политики органов государственной власти СССР в 1929–1931 гг., и фундаментальный труд А.С. Кочетовой², проанализировавшей деятельность Комиссии по вопросам церковных культов при президиуме ВЦИК (напомним, именно этот государственный орган осуществлял общий контроль над проведением антирелигиозной политики в 1930-е гг.).

Стоит обратить внимание на новые исследования в области изучения антирелигиозной политики советской власти на региональном уровне. В представленной диссертационной работе использовались наработки монографий следующих авторов: Ю.Н. Макарова³, Н.Ю. Беликовой⁴, Ю.А. Бирюковой⁵, Р.А. Давлетшина⁶, И.С. Цыремпиловой⁷, М.Ю. Хрусталёва⁸, Л.Н. Лютова⁹. В указанных исследованиях значимое место занимает историко-критическая аналитика государственных органов местной власти в 1920–30-е гг. XX в., ответственных за реализацию вероисповедной политики.

Особенность государственной церковной политики, осуществлявшейся в соседней с Западной (Смоленской) областью – Тверской, отражена в работе И.С. Полищука «Духовенство и крестьянство в общественной жизни России. Конец XIX – 30-е гг. XX в.»¹⁰. Работа ценна тем, что автор затрагивает одну из неотъемлемых сторон жизни России начала XX в. – жизнь сельского духовенства и крестьянства. Крестьянство, как показывает автор, было всецело связано с христианством, начиная с собственно религиозной стороны жизни и заканчивая бытовой. Поэтому процесс борьбы с религией в деревне в советское время стал сложным процессом борьбы и с традиционным укладом жизни крестьянства.

Отдельную группу исследовательской литературы занимают работы, относящиеся непосредственно к истории Смоленщины. Здесь представлены

¹ Карманова, Г.Н. Государственная политика в отношении христианских конфессий в СССР в 1929 – первой половине 1931 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Г.Н. Карманова. – Москва, 2009. – 224 с.

² Кочетова, А.С. Комиссия по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК: 1929-1934 гг.: дис. ... канд. ист. наук / А.С. Кочетова. – Москва, 2012. – 208 с.

³ Макаров, Ю.Н. Русская православная церковь в условиях советской действительности (1917 г. – конец 1930-х гг.) / Ю.Н. Макаров. – Краснодар, 2005. – 381 с.; Макаров, Ю.Н. Советская государственная религиозная политика и органы ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД СССР (окт. 1917-го – конец 1930-х гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Ю.Н. Макаров. – СПб, 2007. – 48 с.; Макаров, Ю.Н. Ускорение процесса атеизации советского общества в условиях окончания НЭПа (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) / Ю.Н. Макаров // История и историки в контексте времени: сб. науч. тр. ; отв. ред. А.А. Черкасов. – Краснодар – Сочи: Кубанский гос. ун-т. – 2006.- Вып. 4. – С.50–70.

⁴ Беликова, Н.Ю. Православная церковь и государство на Юге России (конец XIX – первая треть XX в.) / Н.Ю. Беликова. – Краснодар, 2004. – 162 с.

⁵ Бирюкова, Ю.А. Советская власть и православные общины Дона в 1920–1930-х гг. Характер отношений на местах / Ю.А. Бирюкова. – Ростов н/Д. : Издательство НМЦ «Логос», 2012. – 218 с.

⁶ Давлетшин, Р.А. История крестьянства Башкортостана, 1917–1940 гг. : дис. ... д-ра ист. наук / Р.А. Давлетшин. – Уфа, 2000. – 442 с.

⁷ Цыремпилова, И.С. Религия и власть в Республике Бурятия: история взаимоотношений. (1917–1940 гг.) / И.С. Цыремпилова. – Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2000. – 162 с.

⁸ Хрусталев, М.Ю. Русская Православная Церковь в центре и на периферии в 1918–1930-х гг. (на материалах Новгородской епархии) : дис. ... канд. ист. наук / М.Ю. Хрусталев. – Архангельск, 2004. – 272 с.

⁹ Лютов, Л.Н. Церковь и сопротивление раскрестьяниванию в начале 1930 г. / Л.Н. Лютов // Вопросы истории. – 2015. – № 3. – С. 78-90.

¹⁰ Полищук, И.С. Духовенство и крестьянство в общественной жизни России. Конец XIX – 30-е гг. XX века (Опыт историко-сравнительного анализа) / И.С. Полищук. – Тверь, 2004. – 388 с.

исследования, посвященные изучению общей политики Советского государства в Смоленске и области, проявившейся как в городе, так и в сельской местности: структура губернской и районной власти и ее влияние на жизнь общества, процессы раскулачивания и коллективизации, социально-экономическая характеристика жизни крестьянина и горожанина и т.д. Знакомство с данным материалом позволило обозначить и оценить религиозную политику власти в Смоленске и Западной области вне отрыва от реальной жизни общества в исследуемый период¹.

Изучением истории Смоленской губернии и Западной области в довоенный советский период занималась группа исследователей Смоленского государственного университета под руководством профессора Е.В. Кодина. Относительно истории Смоленской губернии и Западной области в 20–30-е гг. XX в. Историографическую ценность представляют кандидатские диссертации О.В. Кобец², Р.В. Шамшина³, В.С. Батченко⁴. В своем исследовании В.С. Батченко прослеживает взаимосвязь крестьянских антигосударственных выступлений с усилением антирелигиозной политики на территории Смоленской губернии и Западной области. Стоит отметить, что данная монография в сравнении с остальными диссертациями представляет больше всего документального архивного материала в отношении региональных особенностей вероисповедной политики. Данная работа стала методологическим и содержательным подспорьем для настоящего исследования. Исследовательский интерес смоленского историка М.В. Каиля⁵ направлен на анализ государственно-церковных отношений в пределах территории Смоленской губернии и Западной области. Монография

¹ Смоленщина в истории России. Люди. События. Мнения. Провинциальная власть: система и ее представители, 1917–1938 гг. : сб. ст. / Смоленщина в истории России. Люди. События. Мнения ; ред. Е. В. Козин. – Смоленск, 2006. – Вып.3. – 352 с.; Смоленщина на страницах американской исторической литературы : сб. науч. тр. / М-во образования Рос. Федерации. Смол. гос. пед. ун-т ; под. ред. Козина Е.В. и Хики М. – Смоленск, 2000. – 384 с.; Козин, Е.В. Смоленский архив и американская советология / Е.В. Козин. – Смоленск: СГПУ, 1998. – 286 с.; Маннинг, Р. Массовые операции против кулаков и преступных элементов: апогей великой чистки на Смоленщине / Р. Маннинг. – Смоленск, 1999. С.230–254; Гетти, А. Партия и чистка в Смоленске. 1933–1937 гг. / А. Гетти. – Смоленск, 2000. – 275 с.; Забелин, А.А. Имя им легион: судьбы смолян, репрессированных в других республиках, краях, областях / А.А. Забелин. – Смоленск : СГУ, 1998. – 347 с.; а так же сборники работ Студенческого исторического общества. Смоленск, 2005–2007. Вып. I–III.

²Кобец, О.В. Сопrotивление смоленского крестьянства государственной политике в деревне, 1928–1933 гг.: дис. ... канд. ист. наук / О.В. Кобец. – Брянск, 2006. – 244 с.

³Шамшин, Р. В. Ликвидация кулачества в Западной области, 1929–1931 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Р.В. Шамшин. – Брянск, 2010. – 227 с.

⁴Батченко, В. С. Крестьянское сопротивление государственной антирелигиозной политике в 1929–1931 годах: на материалах Западной области : дис. ... канд. ист. наук / В.С. Батченко. – Смоленск, 2015. – 259 с.

⁵Каиль, М.В. Власть и православные верующие в российской провинции 1918 – первой половины 1930-х гг.: контуры взаимоотношений / М.В. Каиль // Клио. – 2010. – № 4 (51). – С. 58–64; Каиль, М.В. История обновленческого раскола в Смоленской епархии 1920-х гг. в архивных документах и периодике / М.В. Каиль // Отечественные архивы. – 2010. – № 4. – С. 57–65; Каиль, М.В. Антирелигиозная агитация и пропаганда 1920-х гг.: провинциальная практика, формы, динамика (на примере Смоленской губернии) / М.В. Каиль // Известия Смоленского государственного университета. – 2010. – № 1 (9). – С. 205–218; Каиль, М.В. Дела по обвинению провинциального епископата, духовенства и верующих 1918–1920-х гг. / М.В. Каиль // Отечественные архивы. – 2012. – № 4. – С. 59–67.

М.В. Каиль¹ посвящена исследованию государственно-церковных отношений в Смоленской епархии, специфики жизни православной провинции в годы революции и Гражданской войны. М.В. Каиль, опираясь на документальные материалы местных архивов, характеризует и анализирует государственно-церковные отношения в период Гражданской войны, политики военного коммунизма, раннего НЭПа.

Богатый материал по истории храмов Смоленской губернии содержится в работах Д.А. Ивочкина (иеромонах Рафаил)². Автор представляет историческое описание храмов с их основания до сегодняшнего времени, включая и обширные фотоматериалы. Однако информация о закрытии и ликвидации храмов дается статистически, без развернутого анализа процесса и методов. Характер государственно-церковных отношений и особенности антирелигиозной политики государства исследуемого периода отражены в представленных автором жизнеописаниях смоленских священнослужителей³.

Монография прот. Георгия Урбановича⁴, базирующаяся на документальных материалах смоленских архивов, посвящена региональному аспекту церковно-государственных отношений в первой половине 20х гг. XX в. Данная работа стала хронологическим и методологическим ориентиром для написания представленного диссертационного исследования. Протоиерей Георгий попытался выявить общий механизм реализации общегосударственной вероисповедной политики на местном уровне, то есть в губернии и уездах.

В работах В.Л. Амельченкова (епископ Серафим) по изучению истории Смоленской епархии РПЦ в период Великой Отечественной войны отдельные главы отражают положение Смоленской епархии в предвоенное время, дается характеристика обновленческого движения и организации антирелигиозной пропаганды⁵.

¹Каиль, М.В. Православная церковь и верующие Смоленской епархии в гг. революции и Гражданской войны: государственно-церковные отношения и внутриконфессиональные процессы / М.В. Каиль. – М. : Издательство Ипполитова, 2010. – 372 с.

²Ивочкин, Д.А. Рославльская земля: православные храмы / Д.А. Ивочкин. – Смоленск : Свиток, 2004. – 176 с.; Ивочкин, Д.А. Ельнинская земля: православные храмы / Д.А. Ивочкин. – Смоленск : Свиток, 2005. – 144 с.; Ивочкин, Д.А. Поречская земля: православные храмы / Д.А. Ивочкин. – Смоленск : Свиток, 2007. – 184 с.; Ивочкин, Д.А. Духовщинская земля: православные храмы / Д.А. Ивочкин. – Смоленск: Свиток, 2009. – 224 с.; Ивочкин, Д.А. Краснинская земля: православные храмы / Д.А. Ивочкин. – Смоленск: Свиток, 2012. – 184 с.; Ивочкин, Д.А. Гжатская земля: православные храмы / Д.А. Ивочкин. – Смоленск, 2015. – 352 с.; Ивочкин, Д.А. Православные храмы Смоленской губернии во второй половине XIX – начале XX в. / Д.А. Ивочкин. – Смоленск : Свиток, 2017. – 124 с.

³Ивочкин, Д.А. Дорогой правды. Жизнеописание священника Димитрия Афанасьевича Федотова (1885–1938) / Д.А. Ивочкин, Д.Д. Федотов. – Смоленск, 2015. – 120 с.; Ивочкин, Д.А. Крестный путь архимандрита Рафаила / Д.А. Ивочкин. – Смоленск : Свиток, 2002. – 52 с.

⁴Урбанович Г., прот. Церковь и советская власть в Смоленске в 20-е гг. XX века (по материалам смоленских архивов) / протоиерей Г. Урбанович. – Смоленск, 2012. – 240 с.

⁵Амельченков, В.Л. Смоленская епархия в годы Великой Отечественной войны / В.Л. Амельченков. – Смоленск, 2006. – 192 с. Серафим (Амельченков), иеромонах (В.Л. Амельченков). Русская Православная Церковь и общество в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Смоленской области) / иеромонах Серафим (Амельченков). – Смоленск : Свиток, 2012. – 256 с.

Одной из самых неразработанных и несистематизированных тем оказалась тема проведения антиколокольной кампании, по которой можно встретить только единичные труды¹, а по Смоленску – только незначительное исследование этого вопроса в культурном аспекте².

Недостаточная изученность заявленной проблематики (состояние Русской Православной Церкви в 1920–1930-е гг. в СССР) на региональном уровне определила цель и задачи данного исследования. Проведенный историографический анализ показывает, что современная историография характеризуется разнообразием оценок, методологий, подходов.

1.2 Источники

Как было описано в предыдущем параграфе, посвященном историографии исследуемого вопроса, проблематика исторически достоверного понимания церковно-государственных отношений в период в 1920–1930-х гг. в СССР связана в основном с вопросом доступности делопроизводственной документации, которая велась властными органами, ответственными за реализацию вероисповедной политики советской власти. Публичными, то есть доступными для широкой общественности, оставались только самые основные законодательные акты (в частности, Декрет об отделении церкви от государства или конституция СССР). Более пространный свод менее значимых документов (нормативно-правовых или делопроизводственных) имел гриф секретности (или «для служебного использования»), поэтому многие особенности вероисповедной политики того периода становятся понятными только в настоящее время, в условиях открытия ранее недоступных документальных материалов. Мотивация государственной власти, принимающей те или иные решения в ходе «антирелигиозных» кампаний, наконец, проясняется через обращение к внутренней делопроизводственной документации партийных или исполнительных органов власти.

Также в представленном исследовании автор обращался к т. наз. «повествовательным» источникам (эпистолярное наследие, мемуарная литература), которые обладают разной степенью доступности и открытости для научного анализа.

¹ Козлов, В.Ф. Гибель церковных колоколов в 1920–1930-е гг. [Электронный ресурс] / Возвращение. – Режим доступа : http://www.danilovbells.ru/bellsonrussia/articles/gibel_tserkovnyh_kolokolov_v_192.html#21. – Дата доступа : 12.03.2019; Хайрутдинов, Р. «Антиколокольная» кампания [Электронный ресурс] / ethnocolocol.ru. – Режим доступа : http://ethnocolocol.ru/load/antikolokolnaja_kampanija/6-1-0-635. – Дата доступа : 12.03.2019.

² Аникеев, М.В. Святыни и подвижники Смоленские / М. В. Аникеев. – 2-е изд., доп. – Смоленск, 2009. – 256 с.

С точки зрения происхождения и содержания документальных источников, можно провести дифференциацию на светские (государственные) и церковные документальные материалы.

Что касается документальных материалов церковных учреждений, напомним, что с 90-х гг. XX в. стали выходить многочисленные сборники документов, касающиеся жизни Русской Православной Церкви в советский период времени. Первой попыткой комплексного и всестороннего собрания документов, отражающих состояние РПЦ во второй четверти XX в., оказалась публикация «Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943»¹. Данное издание основывалось на самоотверженном труде церковного архивиста М.Е. Губонина, совершившего в самое неблагоприятное время (1940–1960 гг.) целую церковно-историческую миссию сбора документального материала относительно жизни Русской Православной Церкви в ранний период СССР. Следующим важнейшим по значению сборником документальных материалов, отражающим специфику церковно-государственных отношений в СССР, был двухтомник «Русская Православная Церковь в советское время. Материалы и документы» под научной редакцией Г. Штриккера (издание 1995 г.)². Чуть позже, в 1996 г., силами О.Ю. Васильевой, ведущим светским исследователем в области истории РПЦ, был опубликован документальный сборник «Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917–1941»³. Важно отметить, что подача материала в данном сборнике обуславливалась не хронологическим, а тематическим критерием. Олицетворением всего исследовательского интереса к подвигу новомучеников и исповедников Церкви Русской, несомненно, стала архивная деятельность иеромонаха Дамаскина (Орловского). Именно на основании его публикаций житий и следственных дел широкая читательская аудитория впервые познакомилась с подвигом новомучеников и исповедников Церкви Русской. Исследовательский дух отца Дамаскина, алчущий прославления гонимых за Христа, переняли многие церковные историки и богословские учебные заведения.

Опубликованные нормативно-правовые акты представлены сборниками документов, связанных с законодательством о религиозных культурах.

¹ Акты Святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России. Позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 : в 2 ч. / под. ред. М.Е. Губонина. – М. : Православный Свято-Тихоновский богословский институт, Братство во Имя Всемилостивого Спаса, 1994. – 1064 с.

² Русская Православная Церковь в советское время. Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью : в 2 т. / сост. Г. Штриккер. – М. : Прописи, 1995. – 2 т.

³ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М. : Издательство ББИ, 1996. – 352 с.

С 1918 г. осуществляется издание комментированных сборников государственных актов, регламентирующих, в том числе, положение религиозных конфессий на территории СССР¹. Законодательной основой для вероисповедной политики был декрет СНК РСФСР «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», принятый 20 января (2 февраля) 1918 г. Самым полным собранием послереволюционных декретов СНК является издание «Декреты Советской власти»². Далее собрание отдельных законов и распоряжений СНК и других органов власти выходило в 1918–1920-х гг., а также и в настоящее время. Важная информация о правовом статусе Русской Православной Церкви в первые гг. после октябрьской революции содержится в справочниках П.В. Гидулянова³. К важнейшему нормативно-правовому акту, определившему вероисповедную политику советской власти в означенный период, а именно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г., автор обращался посредством сборника Н.М. Орлеанского⁴ и «Хронологическом собрании законов...»⁵ (текст постановления в редакции от 1932 г.). Огромную ценность для данного исследования представляют документальные материалы Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК, Антирелигиозной комиссии ЦК.

Как хорошо известно, стратегией и планированием вероисповедной политики занималось в 1920–1930-х гг. Политбюро ЦК РКП(б). Документы АРК при Политбюро ЦК РКП(б), касающиеся религиозной проблематики, были до 1990-х гг. засекречены. Рассекречивание, публикация, изучение документальных материалов Политбюро ЦК РКП(б), посвященных антирелигиозной стратегии, проведены профессором Н.Н. Покровским⁶. Сборник из серии «Архивы Кремля»¹

¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР за 1917–1918 гг. – М., 1942. – 1483 с.; Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР за 1919 г. – М., 1943. – 886 с.; Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР за 1920 г. – М., 1943. – 818 с.; Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР за 1921 г. – М., 1944. – 1207 с.

² Декреты Советской власти. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. 1 – 626 с.

³ Гидулянов, П.В. Отделение церкви от государства в СССР. Полный сб. декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Суда РСФСР и др. советских социалистических республик: УССР, БССР, ЗСФСР, Узбек., и Туркм. / П.В. Гидулянов / под ред. П.А. Красикова. – М.: Юридическое изд-во НКЮ, 1926. – 3-е изд., перер. – 712 с.; Гидулянов, П.В. Отделение церкви от государства. Полный сборник декретов РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров и т.д. с разъяснениями V Отдела НКЮста РСФСР / П.В. Гидулянов / под ред. П.А. Красикова. – М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1924. – 408 с.; Гидулянов, П.В. Церковь и государство по законодательству Р.С.Ф.С.Р. Сборник узаконений и распоряжений с разъяснениями V Отдела НКЮста / П.В. Гидулянов / под ред. П.А. Красикова. – М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. – 100 с.

⁴ Орлеанский, Н.С. Закон о религиозных объединениях РСФСР и действующие законы, инструкции, циркуляры с отдельными комментариями по вопросам, связанным с отделением церкви от государства и школы от церкви в Союзе ССР / Н.С. Орлеанский. – М.: Безбожник, 1930. – 224 с.

⁵ Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР: в 6 т. / отв. ред. И.А. Басавин; сост. А.В. Белоруссов и др. – М., 1949. – Т. 2. 1928–1929 гг. – 328 с.

⁶ Покровский, Н.Н. Время публиковать источники / Н.Н. Покровский // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – М. 1996. – № 1. – С.11–21; Покровский, Н.Н. Документы Политбюро и Лубянки о борьбе с Церковью в 1922–1923 гг. / Н.Н. Покровский // Ученые записки. Российский Православный Университет ап. Иоанна Богослова. – М., 1995. – Выпуск 1. – С.125–173; Покровский, Н.Н. Источниковедение советского периода. Документы Политбюро первой половины 1920-х гг. / Н.Н. Покровский // Археографический ежегодник за 1994 г. –

стал уникальным событием в исторической науке, изучающей становление церковно-государственных отношений. На основании документальных материалов Политбюро ЦК РКП(б) ученый сделал множество ценных наблюдений относительно функционирования высшей партийной власти. Публикация документов Политбюро ЦК РКП(б) дала мощный стимул будущим исследователям, стремящимся дать объективную картину вероисповедной политики в 1920–1930-е гг.

Материалы делопроизводства – самый значимый в количественном смысле тип источников, который можно подразделить на несколько подтипов:

1) организационно-распорядительная документация. Данная категория источников включает в себя постановления, предложения, резолюции, циркуляры, указы. К примеру, резолюция Запобкома ВКП(б) «О состоянии религиозных организаций в Западной области и борьбе с ними»² от 26 июля 1929 г. отражает особенности антирелигиозных приемов и техник на региональном уровне, как следствие общегосударственной стратегии воинствующего атеизма;

2) официальная корреспонденция. Эта категория документации состоит из официальных писем, запросов, заявлений, прошений, ходатайств как советско-партийных органов, так и церковных структур. Также к данной категории относятся многочисленные письма и запросы верующих, где подробно отражена внутренняя жизнь церковных общин. Представленные источники характеризуются тем, что отражают реальную картину жизни верующих из регионов. Такую информацию невозможно получить из сводок государственных органов или материалов официальной советской прессы в силу объективных причин идеологического давления;

3) официальная протоколируемая документация (в частности, стенограммы) собраний, съездов общественных или церковных организаций. К примеру, протоколы заседаний первых двух губконференций СБ представляют нам картину формирования разветвленной структуры ячеек СБ. На второй губконференции была заложена система методов и задач антирелигиозной пропаганды³. Отчет Смолгубсовета СБ «Состояние антирелигиозной пропаганды по Смоленской Губернии»⁴ содержит характеристики и статистические данные религиозного и антирелигиозного «фронта», разбирает плюсы и минусы проводимой

М. 1996. – С.18–46; Покровский, Н.Н. Политбюро и Церковь. 1922–1923. Три архивных дела / Н.Н. Покровский // Новый мир. – 1994. – № 8. – С.186–213.

¹ Архивы Кремля. Политбюро и церковь, 1922–1925 гг. : в 2 кн. / подгот. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. – Новосибирск : Сиб. хронограф ; Москва : РОССПЭН, 1997–1998. – 2 кн.

² Протокол № 1 заседания Бюро Запобкома ВКП(б) от 26/VII 1929 г. 2. Утверждение резолюции «О состоянии религиозных организаций Запобласти и борьбе с ними (т.т. ШИЛЬМАН, МАКАРОВ, ЕГОРОВ, ШУРМАНОВ, ЗАЛИН, ШЕЛЕХЕС, РУМЯНЦЕВ)» // Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). – Фонд 5. Оп. 1. Д. 108. Л. 1.

³ ГАНИСО. – Фонд. 3. Оп. 1. Д. 3346.

⁴ ГАНИСО. – Фонд. 3. Оп. 1. Д. 3647. Л. 99–108.

антирелигиозной пропаганды. На основании анализа отчетов и докладов окружного Союза воинствующих безбожников, мы можем утверждать, например, что объектом антирелигиозной борьбы были церковные советы (религиозные объединения);

4) отчетно-информационная документация. К данной группе источников в первую очередь относятся докладные записки, информационно-аналитические отчеты, или спецсводки, информационные сводки и политдонесения ГПУ. Например, секретное информационное письмо «О религиозном фронте по губернии и методах содержания и организационных формах антирелигиозной работы»¹ от 17 ноября 1925 г. не только дает характеристику религиозной ситуации в Смоленской губернии, но и закладывает основу в организации систематической антирелигиозной пропаганды. Эти документы свидетельствуют о различных проявлениях церковной жизни верующего населения.

С кон. 1990-х гг. стали появляться сборники делопроизводственных материалов, взятые из центральных архивов и отражающие общие положения антирелигиозной политики в 1920–1930-е гг.². Представленные сборники, имеющие неоднородный характер с точки зрения происхождения, представили важнейшие документальные материалы, позволяющие правильно интерпретировать ход политических и социально-экономических преобразований 1920–1930-х гг. Данный свод документов раскрывает специфику вероисповедной политики советской власти.

Дополнительную возможность изучения архивных документов, в том числе и центральных архивов, представляют электронные ресурсы, где можно встретить или просто опубликованные документы³, или работы с многочисленными ссылками на них⁴.

¹ ГАНИСО. – Фонд. 3. Оп. 1. Д. 3346. Л. 26–28 об.

² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. : в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М., 2000. – Т. 2 : Ноябрь 1929 – декабрь 1930 – 927 с.; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. : в 3 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М., 2000. – Т.2. 1923–1929. – 1168 с.; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. : в 3 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М., 2003. – Т. 3 : 1930–1934. Кн. 1 : 1930–1931 гг. – 864 с.; Лубянка. Сталин и ВЧК–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922–декабрь 1936 / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. – М. : МФД, 2003. – 912 с.; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). : Сб. док. в 10 т. / отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. – М, 2004. – Т. 7 : 1929 г. – 772 с.; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). : Сб. док. в 10 т. / отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. – М, 2008. – Т. 8 : 1930 г. Ч. 1. – 868 с.; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). : Сб. док. в 10 т. / отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. – М, 2008. – Т. 8 : 1930. Ч. 2. – 884 с.

³ Архив Александра Н. Яковлева [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-dok/1005097>.

⁴ Советов, И.М. Советское законодательство о религиозных культах в 20–30-х гг. XX в.: содержание и практика реализации, споры и дискуссии о реформировании правовой базы [Электронный ресурс] / Российское Объединение Исследователей Религии. – Режим доступа : http://www.rusoir.ru/president/works/217/#_edn21. – Дата доступа : 14.07.2021.

Фундаментом представленного диссертационного исследования стали документальные материалы двух смоленских архивов – Государственного архива новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО) и Государственного архива Смоленской области (ГАСО).

Важнейшей для исследования является документация из первой описи фонда № 2360 ГАСО «Исполнительный комитет Западного областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Запоблисполком, г. Смоленск)»¹ – материалы по закрытию церквей в Смоленске и области, сведения о молитвенных зданиях в городе и районах, материалы о расторжении договоров с верующими, сведения о состоянии и изъятии колоколов и церковного имущества, сведения о сборах налогов, переписка с райисполкомами по рассмотрению жалоб служителей культа» (1929–1933). В ходе исследования использовано 32 дела. Во второй описи указанного фонда содержатся сведения о религиозных объединениях по области после 1933 г.

В фонде № 161 ГАСО «Административный отдел Смоленского Губисполкома»² (1917–1929 гг.) представлены статистические сведения по религиозным общинам и церквям, циркуляры отдела, переписка с Наркоматом внутренних дел об отделении церкви от государства.

Статистические данные о церковных памятниках, описание церквей, монастырей и их имущества содержатся в фонде № 19 ГАСО «Отдел народного образования Смоленского губисполкома (ГУБОНО) 1918–1929 гг.»³.

Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО) представлен двумя фондами: фонд 3 «Смоленский Губком ВКП(б)» и фонд 5 «Западный Обком ВКП(б). 1929–1932 гг.», где в протоколах заседаний партийных структур отражена антирелигиозная политика.

Как было описано выше, автор представленного диссертационного исследования обращался к повествовательным источникам, в том числе и к свидетельствам советской печатной периодики. Более всего автор использовал информацию из региональной прессы – областной смоленские газеты «Рабочий путь». Также автор обращался к пропагандистским статьям из центральной периодической печати, в частности, «Известия», «Крестьянская газета», «Труд», «Антирелигиозник», «Безбожник». Особую ценность для исследования представляют антирелигиозные журналы («Антирелигиозник») и областная

¹Государственный архив Смоленской области (ГАСО). – Фонд 2360. Исполнительный комитет Западного областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Запоблисполком, г. Смоленск) (1929–1933 гг.). Оп. 1. Д. 4; Д. 37а; Д. 38; Д. 284; Д. 285; Д. 286; Д. 288; Д. 289; Д. 290; Д. 291; Д. 296; Д. 347; Д. 861; Д. 862; Д. 863; Д. 865; Д. 866; Д. 867; Д. 868; Д. 908; Д. 935; Д. 936; Д. 1526; Д. 1574; Д. 1601; Д. 1605; Д. 2240; Д. 2241; Д. 2243; Д. 2918; Д. 2952; Оп. 2. Д. 896.

²ГАСО. – Фонд 161. – Административный отдел Смоленского Губисполкома (1917–1929 г.г.). Оп. 1. Д. 5; 6; 54; 66; 131; Оп. 4. Д. 47; Оп. 5. Д. 10.

³Государственный архив Смоленской области (ГАСО). – Фонд 19. Отдел народного образования Смоленского губисполкома (ГУБОНО) 1918–1929 гг. Оп. 1. Д. 3550; Д. 4301; Д. 4783.

периодическая печать («Рабочий путь»), формировавшие свой информационный фронт борьбы с религией. Хотя антирелигиозные и атеистические газетные материалы чаще всего не ссылались на секретные правительственные постановления или инструкции, тем не менее, они артикулировали господствующую линию советского правительства и коммунистической партии в отношении вероисповедной политики.

Наиболее полно отражающими особенности антирелигиозной политики Советского государства в Смоленской губернии и Западной области во второй половине 20-х гг. XX в. автор считает различные документы делопроизводства и повествовательные источники.

1.3 Методы исследования

Для решения поставленных задач автор настоящего исследования опирался на научные принципы исторического познания, применяя как общенаучные, так специальные исторические методы.

Научные принципы исторического познания подразумевают под собой раскрытие общих законов и частных закономерностей такого феномена, как церковно-государственные отношения в 1920-е гг. в СССР, на основании источников и литературы.

Принцип объективности. Развитие событий проанализировано с научной точки зрения, – то есть так, как они происходили в реальности. Принцип объективности требует всестороннего учета факторов и условий, создающих то или иное историческое событие, а также непредвзятого исторического анализа имеющихся фактов.

Принцип историзма. Исторические события рассматривались в хронологической последовательности с учетом конкретно-исторических условий. Используемый в данном исследовании принцип историзма обозначает видение истории как процесса, изменяющегося по сущности и во времени. Иными словами, принцип историзма позволяет нам рассматривать как исторические факты во взаимосвязи друг с другом, так и влияние того или иного фактора на историю в целом.

Принцип дополнения. В соответствии с этим принципом мы не выводили за рамки исследования взаимоисключающие понятия для воспроизведения целостности исторического процесса.

Принцип системности. Позволяет установить исторические события в определенном порядке. Метод систематизации исторического материала подразумевает изложение исторических фактов в строгой хронологической последовательности, а также разделение имеющегося материала на тематические блоки.

При написании настоящей работы были применены специальные исторические методы.

Историко-генетический метод дает возможность проследить формирование и развитие вероисповедной политики советской власти по отношению к РПЦ. Данный метод предполагает исследование данного аспекта в его хронологическом последовательном развитии.

Сравнительно-исторический метод используется для сравнения церковно-государственных отношений в различные периоды истории СССР, он способствует выявлению изменений, происходивших в этой области. Этот метод дает понять принципы трансформации правоприменительной практики советской власти в ее конфессиональной политике в различные исторические периоды. Благодаря использованию сравнительно-исторического метода мы получаем возможность путем сравнения выявить общее и частное в исторических процессах и явлениях. Таким образом, сравнительно-исторический метод позволяет нам выявить особенности церковно-государственных отношений в советской России XX в., в отличие от предшествующего и последующего периодов.

При изучении архивных материалов использовался *метод системного анализа*: документы, касающиеся темы работы, выявлялись не в ходе последовательного ознакомления со всем объемом доступных архивных материалов за исследуемый период, а в результате целенаправленного исследования отдельных тематических групп архивных документов.

Выводы

1. Вопросы взаимоотношений Советского государства и Православной Церкви, неразрывно связанной с историей России, до сих пор остаются в высшей степени актуальными. Особое место в них занимает тема административно-репрессивной политики Советского государства в отношении Русской Православной Церкви в 20-х гг. XX в., когда оформлялась законодательная база в отношении религиозных организаций и их имущества, а также совершались первые, но достаточно серьезные шаги по уничтожению религии и Церкви. Объемный материал исследований дает социо-политический анализ первых лет существования Русской Православной Церкви в рамках коммунистического государственного строя (социальное, политическое, правовое положение религии при атеистическом режиме). Однако история Русской Православной Церкви на уровне отдельных регионов еще недостаточно изучена и освещена. Только учитывая региональный аспект можно составить полноценную картину административно-репрессивной политики советской власти в отношении Церкви и верующих, так как именно на местах – в городах и сельской местности фактически на практике реализовывалась антирелигиозная политика,

апробировались и оттачивались формы и методы антирелигиозной работы. Все это обуславливает необходимость комплексного изучения указанной проблемы. Настоящее исследование опирается на комплекс разнообразных источников документального и повествовательного характера, хранящихся в федеральных и региональных архивах.

2. В свете настоящего исследования наиболее полно отражающими особенности антирелигиозной политики Советского государства в Смоленской губернии и Западной области во второй половине 20-х гг. XX в. являются различные документы делопроизводства и эпистолярные источники. К неопубликованным делопроизводственным материалам регионального происхождения, являющимся основой диссертации, следует отнести документы двух смоленских архивов – Государственного архива новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО) и Государственного архива Смоленской области (ГАСО), которые позволяют раскрыть характер, динамику, формы, методы и содержание государственной антирелигиозной политики применительно к Церкви и верующим Смоленской губернии и Западной области во второй половине 1920-х гг.

3. Использование при написании настоящего диссертационного исследования различных научных принципов и методов, дало возможность объективно рассмотреть вопрос проведения Советским государством антирелигиозной политики в Смоленской губернии и Западной области в 1920-1930-х гг.

ГЛАВА 2. АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА В СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.

2.1 Формирование богоборческой политики советской власти в 1920-е гг.: правовой и идеологический аспекты

Законодательным актом, обусловившим характер вероисповедной политики коммунистического режима вплоть до 1928 г., стал декрет СНК от 23 января 1918 г. Хотя данный нормативно-правовой документ основывался на французском законодательстве о свободе совести и включал в себя несколько важных демократических положений, он фундаментальным образом изменил правовой статус Русской Православной Церкви. Более того, в документе присутствовали пункты, которые указывали на его скрытый антирелигиозный характер: в частности, религиозные организации были лишены статуса юридического лица и прав собственности.

Притеснения религиозных организаций на законодательном уровне подкреплялись откровенно антирелигиозной политикой исполнительных властей: закрытием монастырей и духовных учебных заведений, вскрытием раков со святыми мощами, изъятием церковных ценностей, активной воинствующей пропагандой безбожия, арестами и расстрелами духовенства и мирян. Таким образом, можно констатировать, что впервые послереволюционные гг. церковно-государственные взаимоотношения осуществлялись с позиции открытой конфронтации.

Период с 1923 по 1927 гг. характеризуется исследователями как время относительной стабилизации гонений (т. наз. «религиозный НЭП»), когда большевистский режим перешел от стратегии публичной конфронтации и масштабных репрессий к политике провоцирования внутрицерковных расколов и ослабления организационной структуры РПЦ.

Осуществление государственной церковной политики определялось ВЦИК и СНК, в которых разрабатывались и принимались законодательные акты, инструкции и циркуляры, выносились окончательные решения по вопросам регистрации, закрытия и использования храмовых зданий и церковного имущества. Функциями НКВД являлся надзор за деятельностью религиозных организаций и ходом исполнения Декрета СНК. Этими же государственными органами осуществлялся контроль политической деятельности духовенства. НКВД обязан был пресекать возможные нарушения законодательства о религиозных культах.

Таким образом, в указанный период раннего НЭПа, когда утвердилась «стабилизация» церковной политики, вероисповедная стратегия была обусловлена соотношением сил ВЦИК и НКВД.

Антирелигиозная кампания рубежа 1920–1930-х гг., по мнению ведущих отечественных историков, начала оформляться с 1927 г.¹ В этом г. советская власть окончательно удостоверилась в ошибочности новой экономической политики, выстраивая проект коллективизации деревни. Запрос в новом политическом курсе был провозглашен на XV съезде ВКП(б). И хотя среди решений XV съезда ВКП(б) не прослеживается тематика, касающаяся религиозного вопроса, в докладе И.В. Сталина с нескрываемой горечью отмечалось «ослабление антирелигиозной борьбы»² в период НЭПа. Начиная с 1927 г., большевистский режим осуществляет резкое смещение вероисповедной политики, инициированное несколькими фундаментальными факторами: обстоятельствами внутривнутрипартийной борьбы и недостаточной результативностью антирелигиозной политики предыдущих лет. К этому времени период стабильных церковно-государственных отношений («религиозный НЭП») в СССР завершается. Изменение в вероисповедной политике было следствием изменения общего партийного курса (свертывание НЭПа, индустриализация, коллективизация)³.

Одновременно смещались акценты и в практическом осуществлении религиозной политики, сосредотачивающейся непосредственно в руках ОГПУ и НКВД, что, соответственно, приводило к переориентации методов работы в сторону административно-репрессивных. Даже «сергиевская» легализация 1927 г., по утверждению священника А. Мазырина, была более всего необходима государству для облегчения контроля над церковной организацией и высшим церковным управлением⁴.

В начале 1927 г. по предложению НКВД началась работа над законопроектом, впоследствии выразившаяся в появлении постановления ВЦИК «О религиозных объединениях», и преследовавшая единую цель: возможность полной регуляции деятельности религиозных организаций при множествах ограничений и запретов, приводящих к сужению самостоятельности в действиях и ограничению деятельности религиозных организаций рамками отправления богослужения.

В 1927 г. И.В. Сталин положил начало новому витку гонений, публично декларируя необходимость борьбы с «религиозными предрассудками», чтобы

¹Алексеев, В.А. Иллюзии и догмы. С. 294; Крапивин, М.Ю. Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (октябрь 1917-го – конец 1930-х гг.). С. 187, 197; и др.

²Сталин, И.В. Сочинения : в 18 т. / И.В. Сталин. – М., 1949. – Т. 10 : август–декабрь 1927. – С. 324.

³Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. С.87.

⁴Мазырин, А.В., протоиерей. Легализация Московской Патриархии в 1927 г.: скрытые цели власти / протоиерей А.В. Мазырин // Отечественная история. – 2008. – № 4. С. 114.

«подорвать влияние реакционного духовенства, поддерживающего эксплуататорские классы»¹. На XV съезде партии в конце 1927 г. И.В. Сталин заявлял об имеющемся «минусе» на фоне продвижения к социализму, – это «ослабление антирелигиозной борьбы»². Для успешного оживления борьбы с религией И.В. Сталин предлагал связать ее «с кровными интересами народных масс», а именно с постройкой новой формы крестьянского хозяйства и быта – коллективизацией³. При таком режиме власти происходила дегуманизация общества: православие с его духовно-нравственными ценностями объявлялось извращенным миропониманием, а его носители – духовенство и миряне – классовыми врагами системы. В этой связи активизировались попытки связать религию с контрреволюцией.

1928 г. стал критическим в отношениях советской власти и Церкви. Причиной этого ухудшения далеко не безоблачных церковно-государственных взаимоотношений, по мнению ведущих отечественных историков, стал так называемый «хлебозаготовительный кризис». «Кулаки», обвиненные советской властью в саботаже и срыве хлебозаготовки, классово связывались с представителями духовенства. И.В. Сталин рассматривал «хлебозаготовительный кризис» как «первое, в условиях нэпа, серьезное выступление капиталистических элементов деревни против Советской власти»⁴. В течение 1928 г. И.В. Сталин призывал к развертыванию антирелигиозной политики⁵, видя в религии идеологическую подпитку «кулачества». Поэтому советским режимом готовился полномасштабный удар по кулаку, нэпману, «церковнику»⁶. РПЦ объявлена «кулацко-нэпманской агентурой», которая «мобилизует реакционные и малосознательные элементы в целях контрнаступления на мероприятия Советской власти»⁷. Политическая лояльность церковной иерархии рассматривалась как завуалированная форма истинных контрреволюционных настроений «церковников»⁸. Например, в государственной прессе в этот период активно публиковались материалы, где кулачество при содействии духовенства противодействует государственным хлебозаготовкам⁹.

Уже в апреле 1928 г. И.В. Сталин публично призвал к проведению «самой боевой антирелигиозной работы в массах»¹⁰, связав ее с голодом и трудностью хлебозаготовок, где Церковь представлена как нежелающая оказать помощь

¹ Сталин, И.В. «Вопросы ленинизма» / И.В. Сталин. – М. : Госполитиздат, 1938. – С. 192.

² Сталин И.В. Сочинения. Т.10. С. 324.

³ Сталин И.В. Сочинения. Т.11. С. 50.

⁴ Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется? С. 293.

⁵ Там же. С. 294–295.

⁶ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. С. 226.

⁷ Русак (Степанов) В. Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе. С. 175.

⁸ Кашеваров А.Н. Государственно-церковные отношения в советском обществе 20-х–30-х гг. С. 26.

⁹ Кашеваров А.Н. Государство и церковь: из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви, 1917–1945 гг. С. 90.

¹⁰ Там же.

своему голодающему народу, препятствуя новому изъятию ценностей из церквей. По словам Сталина, эффективность подобной кампании по разжиганию ненависти масс к Церкви обеспечена тем, что она является повторением ленинской антирелигиозной стратегии кампании по изъятию церковных ценностей. Такая борьба «за кровные интересы масс» переросла в «широкую массовую антирелигиозную кампанию»¹, которая, по словам протоиерея В. Цыпина, «по свирепости своей» могла сравниться «с кровавым 1922-м», а по масштабам далеко превзошла его².

Под лозунгом борьбы кулаком и НЭПом И.В. Сталин готовил специальный удар по религиозным организациям. По подсчетам В.А. Алексеева, в течение нескольких месяцев 1928 г. И. В. Сталин трижды «призывал к развертыванию борьбы с религией»³: в частности, стоит отметить беседу советского вождя с американской рабочей делегацией, на которой проговаривался вероисповедный вопрос и его состояние в СССР⁴. Призыв И.В. Сталина на уровне пропагандистских интенций последовательно восприняла комсомольская организация и ее печатный орган «Комсомольская правда», среагировавшие на слова верховного руководителя, как начало развертывания антирелигиозного наступления и разоблачения реакционной и враждебной социализму сущности церковников⁵. «Комсомольская правда» также критиковала работу многих общественных организаций («Союз безбожников») за мягкое отношение к религии. Критике подвергся общий партийный курс и методы работы иных общественных организаций, а также и видный руководитель большевистской партии А.В. Луначарский, стоявший призывавший к научно-популярному и просветительскому ведению антирелигиозной пропаганды⁶.

Постепенное ужесточение и усиление антирелигиозного воинственного давления на Церковь подкреплялось последовательным появлением различных законодательных актов. Принимаемые законы фактически не столько ограничивали существование религиозных объединений и «служителей культа», сколько имели своей целью создать условия, при которых это существование будет невозможным. Постановлением Наркомата труда от 21 февраля 1927 г. была отменена пенсия и пособие по безработице для священнослужителей и членов их семей⁷, что влекло за собой причисление духовенства к категории граждан, живущих на нетрудовые доходы, а по сути – к эксплуататорскому

¹Там же.

² Цыпин, В.А., протоиерей. Русская православная церковь: 1925–1938 /протоиерей В.А. Цыпин. – М. : Издание Сретенского монастыря, 1999. – С. 191.

³ Алексеев В.А. Иллюзии и догмы: Взаимоотношения Советского государства и религии. С. 294.

⁴ Там же. С. 295.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 295–296.

⁷Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства. Полный сборник декретов РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров и т.д. с разъяснениями V Отдела НКЮста РСФСР. С. 24.

классу. Впоследствии такая оценка экономической жизни духовенства отразилась в постановлении Наркомпроса, который поручал взимать плату за обучение с детей «служителей религиозных культов». Фактически данное постановление делало невозможным получение образования для детей священнослужителей. Согласно циркуляру Наркомзема РСФСР от 13 марта 1928 г. о правах на землепользование служителей культов, земельные участки для личного пользования должны были предоставляться уездными органами, что на практике по сути не исполнялось ввиду вышеупомянутого социального статуса священнослужителей.

Таким образом, можно достоверно говорить, что антирелигиозная кампания второй половины 1920-х гг. целиком инициирована самой советской властью и связана с сугубо экономическими и политическими причинами. Промонархистские, оппозиционные, консервативные, антибольшевистские настроения некоторых представителей священноначалия и духовенства, свойственные времени Гражданской войны, к этому моменту практически полностью исчезли. Антирелигиозная кампания второй половины 1920-х гг. оказалась системным аппаратом репрессий и истребления целого класса населения, по сути ставшего лояльным советской власти.

Антирелигиозная кампания рубежа 1920-1930-х гг. – это масштабный политический курс, затрагивающий много аспектов (антихрамовый, антиколокольный, антиклерикальный). Она началась с беспрецедентного закрытия монастырей и храмов в 1928–1929 гг. Разрабатывались целые ликвидационные планы по высвобождению монастырских земель и зданий, движимое имущество и сельскохозяйственный инвентарь передавались новым владельцам. Монашествующих ставили на учет и ограничивали их передвижение, «дабы не подались в “божьи странники”»¹. Стоит отметить, что к 1930 г. практически все монастыри в СССР были закрыты², и существовали лишь нелегальные монашеские общины, нередко с невозможностью совместного проживания (общежительный устав)³. Именно с 1928–1929 гг. берет свое начало процесс изъятия недвижимости у церковных приходов «под видом добровольной передачи верующими культовых зданий под школы и клубы»⁴. Тем не менее, текущая нормативно-правовая база не позволяла расправиться с пресловутым явлением «религиозного НЭПа». Советской власти требовались существенные законодательные изменения, ограничивающие свободу религиозных организаций.

¹ Крапивин, М.Ю. Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (октябрь 1917-го – конец 1930-х гг.). С. 196.

² В 1937 г. лидер СВБ Ем. Ярославский «с удовлетворением отмечал, что “в стране с монастырями покончено”». Цит. по: Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется? С. 299.

³ Там же. С. 197.

⁴ Крапивин М.Ю. Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (октябрь 1917-го – конец 1930-х гг.). С. 196.

Партийная номенклатура ощущала потребность в более внятном законодательном регулировании жесткой вероисповедной политики, Этот законодательный акт мог бы быть «руководящим документом» для государственных органов¹. Эта потребность созрела уже давно и выразилась в дальнейшем утверждении 24 января 1929 г. ЦК ВКП(б) текста постановления «О мерах усиления антирелигиозной работы»². Общие контуры изменений в нормативно-правовой базе относительно религиозных организаций проявились еще на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 10 декабря 1928 г.³. На этом заседании состоялось обсуждение положений резолюции между членами бюро, где довольно четко была обозначена грань смещения акцентов со взвешенного и последовательного характера антирелигиозной работы на административно-авторитарный метод руководства «религиозными объединениями» и религиозной жизнью граждан.

Правовой основой для последующих репрессий Церкви и религиозных организаций послужило постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», опубликованное 8 апреля 1929 г. Этим постановлением негласно была объявлена война религии в СССР. Важно отметить, что, несмотря на многочисленные редакции этого документа, постановление «О религиозных объединениях» оставалось действующим вплоть до 1990 г.⁴. Если 1937–1938 гг. являются периодом максимального числа уголовных преследований священнослужителей и мирян, то 1929 г. можно назвать законодательной основой будущих богоборческих гонений. С течением времени многие положения постановления «О религиозных объединениях» будут разъясняться в инструкциях и циркулярах, а также административной переписке, тем самым присвоив этому постановлению фактический характер «закона».

Постановление «О религиозных объединениях» регулировало два важнейших комплекса вопросов: религиозные объединения и молитвенные здания.

Субъектом права, представляющим интересы религиозных общин, являлись так называемые «двадцатки» (20 человек – минимальное количество верующих, необходимое для создания официально зарегистрированной общины); на них налагалось большое число договорных и внедоговорных обязательств (к примеру, договор об аренде молитвенного здания)⁵. Молитвенные здания и предметы

¹ Кашеваров А.Н. Государство и церковь: из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви, 1917–1945 гг. С.91.

² Крапивин М.Ю. Противостояние: большевики и церковь (1917–1941 гг.). С. 64.

³ Стенограмма обсуждения этого вопроса. См.: Курляндский И.А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). – М., 2011.

⁴ Кашеваров А.Н. Государственно-церковные отношения в Советском обществе 20–30х гг. С. 27.

⁵ Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР / М-во юстиции РСФСР. Т. 2: 1929–1939 гг. С. 236.

культы должны передаваться «исключительно для культовых целей» (ст. 10)¹, учитывая, что иная внебогослужебная деятельность религиозным общинам запрещена. Постановление довольно жестко ограничивало статус и положение священнослужителя (ст. 19). География совершения богослужений ограничивалась «местожительством членов обслуживаемого ими религиозного объединения и местонахождением соответствующего молитвенного помещения»², что, собственно, также ограничивало священнослужителей в более широкой миссионерской и социальной деятельности. Священнослужитель рассматривался как наемный работник, с которым община заключала трудовой договор. Церковь лишалась прав на образовательную, социальную, миссионерскую деятельность, и ее полномочия ограничивались сферой «отправления культа».

Будущие гонения опирались не только на законодательный фундамент постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях». Буквально за год советским партаппаратом создается целая нормативно-правовая база для полномасштабной антирелигиозной кампании, включающей в себя закрытие церквей, арест священнослужителей, преследование церковных общин и др.

Ключевым для религиозной политики в Советском государстве стало изменение 4-й статьи Конституции РСФСР 1925 г. 18 мая 1929 г. XIV Всероссийский съезд Советов утвердил главенство антирелигиозной пропаганды и полный запрет на религиозную пропаганду. Ранее в Конституции РСФСР 1925 г. утверждалось равенство религиозной и антирелигиозной пропаганды³. Эта с виду небольшая корректировка в действительности препятствовала не только внебогослужебной деятельности религиозных организаций (образовательная, миссионерская, социальная), но и фактически ставила под запрет любую церковную проповедь как часть богослужения или молитвенного собрания. По сути, на конституционном уровне любой священнослужитель объявлялся потенциальным контрреволюционером. В атеистическом государстве, а этот статус закреплялся на конституционном (высшем законодательном) уровне, само существование религии имело полулегальный характер. Таким образом, священнослужители становились уязвимыми; любая неосторожная публичная фраза могла расцениваться как критика антирелигиозной пропаганды и контрреволюционная агитация.

Священнослужители как субъекты религиозной пропаганды постепенно лишались различных гражданских прав. 8 июня 1929 г. вышел циркуляр НКТ СССР № 188 «О нераспространении законодательства о труде на лиц, обслуживающих религиозные культы»⁴, который выводил клириков и служителей

¹ Там же.

² Там же. С. 238.

³ Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Кн. 1. С. 311.

⁴ Труд. 1929. № 146. 29 июня.

Церкви за правовые рамки Трудового кодекса и освобождал от социального страхования. Священнослужители лишались стажа и последующих пенсий¹. Таким образом, «служители религиозного культа» объявлялись лишенными гражданских прав еще по одной позиции.

Заключительным правовым ударом советской пропаганды по религиозным организациям и священнослужителям стало обвинение в контрреволюционной деятельности. Тем самым «служители религиозного культа» приравнивались к «кулачеству», главной оппонирующей силе советской «коллективизации». Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации»², несмотря на то, что посвятило всего несколько пунктов религиозному вопросу, фактически декларировало проведение активной борьбы с Церковью на местах. Оно включало в себя несколько ключевых действий: закрытие церквей и молитвенных домов, исключение «возможности превращения руководящих органов этих объединений в опорные пункты кулачества»³. 31 января 1930 г. на совместном заседании коллегии ОГПУ решено классифицировать активных священнослужителей и мирян как кулаков первой и второй категории.

Это усилило начавшийся в 1929 г. процесс массового закрытия церквей и молитвенных зданий. Поводом для закрытия храмов обычно служили «требования рабочих масс» либо «отказ» от храма приходского совета. Закрытие молитвенных домов во многих случаях проводилось без подготовительной к тому работы и прямого на то согласия верующей массы. Факты говорят, что иногда местные работники закрытие производили самочинно, без предварительных собраний, а иногда прибегали к явным фикциям – неверному подсчету голосов в сторону увеличения количества «за», собирали подписи среди малолетних школьников, комсомольцев и т.д. Закрытие большинства церквей производилось без утверждения центральными органами, а на основании решений сельских советов или просто по инициативе местного актива. Зачастую процесс закрытия сопровождался мародерством, осквернением святынь, надругательством над чувствами верующих. В ограничение деятельности церкви вовлекались финансовые органы, которые продолжали облагать приходы и священнослужителей непосильными налогами.

Принятие постановления о религиозных объединениях в 1929 г. открыло дорогу прямому террору государства против Церкви. Теперь на весах государственного «правосудия» находились люди. Конец 1920-х – начало 1930-х гг. – это время начала тотальных репрессий против православного духовенства и всех тех, кто идентифицировал себя как православного христианина.

¹ Там же.

² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. С.126–130.

³ Там же.

Периферийные архивы переполнены делами, свидетельствующими о начале злодеяний советской власти против православного клира. «Поводов» для репрессий было много – один экзотичнее другого. Так, начало 1930-х гг. – это время тотальной коллективизации. Людей загоняли в колхозы, и делалось это зачастую принудительно. Не явившихся добровольно, противившихся этому, либо арестовывали, либо, отобрав всё имущество, «пускали по миру». Несправедливость таких шагов, естественно, вызвала возмущение местного духовенства.

Церковная деятельность стала объектом пристального внимания (контроля) государственных властей, что, по мнению А.Н. Кашеварова, противоречило декрету от 1918 г.¹ Некоторые исследователи (М.И. Одинцов) высказывают мнение о том, что, хотя законопроекты несли в себе дух запретительства и дискриминации в отношении религиозных организаций, его разработчики «сохраняя в законопроектах подобные нормы, могли надеяться, что... удастся отстоять легальные условия существования религиозных организаций перед натиском государства, которое стремилось вовсе покончить с религией и религиозными объединениями»².

Анализ динамики развития антирелигиозной политики советской власти на протяжении 1920-х гг. позволяет сделать следующие выводы.

Оценивая законотворческую деятельность Советского государства в период НЭПа (1921–1928), важно отметить, что в это время власть постепенно готовилась к началу массовых гонений на верующих. Именно с этой целью большевики обложили действовавшие храмы непомерными налогами; развернули широкую антирелигиозную пропаганду; с помощью ГПУ поддерживали обновленцев, своими действиями вносивших раскол в Церковь. Ту же цель преследовала их политика, выражавшаяся в частой смене архиереев. Это делалось для того, чтобы не дать епископам глубоко и серьезно вникнуть в курс происходивших в епархиях дел, дезориентировать духовенство и мирян, внести еще большую неразбериху в местную церковную жизнь.

Постановление «О религиозных объединениях» предопределило ход вероисповедной политики и характер отношений государства к религиозным общинам и церковному имуществу, поставив жизнь религиозных общин под абсолютный контроль государственных органов.

В начале 1930-х гг. Русская Православная Церковь рассматривалась как «классовый враг» режима по определению. Хотя 1920-е гг. намного уступают масштабам и формам гонений, происходивших в 1930-е гг., их трудно назвать

¹ Кашеваров А.Н. Государство и церковь из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви, 1917–1945 гг. С.95.

² Одинцов М.И. Русская Православная Церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. С. 154.

спокойными. В этот период времени оформлялась антирелигиозная политическая система богоборческого государства, закладывалась нормативно-правовая база экспроприации храмов и церковного имущества, беспрецедентных преследований священнослужителей и мирян.

2.2 Становление антирелигиозной пропаганды Советского государства во второй половине 1920-х гг.

Одним из элементов становления тоталитарного государства является наличие в нем идеологической пропаганды. В условиях осуществления новой государственной политики в России после революции 1917 г. одной из важных ее составляющих была антирелигиозная (атеистическая, безбожная) пропаганда, которая за два десятилетия 1920-х и 1930-х гг. претерпевала определенные изменения в своей интенсивности, задачах и методах.

Изначальная политика Советского государства в деле антирелигиозной пропаганды была направлена на формирование нового сознания рабоче-крестьянской массы страны, подверженной в прошлом «одурманиванию» религией и развенчиванию классовой сущности религиозных верований. Религиозность населения связывалась с исторической закрепченностью буржуазным строем и тяжелыми условиями крестьянской жизни и быта. Принимая директивы в области церковно-государственных отношений, новая власть руководствовалась убеждением, что планомерные изменения в политической и экономической сферах приведут к дальнейшему «отмиранию религии» (программа РКП(б), принятой на VIII съезде партии в марте 1919 г.)¹. Это обуславливало и отсутствие воинственного характера антирелигиозной пропаганды в начале 20-х гг. При этом партия призывала все партийные организации и органы печати «не выпячивать этого вопроса на первое место, согласовать политику в данном вопросе со всей нашей экономической политикой»².

Толерантная линия поведения в отношении к религиозным организациям со стороны партийных структур была отражена в многих внутренних документах³. Представленная документация делала акцент на формировании антирелигиозный

¹ О религии и церкви: сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. – М., 1981. С. 54.

² Там же.

³ Резолюция весеннего пленума ЦК РКП (б) «По вопросу о нарушениях пункта 13 Программы...» от 18 мая 1921 г.; циркуляры ЦК Компартии Украины «Об антирелигиозной пропаганде» от 10 июня 1921 г.; «Директивы ЦК советским и партийным организациям об отношении к сектам и политике в отношении религиозных групп вообще» от 22 июня 1921 г.; постановление ЦК РКП (б) «О постановке антирелигиозной пропаганды» 4 февраля 1922г.; протоколы Всеукраинского совещания агитпропов 1922 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988) : в 16 т. / под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. - 9-е изд., доп и испр. – М., 1983. – Т. 2. – С. 444–446.

пропаганды, инициированной текущей «экономической политикой» и отвечающей интересам крестьянства и пролетариата. Тем не менее, данный период считался очень удобным для раскручивания «антирелигиозной борьбы», но без излишней демонстрации противостояния государства и религиозных организаций, «не выпячивая вопроса о борьбе с религией»¹. Коммунистические идеологи пытались проводить политику дискредитации религиозных организаций, демонстративно не нарушая принципов Декрета о свободе совести (напр., см. циркуляр украинского АПО ЦК КП(б), декабрь 1921 г.)². Партийные органы стремились к разоблачению, конфронтации, дезорганизации через экономическое и политическое давление. Антирелигиозная деятельность должна была базироваться на атеистической и научно-материалистической пропаганде. ЦК РКП(б) предписывал заменить религиозную картину мира научно-материалистической³. Выработкой пропагандистской стратегий должны были заняться структурные подразделения коммунистической партии: Главполитпросвет, Агитпропотдел. С июля 1921 г. начала функционировать Антирелигиозная комиссия при АПО ЦК⁴.

Как мы знаем из последующих событий, период 1922–1923 гг. усилиями специальных государственных структур стал временем появления многочисленных церковных группировок, вносящих раскол в жизнь Церкви, которые расшатывали социальные позиции Церкви, тем самым вызывая недоверие со стороны населения к религиозной картине мира.

Исходя из вышеизложенной специфики государственной антирелигиозной политики, можно предположить, что пропаганда, направленная на рабоче-крестьянские массы, не имела своей целью активной идеологической борьбы с Церковью и духовенством. Против Церкви, «как одной из основ господства буржуазных классов», был направлен особый удар – «декреты об отделении церкви от государства и школы от церкви и ряд других мер, проведенных Рабоче-Крестьянским правительством», которые «в значительной мере ослабили, расшатали, разложили ее»⁵. Такая Церковь казалась уже жалкой и практически безобидной и поэтому после масштабных акций «воинствующего коммунизма» – арестов и расстрелов духовенства, закрытия церквей, изъятия церковных ценностей и имущества, вскрытия мощей, достаточно показавших, по мнению партийных и комсомольских лидеров, контрреволюционную сущность религии и

¹ Ленин, В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В.И. Ленин. – М. : Госполитиздат, 1958-1965. – Т.54. С.440, 721.

² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988). С. 446.

³ Там же. С. 445.

⁴ Вестник агитации и пропаганды / Орган Нижегородского Губкома РКП. – Нижний Новгород : Гос. изд-во. Нижегородское отд-ние, 1921. – № 11–12. – С. 27.

⁵ О религии и церкви: сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. С. 59.

духовенства, с 1923 г. появляется некоторая тенденция изменить методы антирелигиозной политики в сторону ослабления ее агрессивного характера. В.А. Алексеев, ссылаясь на ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, свидетельствует, что, как ни странно, именно Ярославский был сторонником налаживания диалога с Русской Православной Церковью и придерживался стратегии приостановки «военного коммунизма», по крайней мере, в религиозном вопросе¹. Это подтверждается речью Ярославского перед московскими коммунистами в 1923 г.

Обстановка вынуждала перейти «к религиозному нэпу»². Главной причиной такого «потепления» и корректировки государственной политики в отношении к религии исследователи называют неудачи административно-силовой антирелигиозной деятельности в первые гг. советской власти³, ее полнейшую бесперспективность, которая приводила к обратным курсу власти результатам: недоверию многомиллионных масс верующих к политике партии и правительства и росту религиозности населения⁴.

Формат антирелигиозной пропаганды обуславливался «научной культурно-просветительской работой»⁵, предполагавшей серьезную критику религии с точки зрения естественнонаучной картины мира. Главной целью была постепенная замена религиозного мировоззрения «стройной коммунистической научной системой». Население, некогда воспитанное в религиозной системе координат, должно было получить ответы на мировоззренческие вопросы с позиции естественнонаучного миропредставления. Более того, антирелигиозная пропаганда предполагала выступления и диспуты по самым повседневным вопросам, касающимся переустройства быта, ведения хозяйства⁶ и др., что демонстрировало бы преимущество научно-технического прогресса и естественнонаучной картины мира в сравнении с религиозным мировоззрением.

Так, в принятой в апреле 1923 года на XII съезде РКП(б) резолюции «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды» была обозначена новая линия партии на развертывание «углубленной систематической антирелигиозной пропаганды и агитации <...> по окончательному разрушению религиозных верований во всех видах среди рабочих и крестьянских масс»⁷. Агитационно-пропагандистский фронт вовлекал в свою борьбу, помимо партийных

¹ Алексеев, В.А. утверждает, что с определенными оговорками такими можно считать 1923–1924 гг. // Алексеев, В.А. Иллюзии и догмы. С. 267.

² Там же. С. 264.

³ Слезин, А.А. За «новую веру» / А.А. Слезин // Академия Естествознания, 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.gae.ru/monographs/60-2384> – Дата доступа : 17.06.2020.

⁴ Алексеев, В.А. Иллюзии и догмы. С. 265.

⁵ Постановление Пленума ЦК РКП(б) «По вопросу о нарушениях пункта 13 программы и о постановке антирелигиозной пропаганды» (1921). // О религии и церкви: сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. С. 57.

⁶ Там же. С. 57–58.

⁷ О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды. Резолюция XII съезда РКП(б) // О религии и церкви: сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. С. 63–65.

организаций и их идеологических учреждений, также и некоторые государственные органы и ведомства.

Однако метод научно-атеистической пропаганды показал свою ограниченность и неэффективность ввиду совершенной неподготовленности аудитории слушателей, как по уровню своего образования, так и по еще достаточной религиозности. Сухость и сложность научных лекций, разоблачающих древние корни религиозно-мистического сознания, были совершенно непонятны рядовому слушателю. С другой стороны – налицо обозначился кадровый кризис лекторов-антирелигиозников, ввиду своей необразованности неспособных проводить истинно научный диалог или лекцию. Таким образом, антирелигиозная пропаганда, по замечанию В.А. Алексеева, «во многих местах приобретает характер все той же пресловутой войны с религией, только теперь уже под вывеской идеологической работы партии. В печати, на лекциях, диспутах религия и церковь по-прежнему представлялись промонархической силой, «контрой», мракобесием. Формы антирелигиозной работы приобретали грубый, оскорбительный для верующих и духовенства тон»¹. Особенно ярко бранный и нетерпимый тон фигурировал в двух почти одновременно появившихся антирелигиозных изданиях: газете «Безбожник» под редакцией Ем. Ярославского и журнале «Безбожник» (позднее – «Безбожник у станка») под редакцией М. Костеловской. Как верно заметил А.А. Слезин, «в стихах, популяризируемых тогда комсомольской печатью, – море злобы, вульгарщины, но ни грамма атеизма»². Поэтому, давая характеристику собственно идеологической пропаганде Советского государства, даже в условиях стремления сделать ее более цивилизованной и научной, можно с большой долей уверенности утверждать, что пропаганда имела характер не атеистический, а именно антирелигиозный, учитывая всегда содержащийся в ней воинственный характер.

Одной из «успешных» альтернатив научной пропаганде явилась организация шумных карнавалов и шествий в период праздников Рождества и Пасхи, на которых выявлялись истинные возможности и способности борцов с религией в виде оскорбительных для верующих сцен, песен, лозунгов, а иногда в качестве решающих аргументов – физической силы. Главное было – соблюсти обличительный пафос.

В 1924 г. государственная власть вопрос систематической антирелигиозной пропаганды еще продолжает решать не конкретными программами и действиями, а путем ее организации в «цивилизованных» естественнонаучных рамках, осуждая «антипоповские», хулиганские, грубые, вульгарные методы антирелигиозной работы. По строгому замечанию И.В. Сталина, «все это должно

¹ Алексеев, В.А. Иллюзии и догмы. С. 277.

² Слезин, А.А. За «новую веру» / А.А. Слезин // Академия Естествознания, 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rae.ru/monographs/60-2384> – Дата доступа : 17.06.2020.

быть отброшено и ликвидировано немедленно, как нечто порочащее знамя комсомола и совершенно недостойное звания комсомольца»¹. А XIII съезд РКП(б) призывал особое внимание обратить на то, «чтобы не оскорблять религиозного чувства верующего, победа над которым может быть достигнута только очень длительной, на гг. и десятки лет рассчитанной работой просвещения»².

Существенный перелом в организации антирелигиозной пропаганды в сторону ее структурирования и выработки широкого фронта работ связан с появлением в апреле 1925 г. Союза безбожников³, который планировалось превратить в будущем в массовое движение рабоче-крестьянской общности, включив задачи антирелигиозной пропаганды во все сферы жизни общества. Просуществовав до 1947 года, впоследствии Союз воинствующих безбожников, употребляя различные методы в своей работе – от «интеллигентной» естественнонаучной пропаганды до непримиримо-воинствующего характера своей работы, – так и не справился с основной своей задачей по полному искоренению религии из жизни и сознания общества.

Формирование стратегии нового формата антирелигиозной пропаганды, а именно перехода от взвешенной политики диалога к «воинствующему» безбожию, ярко видно на примере полемики между редакторами газеты «Безбожник» Ем. Ярославским и журнала «Безбожник» М. Костеловской, развернувшейся на страницах «Правды» в виде последовательных статей, критикующих методы и формы работы двух изданий⁴. Ем. Ярославский, изначально стоявший на позиции умеренных и взвешенных методов и форм антирелигиозной пропаганды, активно выступал против «перегибов» М. Костеловской, выражающихся в нетерпимом, бранном и оскорбительном тоне по отношению к религии, Церкви, духовенству и верующим. Примечательно, что характер антирелигиозной работы, пропагандируемой М. Костеловской, был подхвачен и активно приводился в действие комсомольцами, так как был понятен и близок свойственным молодым задору и беспринципности.

В вышедшей 25 января 1925 г. в «Правде» статье «Об ошибках антирелигиозной пропаганды», Костеловская указывала на основные ошибки и слабые места всей постановки антирелигиозной пропаганды по стране в целом. Прежде всего, говорилось, что эта работа «выросла из административной практики советских органов по отделению церкви от государства и в ней много грубости, вульгарщины, попоедства»⁵. Отмечалась и своеобразная специфика работы ввиду того, что во главе ее стояли близкие к религии люди – бывшие

¹Там же.

²Там же.

³В 1924 г. – Общество друзей газеты «Безбожник».

⁴Алексеев, В.А. Иллюзии и догмы. С. 278–290.

⁵Там же. С. 278–290. Примечательно, что в этом пункте Костеловская осуждала те методы и формы работы, которые были ключевыми на страницах возглавляемого ею журнала «Безбожник».

священники, люди, получившие в прошлом духовное образование или интересовавшиеся ранее идеалистическими концепциями, которые строили безбожие «на манер религии»: «На место икон рекомендуется ставить портреты вождей, на место креста, возглавляющего купол, пятиконечную звезду...Маркса изображают в виде бога-отца на небесах с капиталом в руках вместо скрижалей, а вместо архангелов летят красноармейцы с трубами»¹.

Указывая на слабость подобного рода антирелигиозной пропаганды, основанной исключительно на критике, Костеловская призывала к тому, чтобы антирелигиозная пропаганда выстраивалась на основе классовой борьбы с ее тактикой и стратегией, особенностями подхода к различным слоям населения. По мнению автора статьи, именно только классовый подход победит религию, именно рабочий класс должен принести безбожие в деревню. Статья Костеловской, по верному замечанию В.А. Алексеева, как бы предвосхищала практику антирелигиозной пропаганды, которая с середины 1920-х гг. начала внедряться. Этому способствовала и складываемая жесткая централизованная командно-административная система государственной власти. В полной мере это затронуло и область антирелигиозной пропаганды. На специальном совещании в ЦК ВКП(б) в конце апреля 1926 г., подчеркивая важность антирелигиозной пропаганды «в связи с развертыванием наступления социализма на буржуазные элементы города и деревни»², была поставлена задача создать в СССР в короткое время «боевую безбожную организацию на базе существующего Союза безбожников с крепким Центральным советом, который мог бы сплотить ее и направить на подмогу социализму»³.

До 1927 г. антирелигиозная деятельность большевистского режима по большей части носила все-таки декларативный характер⁴. Однако, начиная с 1928 г., обозначены первые попытки выработки практических новых мер антирелигиозной борьбы⁵. 24 января 1929 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы»⁶, предписывавшее усилить на местах антирелигиозную пропаганду. Проект документа и его окончательная январская редакция вызвали жаркую дискуссию в партийных и правительственных кругах⁷. С одной стороны, выступал радикальный

¹ Там же.

² Эта формулировка впоследствии будет введением практически ко всем антирелигиозным резолюциям.

³ Алексеев, В. А. Иллюзии и догмы. С. 278–290.

⁴ Ярославский, Е.М. Не ослабляйте борьбы с влиянием религии (Предложение к XV съезду партии) / Е.М. Ярославский // Правда. – 1927. – 22 ноября.

⁵ О работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК. Доклад на собрании актива Московской организации ВКП(б) от 13 апреля 1928 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. С. 50.

⁶ Циркулярное письмо Политбюро ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» от 24 января 1929 г.

⁷ Стенограмма заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) от 10 декабря 1928 г. по вопросу о мерах по усилению антирелигиозной работы // Курляндский, И.А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). С. 314–324.

атеистический идеолог Е.М. Ярославский, критиковавший компромиссную позицию мирного сосуществования коммунистической партии и религиозных организаций. Е.М. Ярославский считал, что церковные активисты за внешней лояльностью скрывают «политическую антисоветскую деятельность»¹. Однако, Е.М. Ярославский рассматривал снижение активности «церковников» будет эффективным не через репрессивные мероприятия, а с помощью кропотливой работы «антирелигиозных пропагандистов». Е.М. Ярославский ратовал за бюджетную поддержку аппарата антирелигиозной пропаганды и агитации, выдвигая проект создания централизованной организации на общегосударственном уровне². С другой стороны, член Президиума ВЦИК П.Г. Смидович считал, что повсеместное снижение религиозности в СССР было следствием не антирелигиозной пропаганды в отдельности, но «советской работы» в целостности. По П.Г. Смидовичу, эффективность ослабления религиозности была обусловлена общей линией вероисповедной политики Советского государства³. П.Г. Смидович весьма положительно оценивал всю антирелигиозную политику Советского государства, приведшую к тому, что «религиозность вообще, в городе и даже в деревне, она постепенно слабеет»⁴. Более того, процесс «затухания» религии, по мнению Смидовича, являлся естественным результатом становления Советского государства⁵. На фоне такой позиции характерна и оценка методов антирелигиозной пропаганды, которая «ведется неудовлетворительно»⁶. П.Г. Смидович подверг резкой критике искусственное усиление конфронтации коммунистической партии и религиозных организаций. Он считал, что даже участие партийных идеологов в атеистической пропаганде может навредить большевистскому проекту. Дискуссия, таким образом, заключалась в методах антирелигиозной борьбы, сам факт ведения антирелигиозной политики никем из партийных функционеров ни подвергался сомнению.

Противоположная линия, отражающая все последующие установки антирелигиозной работы, была отчетливо обозначена Л.М. Кагановичем, председательствующим на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) от 10 декабря 1928 г. Критике подверглась позиция П.Г. Смидовича, который, по словам Л.М. Кагановича, недооценивал политическую опасность религиозных организаций: «То, что мы имеем здесь легальные контрреволюционные организации, это совершеннейший факт»⁷. Собственно, мысль уже не новая, но повторенная с

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

заметным акцентом. Это определение относилось уже не к какому-то отдельному факту проявления контрреволюционности религиозными группами, а касалось каждого храма СССР. Осуждению Кагановича подверглась и антирелигиозная пропаганда, которая, являясь «боевой пропагандой», «страшно отстаёт». Все прежние методы, ограничивающие проведение пропаганды стенами учреждений и сужающие ее, таким образом, часто до протокольных мероприятий, сравнивались Кагановичем с пропагандой, «которая была допустима в подполье». Теперь же, по мнению Кагановича, «когда у нас в руках государственная власть», антирелигиозную пропаганду необходимо «поставить шире»¹.

Для активизации антирелигиозной пропаганды были запланированы следующие задачи: «Первая задача – необходимо поставить дело подготовки кадров антирелигиозников. Вторая задача – активизировать всю партийную и комсомольскую массу в деле борьбы с богом и религией. Наконец, третья задача – это борьба с выкорчевыванием кадров контрреволюционных попов»². Именно представленные задачи будут ведущим лейтмотивом последующей вероисповедной политики советской власти после 1929 г. Они будут определять тон и содержание последующих законодательных инициатив.

В обсуждении проекта постановления также принимали участие А.И. Криницкий, Н.К. Крупская, С.М. Диманштейн, К.Я. Бауман, В.М. Молотов. Стоит отметить, что осуждала методы административного давления и оскорбления чувств верующих в антирелигиозной пропаганде и присутствовавшая на заседании Н.К. Крупская.

Четко и последовательно обозначенные задачи были отражены в упомянутом постановлении «О мерах усиления антирелигиозной работы», утвержденном 24 января 1929 г. и разосланном в феврале в республиканские, краевые, областные и окружные партийные комитеты за подписью секретаря ВКП(б) Кагановича. Появление такого документа, по мнению некоторых исследователей, стало началом «фронтальной атаки» и «сигналом к походу на Церковь»³.

Не представляется сложным проследить, что «усиление антирелигиозной работы», пропагандируемое в постановлении, имеет достаточно агрессивно-форсированный характер. Так, «партийным и комсомольским организациям» предлагалось «немедленно организовать систематическое руководство антирелигиозной пропагандой» для «антирелигиозного воспитания партийной, и комсомольской, и пионерской массы»⁴, борясь с «празднованием религиозных праздников, соблюдением религиозных обрядов», активно вербовать в Союз

¹ Там же.

² Там же.

³ Цыпин В., протоиерей. Русская Православная Церковь: 1925–1938. С.191.

⁴ Циркулярное письмо Политбюро ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» от 24 января 1929 г.

безбожников «беспартийных рабочих и крестьян»¹. Фракциям советов в обязанность вменялась разработка мероприятий по организации «широких масс на борьбу с религией»². Процесс закрытия церковей представлялся делом особой государственной важности и общественной пользы, который необходимо решать «на широких массовых собраниях, а не только... в руководящих органах советов (исполкомах)»³. Особая задача по повышению качества антирелигиозного образования стояла и перед Наркомпросом, которому необходимо было «поставить серьезнейшим образом антирелигиозную подготовку и переподготовку учителей» школ, техникумов и педвузов, но особенно школ второй ступени, внося «соответствующие поправки к программам»⁴. Ужесточение антирелигиозной работы должно осуществляться через «регулярное и более глубокое освещение вопросов борьбы с религией на страницах периодической прессы, особенно в газетах и массовых журналах»⁵. Главискусству – поддерживать «создание антирелигиозных театральных и кинопьес, беллетристики, живописных и других художественных произведений». Главлиту, Госиздату и комитету по делам печати – «решительно бороться с религиозными и мистическими произведениями, прекратив снабжение бумагой религиозных издательств и организаций», а также обратить «особое внимание на перевод и издание антирелигиозной и художественной литературы для детей и юношества»⁶. Задача была поставлена также перед органами НКВД и ОГПУ: «Школы, суды, регистрация гражданских актов должны быть полностью изъяты из рук духовенства. Партийным комитетам и исполкомам необходимо поставить вопрос об использовании ЗАГСов в целях борьбы с поповщиной, церковными обрядами и пережитками старого быта»⁷.

Таким образом, антирелигиозная работа перестала быть только уделом агитационно-пропагандистского отдела партии и Союза безбожников. Новое наступление на религию включало в эту борьбу практически все структуры государства, в том числе, и органы НКВД и ОГПУ, изменяя пропагандистский аспект этой борьбы на административно-репрессивный, со всеми со всеми характерными особенностями политики «военного коммунизма». При этом подчеркивалось, что усиление административного антирелигиозного давления не является «гонением на веру», а направлено против антисоветской деятельности⁸. Подобная формулировка, пытаясь оправдать борьбу с религией перед

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Цыпин В., протоиерей. Русская Православная Церковь: 1925–1938. С.192.

⁸ Циркулярное письмо Политбюро ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» от 24 января 1929 г.

«трудящимися массами» борьбой за социалистическое строительство, должна была создать образ справедливого государства.

С этого момента, как замечает А.А. Слезин, «антирелигиозная борьба велась буквально по каждому удобному и неудобному поводу»¹. Как отмечает священник Д. Бурмистров, в таких «условиях резко усилившихся гонений на Церковь в 1929 г., заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) был вынужден с еще большей настойчивостью требовать от духовенства поддержки своему курсу в отношениях с государством, заявленному в знаменитой Декларации 1927 г.»².

Обозначенные в постановлении ЦК ВКП(б) от 24 января 1929 г. векторы религиозной политики советской власти явились основными в новых условиях взаимоотношений государства и Церкви в предвоенный период. Задачи, изложенные в этом письме, стали пропагандировать, развивать и проводить в жизнь все видные партийные и советские работники: И.В. Сталин, Н.И. Бухарин, А.В. Луначарский, М.И. Калинин, А.И. Рыков, Е.М. Ярославский, П.Г. Смидович, П.А. Красиков и другие. Постановление ЦК ВКП(б) «фактически развязало руки местным работникам для «силового» давления на религиозные организации»³.

Как уже отмечалось выше, в мае 1929 г. на XIV Всероссийском съезде Советов РСФСР в Конституцию РСФСР были внесены поправки по вопросу организации антирелигиозной пропаганды: «свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды»⁴ была заменена на «свободу религиозных вероисповеданий и антирелигиозной пропаганды»⁵. Поправку объясняли тем, что все это делается «в целях ограничения распространения религиозных предрассудков путем пропаганды, используемой весьма часто в контрреволюционных целях»⁶.

Советская система выделяла несколько видов «антисоветской агитации»: клерикальная агитация на богослужебных проповедях, недовольство верующими коллективизацией или религиозным законодательством, несанкционированные собрания верующих и пр. Агитация священнослужителями для советской власти считалась самым опасным типом «антисоветской агитации», так как, по мнению

¹Слезин, А.А. Роль Союза безбожников в реализации государственной политики в отношении религии (1924–1929 гг.) / А.А. Слезин // Научная электронная библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://elibrary.ru/item.asp?id=12956328>. – Дата доступа : дата обращения 11.09.2020.

²Бурмистров, Д., свящ. Ленинградская епархия в условиях антицерковных гонений в 1929–1939 гг. (по материалам архивов С.-Петербурга и Ленинградской области). Апробационная статья на соискание ученой степени кандидата богословия / священник Д. Бурмистров // Сайт Богослов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.bogoslov.ru/text/411565.html> (дата обращения: 21.10.2020).

³Кашеваров, А.Н. Государство и церковь: из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви, 1917–1945 гг. С. 92–93.

⁴Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики 1918 г. (ст. 13) // История советской конституции в декретах и постановлениях советского правительства. 1917–1936 / под ред. Алымова. – Советское законодательство, 1936. – С. 69.

⁵Полюян, Я.В. «Об изменениях и дополнениях Конституции РСФСР» // Правда. – 1929. – 18 мая.

⁶Одинцов, М.И. Хождение по мукам / М.И. Одинцов // Наука и религия. – 1990. – № 6. – С. 12.

советских аппаратчиков, она была более продуманной, систематичной, эффективной (в отличие, к примеру, от «бабьих бунтов» или столкновений с комсомольцами или представителями СВБ). Такая установка предполагала максимальное устранение клириков и активных прихожан. Обвинение в «антисоветской агитации» являлось эффективным поводом к аресту. Так, повседневные эмоции недовольных обывателей или рядовые священнические проповеди могли трактоваться как спланированная антисоветская агитация. Кроме того, не стоит забывать о большом проценте фальсификации доносов.

Характерным отражением изменения государственной религиозной политики явилось то, что проходивший 1929 г. II Всесоюзный съезд Союза безбожников переименовал существующую с 1925 года организацию в Союз воинствующих безбожников (СВБ). Это изменение в наименовании характеризовало новую суть этой организации, деятельность которой из сугубо просветительской переходит в воинственную борьбу за политические интересы государства лозунгом: «Борьба с религией – борьба за социализм».

II Всесоюзный съезд Союза безбожников проходил в Москве с 10 по 15 июня 1929 г., и партия «возлагала на него большие надежды в целях усиления антирелигиозного движения»¹. Второй съезд СБ «отражал размах развернутого партией антирелигиозного движения в стране и выглядел весьма представительно: 956 делегатов с мест от коммунистов и беспартийных (на I съезде Союза безбожников в 1925 г. было всего 100 делегатов), представители 37 национальностей и народностей СССР»².

Для повышения качества антирелигиозной агитации и пропаганды Съезд принял стратегию на увеличение количественного состава СВБ, которая была отражена в проекте резолюции, основная мысль которой сводилась к тому, что «в настоящих условиях антирелигиозная пропаганда должна рассматриваться как один из важнейших участков классовой борьбы, как одна из важнейших сторон социалистического наступления как в городе, так и в деревне»³.

II Всесоюзный съезд Союза безбожников выявил две тенденции в антирелигиозной политике – умеренную и радикальную. Доклад члена Политбюро ЦК ВКП(б) Н.И. Бухарина «Реконструктивный период и борьба с религией» стоял на умеренных позициях и призывал к борьбе «с религиозными предрассудками» именно на «культурном фронте». Также председатель ВЦИК СССР М.И. Калинин апеллировал к осторожности в использовании

¹ Курляндский, И.А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). С. 367.

² Там же. С. 368.

³ Кочетова, А.С. «Терпимое отношение к религиозным пережиткам... является одним из проявлений правого оппортунизма». Проект резолюции Е.М. Ярославского Политбюро ЦК ВКП(б) по докладу об итогах 2-го съезда Союза безбожников и о работе антирелигиозной комиссии ЦК и «Особое мнение» П.Г. Смидовича к данному проекту 1929 г. / А.С. Кочетова // Исторический архив. – 2012. – № 3.

административного подхода и настаивал на «гибкости» в антирелигиозной борьбе. А.И. Рыков отмечал, что «административные меры» в сфере антирелигиозной работы вредны: «мы, сторонники борьбы с религиозным дурманом, не собираемся применять против религии принудительных мер, но признаем в нашей конституции свободу религиозных исповеданий»¹. Таким образом, тезисы Бухарина и Рыкова кардинально расходились с уже сформированной и утвердившейся «генеральной линией» партии по религиозному вопросу.

Отечественный исследователь В.А. Алексеев считает, что после 1929 г. стал превалировать радикальный административный подход, а любые отступления от него или смягчение жесткого администрирования рассматривались как проявления оппортунизма так называемого «правого уклона»². Таким образом, ведущий курс был направлен на радикализацию антирелигиозной работы, безбожники стали именоваться воинствующими, а среди прочих решений был принят новый устав Союза.

После Съезда внутрипартийная борьба Сталина против «правого уклона» Бухарина и Рыкова существенно отразилась и на антирелигиозной политике государства: на вооружение борьбы с религией была принята «генеральная линия» партии, отражающая взгляды самого Сталина и его окружения. Господствующие призывы Съезда предполагали антирелигиозную работу как «один из видов классово-политической борьбы»³ с «правым уклоном» и «с капиталистическими элементами». Сторонники «воинствующей» борьбы призывали и к самым радикальным формам ее проведения, употребляя временами совершенно военную терминологию, считая СВБ «передовым фронтом социалистического строительства»⁴: «Врага надо преследовать и бить на всех участках классовой борьбы»⁵. По замечанию А.Н. Кашеварова, именно с лета 1929 г. методы антирелигиозной работы «все чаще начинают переплетаться в практике работы государственных органов с широким применением репрессий», а осуществление «церковной политики» сосредоточилось теперь в руках ОГПУ и НКВД⁶.

Одной из основных задач нового «воинствующего» курса по борьбе с религией было вовлечение в ряды безбожников не только проявивших интерес к этому движению, но всего народа. В «Обращении Второго Всесоюзного съезда...» СВБ прозвучал призыв: «Под наше знамя Союза воинствующих

¹ Правда. – 1929. – 15 мая.

² Алексеев, В.А. Иллюзии и догмы: Взаимоотношения Советского государства и религии. С. 303.

³ Ярославский, Е. На одном из боевых участков /Е. Ярославский // Антирелигиозник. – 1929. – № 7. – С. 8.

⁴ Антирелигиозник. – 1929. – № 7. – С. 32.

⁵ Лунин, А. Ошибочные теории / А. Лунин // Комсомольская правда. – 1929. – 9 июня.

⁶ Кашеваров, А.Н. Государство и церковь: из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви, 1917 – 1945 гг. С. 99.

безбожников СССР мы зовем всех рабочих, крестьян и красноармейцев, мы зовем всех трудящихся»¹. Е. Ярославский, охваченный эйфорией скорого безбожного будущего страны, утверждал, что «не сотни тысяч рабочих, крестьян и красноармейцев должны быть вовлечены в Союз безбожников, а миллионы»². Реализация предложенной задачи по охвату всего государства безбожием многими активистами виделась в принятии плана специальной «безбожной пятилетки», который стал разрабатываться с осени 1929 года.

Ставка в антирелигиозной работе не на качество, а на количество не ограничивалась только пропагандой. Антирелигиозная работа вторгалась в область хозяйственной жизни: активисты в деле борьбы с религией организовывали «колхозы безбожников»³. Соревновательный дух по «обезбоживанию» всех сфер жизни и деятельности создавал, по словам отечественного исследователя В.А. Алексева, атмосферу повсеместного «психологического прессинга», когда даже некогда умеренные деятели-коммунисты заявляли и апеллировали к «войне с религией»⁴.

Принятые на II съезде СБ новые ориентиры антирелигиозной работы получили свое идейное развитие в сторону ужесточения борьбы с духовенством и верующими в том же г. на ноябрьском заседании исполнительного бюро Центрального совета СБВ. Выработанное на нем обращение ко всем безбожникам «О самокритике» отмечало усиление темпа антирелигиозной работы: «Обострение классовой борьбы требует от СБВ решительного изменения темпов, методов и форм работы»⁵. Взрыв «антирелигиозной активности» начался с массового закрытия церквей, о чем пойдет речь в 4-й главе.

Советское законодательство и коммунистическая пропаганда считали, что основным классовым врагом являлись носители так называемой «антисоветской (контрреволюционной) агитации». Причем это был весьма абстрактный, можно сказать, умозрительный слой, куда могли войти как представители духовенства, так и бывшие аристократы или купцы. В плоскости деревенского социума антисоветскими агитаторами считались клирики и кулаки. Напомним, что расширенная трактовка понятия «антисоветской агитации» стала возможной в силу законодательных поправок в Конституцию РСФСР в 1929 г.

За небольшой период времени вероисповедная политика Советского государства радикальным образом изменилась. Если ранее вопрос стоял в отношении контрреволюционных действий отдельных конфессий и религиозных

¹ Савельев, С. Бог и комиссары (к истории комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК ВКП (б) – антирелигиозной комиссии) // Религия и демократия. С. 177–178.

² Одинцов, М.И. Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) // На пути к свободе совести. С.42.

³ Алексеев, В.А. Была ли в СССР «безбожная пятилетка»? / В.А. Алексеев // Диспут. – 1992. – № 2. – С. 15–16.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Антирелигиозник. – 1929. – № 12. – С.3.

организаций, то теперь главная проблематика заключалась в обсуждении целесообразности существования религии в СССР. Актуальным стал вопрос относительно построения советского социума в безрелигиозное общество. Несколько крупных атеистических форумов (Антирелигиозное совещание при АПО ЦК, II Всесоюзный съезд Союза безбожников) прошли в 1929 г., декларируя идеи построения безрелигиозного общества. Теперь партийные органы, не подбирая компромиссной лексики, открыто утверждали, что религиозные организации составляют единый антисоветский фронт.

Выводы

1. Вероисповедная политика Советского государства второй половины 1920-х гг. выразилась именно как антирелигиозная, имела систематическую организацию и включала в себя несколько репрессивных направлений, как идеологических, так и административных: закрытие молитвенных зданий, налоговое давление на религиозные общины, репрессии духовенства и верующих, доведение священнослужителей до отказа от сана, экспроприация церковных ценностей, а также широкомасштабную атеистическую пропаганду. Изменение антирелигиозной политики советской власти в период позднего НЭПа (1927-1928 гг.) в сторону усиления административно-репрессивного аспекта было обусловлено не только осознанием неэффективности воздействия антирелигиозной пропаганды на народные массы, но и экономическими, и политическими причинами, связанными с активизацией внутрипартийной борьбы и победой в ней И.В. Сталина, усилением классового расслоения города и деревни, допущенными экономическими просчетами, началом коллективизации и индустриализации. Изменения в нормативно-правовой базе относительно места религии в СССР нашли свое выражение в постановлении ВЦИК «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г., определившим, по сути, воинственный характер антирелигиозной борьбы и ставшим законодательной основой будущих репрессий. Новое законодательство регулировало имущественную и неимущественную деятельность религиозных общин, подчиняя её непосредственному контролю со стороны местных властей, превращало конфессиональные структуры в разновидность резервации, ограничивало их социальное бытие пределами храмовой территории, в конечном итоге маргинализировало религиозные общины, ограничив функции прихода одной-единственной задачей – удовлетворения культовых потребностей верующих. Внесенные корректировки в 4-ю статью Конституции РСФСР запрещали религиозную пропаганду и утвердили в качестве приоритетной антирелигиозную агитацию, поставив вне закона, по сути, любую проповедь и трансляцию религиозных убеждений.

2. В период с 1923 по 1927 гг. наблюдается ослабление гонений на Церковь и верующих со стороны Советского государства. Ставка делается на развертывание широкомасштабной антирелигиозной пропаганды через деятельность созданного в 1925 г. Союза безбожников, развал Церкви через поддержку обновленчества и деятельность раскольников. Однако, антирелигиозная пропаганда в условиях действия механизмов политического и экономического давления на религию, в данный период не состояла в числе первостепенных в повестке главных задач социалистического строительства. В текущей антирелигиозной работе акцент ставился на атеистической пропаганде, построенной на материалистическом просвещении, дискредитации религии через антирелигиозные выступления, диспуты и карнавалы, публикации в печати. Государственная вероисповедная политика, будучи антирелигиозной, в определенной степени характеризуется попыткой обеспечить юридически законное существование религии в советском обществе, осуществлялась и регулировалась деятельностью ВЦИК и СНК при надзоре органов НКВД. Естественным следствием ожесточения антирелигиозной политики Советского государства в 1929 г. явилось переименование Союза безбожников в Союз воинствующих безбожников, который должен был стать рупором всей антирелигиозной работы, вовлекая в нее все население страны.

Таким образом, к концу 1920-х гг. была выстроена законодательная база всей будущей антирелигиозной политики в СССР, направленной на фактическое изживание Церкви и религии из государства и жизни людей.

ГЛАВА 3. АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ И ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ (1925–1930)

3.1 Организация Союза Безбожников и становление антирелигиозной пропаганды

Целостная оценка антирелигиозной пропаганды в Смоленской губернии во второй половине 1920-х гг. невозможна без исследования деятельности регионального отделения Союза безбожников. На основании этих данных можно выстроить общую картину антирелигиозной работы, а также о задачах, формах и методах агитационно-пропагандистской политики Советского государства. Такая делопроизводственная документация, как протоколы и стенограммы заседаний, пленумов, съездов и конференций организации Союза безбожников и партийных органов, в отношении антирелигиозной работы дает хоть и «однобокую», но практически единственную информацию о положении Патриаршей «тихоновской» церкви, о состоянии обновленчества и сектантского движения.

Новый подъем антирелигиозной работы в Смоленской губернии был связан с деятельностью регионального отделения организации Союза безбожников (1925 г.).

После проведения политики «военного коммунизма» в Смоленской губернии в первой половине 20-х гг. XX в., выразившейся в процессе изъятия церковных ценностей, национализации церковного имущества и как ответ на реакцию Церкви – в показательном «процессе смоленских церковников», начался новый этап борьбы с Церковью и религией – становление активной антирелигиозной пропаганды. Согласно отчету первого председателя губсовета Союза безбожников т. Гагарина, «с первого всесоюзного и губернского съезда ОДГБ¹ (апрель 1925 г.) <...> удалось положить начало организованному и методическому единству в деле антирелигиозной пропаганды на новых началах»². За короткий период лета и осени 1925 г. до созыва II Губернской конференции было изучено состояние «церковно-сектантского фронта по Рославльскому, Ельнинскому, Ярцевскому, Демидовскому и Гжатскому³ уездам», создана губернская организация Союза безбожников «(1395 чел. 18% партийцев, 36% комсомольцев, 46% беспартийных, из них 78% мужчин и 22% женщин, 53% крестьян, 16% рабочих, 27% служащих, 3% шк. работников, 1% прочих)»⁴. Более того, среди первых достижений совсем молодой организации Союза безбожников

¹ Общество друзей газеты «Безбожник».

² ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3347. Л. 44.

³ Сейчас – г. Гагарин.

⁴ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3347. Л. 44.

Смоленской губернии отмечались: положительное отношение и активная поддержка партии и комсомола, личная и письменная связь с исполбюро Центрального Совета СБ и местами (разослано информационное письмо), построение в программном и организационном отношении системы антирелигиозных кружков при ячейках, вовлечение в антирелигиозную работу активной части учительства, агрономов и медицинского персонала, организация снабжения антирелигиозной литературой, подключение в качестве пропагандистов безбожия Губсовпартшколы и Университета¹.

Среди основных результатов деятельности СБ отмечалось изучение состояния «церковно-сектантского фронта». Несомненно, следует учитывать то, что эта оценка дается организацией, враждебно относящейся как к Патриаршей церкви, так и к религии вообще. Но это не мешает в определенной мере составить картину (прежде всего статистическую) о положении Церкви.

Описание объекта будущей антирелигиозной борьбы через пропаганду дано в секретном информационном письме «О религиозном фронте по губернии и методах содержания и организационных формах антирелигиозной работы», подготовленном Смоленским губсоветом Союза безбожников 17 ноября 1925 г. за № 25 и разосланном по уездам губернии². Данное письмо имело фундаментальное значение для постановки антирелигиозной работы в последующие гг..

С первых же строк дается совершенно неграмотное с точки зрения религиоведческой классификации описание «расслоения» среди православного духовенства, возникшее «еще при царизме», на «черное» (монашеское духовенство) и «белое» (брачное духовенство). Данному разделению дается политическая окраска, привносящая даже некий мистический смысл этому противостоянию «черного» и «белого». Так, черное духовенство, победившее на Поместном соборе 1917–1918 гг., являет собой «контрреволюционное правое крыло», вербовавшееся исключительно из элитарной прослойки «крупной буржуазии, аристократии и монархических деятелей» и стремившееся «через Тихона бороться с Советами (патриарший протест против Брестского мира, анафема большевиков, противодействие изъятию церковных ценностей и т.д.)»³. Белое духовенство – левое «демократическое» крыло, которое «добилось отречения Тихона и начало вести лояльную по отношению к Советам и коммунистам политику, видя всю бесплодность Тихоновской контрреволюции»⁴.

¹ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3347. Л. 44.

² ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3346. Л. 26–28 об.

В архиве (ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3347. Л. 28–31) имеется еще один документ «Содержание и методы антирелигиозной пропаганды в городе и деревне» (тезисы), который появился ранее цитируемого информационного письма (до апреля 1925 г. – времени образования Союза безбожников) и представляет собой некий черновик, наброски будущего официального документа, о чем можно судить на основании многочисленных исправлений и вставок от руки чернилами.

³ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3346. Л. 26–28 об.

⁴ Там же.

Среди положительных представителей «белого духовенства», по мнению авторов письма, выделяются «архиепископ Введенский», восхищающийся ароматом божественной мудрости от сухих страниц Марксова «Капитала»; «архиепископ Алексей»¹, считающий, что «безбожники творят божье дело и коммуна – идеал христианства»²; «митрополит Антоний»³, сетующий, что «главная ошибка церкви в том, что она не встретила Октябрьскую революцию колокольным звоном»⁴.

В упомянутом документе содержатся статистические данные о количестве православных церквей и священнослужителей в Смоленской губернии: на ноябрь 1925 г. это «548 православных церквей и в них 736 попов», среди которых 301 человек – «тихоновцы», 344 – «обновленцы», а 91 – не определились⁵. Во главе «тихоновщины» указан епископ Иларион (Бельский)⁶.

Общая оценка текущей религиозной жизни дается через довольно симптоматичную для атеистических кругов фразу: «на лицо РАЗВАЛ церковного обрядоверия»⁷. Здесь проявляется не реалистичная картина внутренней жизни религиозных общин, а скорее отражаются надежды типичных представителей антирелигиозной пропаганды.

Довольно подробно в секретном информационном письме отражена текущая ситуация церковной конфронтации «тихоновцев» и «обновленцев». «Обновленцы» преимущественно распространены в Дорогобужском, Ярцевском, Ельнинском, частично в Сычевском, Вяземском и Смоленском уездах, проявляют «деятельные, но безуспешные попытки найти согласие с тихоновцами». «Тихоновцы» же объявили бойкот так называемому III Поместному собору (обновленческий Поместный собор 1925 г.). Скрывая истинные причины церковного разделения, в письме предлагается использовать его как наглядный пример в антирелигиозной пропаганде, стараясь «всячески довести до сознания широких крестьянских масс, с целью выявления перед ними той борьбы за власть, влияние и доходы, которые так жестко ведутся в расколовшейся церкви»⁸. Исповедническая позиция патриарха Тихона, направленная, прежде всего, на спасение Церкви в условиях кровопролитных гонений, характеризуется как «заигрывание с советской властью и коммунизмом», сформировавшаяся ввиду укрепления советской власти и церковного раскола. Причем отступление патриарха Тихона от прошлой «контрреволюционной» позиции связывается

¹ Алексей Дьяконов, возглавлявший Смоленскую обновленческую епархию с 10 мая 1923 г. по 1927 г.

² ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3346. Л. 26.

³ Вероятно, имеется в виду митрополит Антонин (Грановский).

⁴ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3346. Л. 26.

⁵ Там же. Л.26 об.

⁶ Губонин М.Е. называет епископа Илариона (Бельского) временно управляющим Смоленской епархией в 1926–1927 гг. А с 17 марта 1924 г. по ноябрь 1927 г. управляющим Смоленской епархией называет епископа Валериана (Рудича) // Акты святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг.

⁷ Там же.

⁸ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3346. Л. 26.

также с земными интересами: потерей власти, лишением доходов и влияния на верующих в связи с деятельностью «обновленческой ереси», на искоренение которой теперь все свое внимание тихоновцы и сосредотачивают¹.

Из цитируемого информационного письма можно предположить существование на территории Смоленской губернии религиозных групп последователей митрополита Антонина (Грановского), «бывшего обновленческого деятеля», принадлежащего к «левой группировке» (Союзу церковного Возрождения), «удельный вес» которой «очень слаб». Между строк можно прочесть и некоторое сожаление такого положения «антониновщины» – «коренной реформации церкви», против которой как тихоновцы, так и господствующие обновленцы («Живая Церковь») «объявляют бешенную борьбу». Последние «не могут обновить и оживить церковь», так как, по выражению цитируемого Антонина, «напоминают собой раков, могущих по своей природе ползать только назад, и разница в них та, что тихоновцы раки черные», а обновленцы – обваренные (покрасневшие от революции)»². Создается впечатление искреннего желания власти видеть Церковь новой, обновленной, способной сосуществовать с новой жизнью государства.

Несмотря на указанный в приводимом документе некоторый перевес по количеству обновленческих священников перед тихоновцами (344 против 301), патриаршая Церковь в Смоленской губернии признается «пассивным старорежимным “тихоновским” большинством». Видимо, под пассивностью в данном отношении авторы письма понимают то, что они называют подменой христианства «евангельского» мировоззрения механическим обрядоверием (требы, молебны, обряды, выколачивание платы за требы) и разложением поповского аппарата (пьянство)³. Подобные обвинения в обрядоверии, стремлении к наживе и на этом фоне – грязных конфликтах в среде духовенства, часто встречаются на страницах губернской прессы, докладах из уездов. Конечно, было бы неправильным отрицать подобные явления в среде духовенства, которое в это время существовало в очень сложных бытовых и материальных условиях. Но с достаточной уверенностью можно утверждать, что это если и были, то единичные случаи морального упадка. Большинство священников – труженики и исповедники, несшие свой крест служения до конца честно и не оставлявшие своей паствы. Сбор подобной информации, практически всегда полной сарказма и часто небылиц, в которые трудно поверить, являлся хорошим материалом к антирелигиозной пропаганде, который, как считалось, полностью должен скомпрометировать оставшееся духовенство пред лицом граждан. Несмотря на подобную оценку тихоновского духовенства, массы православных христиан

¹ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3346. Л. 26.

² Там же.

³ Там же.

характеризуются как «большинство» в Смоленской губернии, даже в условиях «падения прежнего поповского авторитета» все же остающиеся верными патриаршей Церкви. Подтверждением тезиса о малочисленности обновленческого движения на Смоленщине служат и те факты, что и в самом Смоленске у обновленцев был всего один храм (Свято-Успенский кафедральный собор), а отчеты по уездам свидетельствуют о непопулярности среди населения обновленческих приходов.

Религиозность населения, несмотря на все усилия «плодотворной» административной и пропагандистской работы, для безбожников была очевидна. Более того, наряду с ожидаемым ростом безбожия наблюдалось усиление религиозности¹. Наличие религиозности связывалось исключительно с бытовыми и экономическими особенностями жизни. В цитируемом письме содержится попытка объяснения наличия у определенных слоев населения религиозных взглядов. Так, «зависимость крестьянина, кустаря и всех мелкобуржуазных прослоек от «к а п р и з о в» (как в оригинале. – В.Р.) частного рынка, зависимость крестьянского хозяйства от погг., урожая, вредителей, падежа скота, пожара и агрикультурная (очевидно – агрокультурная – В.Р.) беспомощность при общей малограмотности представляют из себя еще на продолжительное время благоприятную почву (экономическую базу) для проявления религиозных предрассудков»². Как бы странно и поверхностно ни звучали подобные суждения в отношении проблематики феномена религиозности у населения, однако указанная трактовка была основной в антирелигиозной пропаганде в деревнях во второй половине 20-х гг.. К примеру, одним из тех, на кого возлагалась задача изъять религию из жизни и сознания деревенских жителей, был агроном.

Заслуживает внимания и характеристика «полупролетарских слоев (от крестьянина до интеллигенции)»³, у которых, в отличие от безбожного пролетариата, религиозные предрассудки еще держатся. И хотя они уже «критически относятся к предметам церковного культа, но стать безбожниками-коммунистами они не могут»⁴. Причина этого в довольно странных, судя по объяснению авторов секретного письма, попытках создания некоего нового христианского мировоззрения (дословно «евангельским непротивленческим мировоззрением заменить церковное обрядовое»⁵). Евангельское непротивление злу, почему-то признанное основой новой идеологии, приравнивается к пассивности в классовой борьбе, что не может быть приемлемым для нового общества.

¹ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3347. Л. 5.

² ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3346. Л. 26 об.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Анализируя приведенные материалы, можно сделать определенный вывод относительно устойчивости религиозных взглядов у населения, не соглашаясь и с позицией авторов письма, и с точкой зрения некоторых современных исследователей, видящих прямую связь этой устойчивости с бытом¹. Несмотря на то, что Смоленщина в большей степени являлась аграрной губернией, где действительно крестьянский быт и уклад были тесно переплетены с обрядами, праздниками и с некоторой надеждой на «помощь свыше», связывать все эти проявления только с «агрокультурной беспомощностью и общей малограмотностью» было бы неверно. Подчиняясь подобной логике, коммунисты предполагали достижения в кратчайшие сроки полного безбожия рабочего класса, не связанного никаким образом зависимостью от природы, урожайности земли и т. д. Считалось, что механизация производства полностью уничтожит какие-либо пережитки религиозности. Но дело обстояло иначе, религиозность сохранялась глубоко в населении Смоленщины: люди ходили в храм, крестили своих детей, держали дома святые образы и пр. Более того, в смоленском архиве содержится обширная документация по поводу попытки строительства в 1925–1926 гг. новой церкви в крупнейшем промышленном центре губернии – г. Ярцеве силами рабочих ярцевской мануфактуры.

В проанализированном секретном информационном письме «О религиозном фронте по губернии и методах содержания и организационных формах антирелигиозной работы» от 17 ноября 1925 г., разосланном по уездам Смоленской губернии, вопросы улучшения качества антирелигиозной пропаганды решаются на фоне рассмотрения очевидных недостатков, допущенных в прошлые гг.. Среди основных – осуждение односторонней антипоповской агитации в антирелигиозной пропаганде (такую позицию, как мы видели выше, занимал в это время и председатель СБ). Собственно, такие перемены тактики в религиозном вопросе связаны с изменением исторической ситуации вокруг явного врага – Церкви. Она теперь не так опасна, как в первые гг. после установления советской власти, «когда поповский аппарат оказывал ей бешенное сопротивление»². «Поэтому, – продолжается в письме, – вполне естественно и целесообразно было обрушиться на него, вырвать из-под его влияния рабоче-крестьянские массы»³. Теперь же такая тактика названа «путем наименьшего сопротивления», «односторонним и вредным подходом в антирелигиозной работе», так как «дискредитирование попа и закрытие церкви не уничтожает почву для религиозных предрассудков»⁴. Действительно, вред от такой «работы» был

¹ Например, подобный вывод делает М. Фэйнсод на основании изучения Смоленского архива // Фэйнсод, М. Смоленск под властью Советов : под общ. ред. Кодина Е.В.; пер. с англ. Кузьмина Л.А. / М. Фэйнсод. – Смоленск : ТРАСТ-ИМАКОМ, – 1995. – С.456.

² ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3346. Л. 27–27 об.

³ Там же.

⁴ Там же.

очевиден: религиозный подъем, массовые протесты и выступления, рост сектантства.

Вторым, не менее важным организационным недочетом, согласно замечанию составителей письма, «является очень легкий агитационный характер антирелигиозной пропаганды (диспуты, скороспелые спектакли)»¹, не имеющий четкой естественнонаучной программы, пренебрегающий рекомендациями «содержания и методов антирелигиозной пропаганды в городе и деревне»². Антирелигиозные мероприятия проходили совершенно стихийно и превращались в настоящее «”дебоширство” (травля попов, выворачивание крестов на кладбищах и т.п. “художества”»³. Сами деятели антирелигиозной пропаганды констатировали, что подобная «кампанейщина» «приносит иногда лишь прямой вред»⁴. Многочисленные жалобы в ГИК и во ВЦИК духовенства и верующих свидетельствуют о произволе, бесчинствах, аморальном поведении в храмах и на кладбищах, что являлось оскорблением чувств верующих. Авторы письма акцентировали свое внимание на переходе от поверхностной агитации («скороспелые» спектакли, диспуты и т.д.) к оформлению естественнонаучной программы антирелигиозной пропаганды.

Кроме объективных причин слабости антирелигиозной пропаганды существенным снижением ее эффективности в сельской местности было откровенное неприятие ее деревенскими жителями. В письме такое поведение местных крестьян, не принимавших атеистическую агитацию, именуется как «сознательный крестьянский хвостизм»⁵. Отсюда делается вывод, что в деревне отсутствует необходимость в организации ячеек Союза безбожников. Письмо «О религиозном фронте по губернии и методах содержания и организационных формах антирелигиозной работы» констатирует тупиковую ситуацию в деле антирелигиозной пропаганды в деревне⁶. И, действительно, вековой уклад жизни крестьянства, основанный на религиозности, столь прочно утвердился, что любые его изменения вызывали настороженность и неприятие среди крестьянского населения. Вопреки этим социальным закономерностям Смоленский губсовет СБ не преминул похвалиться редкими успехами в организации антирелигиозной пропаганды: в Шумячской волости Рославльского уезда «5 кружков сумели втянуть 210 крестьян и выписать 80 экз. “Безбожника” (газеты)»⁷.

Нужно все же отметить, что Союз безбожников не был первым организатором антирелигиозной пропаганды. Изначальное дело антирелигиозной

¹ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3346. Л. 27 об.

² Содержание и методы антирелигиозной пропаганды в городе и деревне (тезисы) // ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3347. Л. 29.

³ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3346. Л. 27 об.

⁴ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3347. Л. 29.

⁵ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3346. Л. 27 об.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

пропаганды принадлежало агитационно-пропагандистскому отделу ЦК РКП(б) – ВКП(б) (1920–1928), в деятельности которого антирелигиозные вопросы стояли наряду с другими вопросами партийной пропаганды. В дальнейшем Союз безбожников сфокусировал в себе основную антирелигиозную работу, оставив за агитпропом (АПО, затем АППО – отдел политической агитации и пропаганды) руководящие функции. О новой расстановке сил и полномочий в деле антирелигиозной пропаганды говорят многие делопроизводственные материалы того времени. Обратимся для примера к циркулярному письму «Об антирелигиозной пропаганде» за подписью «ЗАВ АГИТПРОПОМ СМОЛГУБКОМА ВКП(б) – Егер», полученному АПО 4/II26 г., вх. № 15/ц, и адресованному всем укомам и райкомам Смоленской губернской организации ВКП(б)¹. В циркулярном письме «дело правильной постановки антирелигиозной пропаганды» связывается с переносом полномочий от Агитпропа к организации Союза безбожников СССР. Письмо акцентирует свое внимание в основном на организационных моментах: «организация ячеек, создание волостных и уездных Советов сейчас является основной задачей Агитпропов, Укомов и Райкомов в области антирелигиозной пропаганды»²; «ознакомление с решениями второго губернского съезда безбожников, практическое проведение их ячейками СБ под руководством Агитпропов – очередная и повседневная работа на ближайший период»³.

Таким образом, в середине 1920-х гг. дело антирелигиозной пропаганды на местах переходит от губернского Агитпропа к специальной губернской организации – Совету СБ⁴. Кружковая антирелигиозная работа также перешла из ведения волполитпросвета в организационную сеть Союза безбожников, а «за партией и политпросветом осталось общее руководство этой работой»⁵. Несмотря на то, что антирелигиозная пропаганда была органичной частью стратегии социалистического строительства⁶, разработка форм и методов антирелигиозной пропаганды возлагалась на плечи организации Союза безбожников.

Делопроизводственная документация Союза безбожников и партийных органов об антирелигиозной работе дает нам картину таковой. Упомянутое секретное информационное письмо «О религиозном фронте по губернии и методах содержания и организационных формах антирелигиозной работы» от 17 ноября 1925 г. (подготовлено Смоленским губсоветом Союза безбожников) является важным источником относительно характеристики религиозной

¹ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3346. Л. 5–6.

² ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3347. Л. 5.

³ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3346. Л. 5–6.

⁴ Там же. Л. 7.

⁵ Задачи в области антирелигиозной пропаганды. Тезисы на совещании агитпропорганизации Бельского уезда, г. Белый, от 20–23 октября 1926 г. Докладывал т. Борисов// ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3347. Л. 6.

⁶ «Социалистическое строительство само по себе и по своей сути антирелигиозно» // Там же. Л. 5.

ситуации в Смоленской губернии того периода. Несмотря на общее падение религиозности среди населения в сравнении с дореволюционным периодом, указанное информационное письмо свидетельствует об относительной слабости антирелигиозной пропаганды, незначительном влиянии атеистической агитации среди крестьянского населения.

Анализируя антирелигиозную политику государства в отношении Русской Православной Церкви в указанный период, мы можем говорить о том, что в эти гг. подавляющая часть населения Смоленщины относилась индифферентно к политике секуляризации, проводимой органами советской власти. В Смоленске шла систематическая обработка общественного сознания информацией о реакционной роли духовенства в жизни общества. Особую роль в формировании общественного мнения, негативно настроенного в отношении Русской Православной Церкви, сыграли средства массовой информации и, в первую очередь, газеты, издававшиеся областным комитетом партии и органами советской власти.

Наряду с проведением политики давления в отношении Русской Православной Церкви и ее дискредитации в общественном мнении, силовые структуры советской власти стали активно использовать противоречия, возникшие внутри самой Русской Православной Церкви, которые привели к появлению многочисленных церковных группировок и раскольничьих течений, находившихся в отношении друг к другу на непримиримых антагонистических позициях. Органы НКВД и ОГПУ в эти гг. умело использовали внутрицерковные расколы для ослабления влияния Русской Православной Церкви на общество.

С середины 1920-х гг. произошло фундаментальное структурное изменение в отношении организации антирелигиозной пропаганды. Изначально дело антирелигиозной пропаганды принадлежало агитационно-пропагандистскому отделу ЦК РКП(б) – ВКП(б). Затем организация Союз безбожников сфокусировала на себе основную антирелигиозную работу, оставив за агитпропом лишь руководящую роль.

3.2 Формирование структуры, задач, форм и методов антирелигиозной пропаганды

Секретное информационное письмо «О религиозном фронте по губернии и методах содержания и организационных формах антирелигиозной работы» от 17 ноября 1925 г. имело своей целью не только обрисовать религиозную ситуацию в губернии, но и дать определенное начало в организации систематической антирелигиозной пропаганды. Здесь содержатся вопросы формирования ячеек Союза безбожников, методические формы работы и оценка недостатков прошлых мероприятий. Все обозначенные пункты предстоящей работы подробно

рассматривались на ближайшей декабрьской губернской конференции Союза безбожников, а также на многих уездных конференциях, на которых заявленные вопросы подробно решались уже в практической перспективе.

Систематизация антирелигиозной пропаганды включала в себя не только составление образовательных и пропагандистских программ, но и создание разветвленной сети ячеек Союза безбожников на местах, централизованно подчиняющихся губернскому органу. Предполагалось выстраивание определенной структуры организационных и информационных взаимоотношений через образование ячеек Союза безбожников по уездам и волостям губернии, а также на предприятиях, в учреждениях, школах. Проблемой систематического построения антирелигиозной пропаганды в Смоленске стали заниматься на губконференции «Безбожника» (апрель – ноябрь 1925 г.). Именно на ней был избран губсовет Союза безбожников¹ – центральный руководящий орган Союза безбожников в регионе. По уездам инициативные бюро Союза безбожников избирались в основном из представителей от партии, комсомола, политпросвета, уженотдела и профсоюзов. Инициативные бюро Союза безбожников подчинялись губсовету Союза безбожников и контролировали непосредственно деятельность местных ячеек. Ячейки Союза безбожников на местах по большей части образовывались из антирелигиозных кружков. Антирелигиозные кружки должны были прекратить свою деятельность или реорганизоваться к концу 1925 г. До своей реорганизации антирелигиозным кружкам предстояло подчиниться ячейкам и советам безбожников и стать «приводным ремнем для подготовки новых Безбожников»². Так и создавалась иерархическая структура той организации, которая в дальнейшем отвечала за антирелигиозную пропаганду в регионе.

Ячейка Союза безбожников, представляющая собой по замыслу организаторов главный источник антирелигиозной пропаганды, должна была формироваться в деревнях при избах-читальнях и красных уголках на фабриках, заводах, в учебных учреждениях и тем самым охватывать собой все сферы жизни советского человека. Такое сосредоточение ячеек именно в культурной плоскости указывает на изначально узко-просветительский (а не массово-миссионерский) характер пропаганды, что отражает уже упоминаемый выше стереотип, согласно которому религиозность должна уйти вследствие социалистической образованности масс: «Участие трудовых масс в управлении государством, профессиональное и кооперативное движение, политико-просветительная работа, техника и кооперирование деревни и т.д. – все это обуславливает собою отход трудящихся масс от религии»³. Таким образом, вся антирелигиозная работа на

¹ Адрес: Б. Пролетарская, 15, здание Губпартшколы // ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3346. Л. 27, 28 об.

² Там же. Л. 27, 28 об.

³ Задачи в области антирелигиозной пропаганды. Тезисы на совещании агитпропорганизации Бельского уезда, г. Белый, от 20–23 октября 1926 г. // ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3347. Л. 5.

местах должна была проводиться силами и инициативой ячеек, а «параллельной антирелигиозной пропаганды по комсомольской и партийно-просветительской линии, без увязки ее с общественным планом антирелигиозной пропаганды, вестись не должно»¹.

Ячейка Союза безбожников функционировала на основании устава, утвержденного на I Всесоюзном съезде ОДГБ и ЦК РКП(б). Исходя из положения устава, ячейка формировалась в количестве от 3 до 30 человек. Вступающий в ячейку Союза безбожников заполнял анкету, в которой кроме данных о возрасте, партийности, образовании, месте работы и социальном положении должен был указать наличие членства в кружке «Безбожник», осведомленность в атеистической литературе и предыдущий опыт антирелигиозной работы. Многочисленные ячейки дробились на основании возрастной однородности и степени общественно-политической подготовки. Несмотря на то, что актив ячейки Союза безбожников должен состоять из убеждённых коммунистов, приветствовалось наличие беспартийных рабочих и крестьян (не менее половины), членов профсоюза и «взрослых членов их семей», женщин². Учитывая важную задачу, состоящую в том, что «антирелигиозная работа должна строиться так, чтобы быть тесно связанной с общей работой партии и советской властью по социалистическому строительству»³, формирование состава ячеек не могло быть хаотичным и должно было регулироваться «с таким расчетом, чтоб ими было обеспечено коммунистическое руководство и рабоче-крестьянское беспартийное численное большинство»⁴. Членство было открыто для «каждого гражданина СССР, который имеет право голоса, который открыто и искренне порывает связь с культом или церковной общиной, верой в бога и с утопическими формами религии, и который активно работает в ячейке Союза безбожников»⁵. Однако в инструкциях по организации ячеек указывалось на особое внимание и бдительность при записи новых атеистов, «так как, если прием не будет достаточно тщательным, все наше общество может быть дискредитировано наличием членов, которые недостаточно стойки в своем атеизме или, напротив, знают только один, худший вид антирелигиозной пропаганды – метод грубых наскоков и высмеивания веры»⁶.

Коммунистическое руководство обеспечивало такие организационные задачи, как «выдвижение, взятие на учет, всестороннее использование безбожного актива, плановость работы ячеек, более тесная связь с волсоветами, уездными и

¹ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3347. Л. 5.

² ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3346. Л. 27 об.

³ Задачи в области антирелигиозной пропаганды. Тезисы на совещании агитпропорганизации Бельского уезда, г. Белый, от 20–23 октября 1926 г. Докладывал т. Борисов // ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3347. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Фэйнсод, М. Смоленск под властью Советов. С. 457.

⁶ Там же.

губернскими советами Союза безбожников»¹. В каждом совете Союза безбожников информация, оргработа и агитпропробота распределялись среди его рабочей тройки, а в уездах и губернии, кроме того, в состав совета входили председатель и секретарь. Прием и исключение членов производились ближайшим волсоветом или уездным советом (впоследствии такие полномочия оставили за самой ячейкой)².

С большей долей вероятности можно предположить, что формирование ячеек из беспартийных членов, как предписывал устав Союза безбожников, не было повсеместным и вызывало большие трудности. Большинство взрослого населения, особенно в сельской местности, относилось к антирелигиозной деятельности ячеек Союза безбожников или недоверчиво, или крайне отрицательно. Подтверждает данное предположение высказывание на Второй губконференции Союза безбожников от активиста-безбожника Орлова, характеризующего непростую ситуацию с организацией и деятельностью ячеек: «Создание ячеек трудно, так как нет определенного общественного мнения о них»³. В этом замечании – оценка положения «из первых уст», человека, вовлеченного в практическую деятельность и реальную ситуацию на местах. Довольно контрастно выглядит высказывание «кабинетного» деятеля: «Не так страшно и опасно положение, как здесь рисуют очень многие» (тов. Борзов, губсовет)⁴.

Вопрос политического состава ячеек Союза безбожников не был решен в одночасье. В очередном информационном письме губсовета Союза безбожников от 25/VIII 1926 г., исх. № 147, за подписью Медведкова⁵, адресованном усоветам Союза безбожников, АПО укома и губкома, даются указания на выявленные недостатки при обследовании работы ячеек в апреле 1926 г. В ряду изложенных отрицательных моментов вопрос состава ячеек стоит в первых пунктах. Во-первых, снова ставится задача, «чтобы рост ячеек СБ шел большей частью за счет беспартийного крестьянства, и чтобы не было ячеек СБ исключительно с составом из партийцев и комсомольцев»⁶. Во-вторых, в самом коммунистическом руководстве наблюдается отсутствие действительно подготовленных кадров, так что «до сих пор в большинстве работой таковых (ячеек Союза безбожников. – В.Р.) руководят молодые и малоподготовленные комсомольцы, в результате чего работа в большинстве случаев стоит, а если имеется: очень слабая, без всякого плана и системы»⁷.

¹ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3347. Л. 44.

² Там же. Л. 44–45.

³ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3346. Л. 13 об.

⁴ Там же. Л. 14.

⁵ В конце документа перед подписью: «ЗА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГУБЕРНСКОГО СОВЕТА СОЮЗА БЕЗБОЖНИКОВ».

⁶ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3347. Л. 2.

⁷ Там же.

Основным рычагом регулирования деятельности ячеек Союза безбожников являлась ежемесячная отчетность местных руководителей в волком (уком), а последних – в губсовет. Кроме того, осуществлялась регулярная посылка протоколов заседаний. Перечень вопросов ежемесячного отчета, фиксированный и достаточно подробный, давал четкое представление относительно состояния «религиозного» и «антирелигиозного» фронтов, позволял выявить недостатки и настроить должную работу антирелигиозной пропаганды¹. В пункте «статистические данные» предлагалось указывать (ежемесячно!) количество постоянных и вновь прибывших членов, распределение численности по полу, возрасту, национальности, партийности, социальному положению, образованию, профессии, а также представлять статистический отчет по выполняемой в ячейке работе. Особое внимание уделялось подробному отчету в «информационной части»: число собраний и средняя посещаемость, какие обсуждались вопросы и какие из них больше всего заинтересовали членов ячейки, какими вопросами по антирелигиозной пропаганде больше всего интересуется окружающая масса, какое наблюдается отношение к ячейкам Союза безбожников со стороны массы, не входящей в ячейки. Среди важных вопросов – наличие религиозных организаций и сект в районе деятельности ячеек Союза безбожников, их численность и социальный состав, к каким методам в своей деятельности они прибегают, уровень успешности антирелигиозной пропаганды².

В следующем пункте указанного документа (отчета) – «массовая, культурно-просветительская и агитационно-пропагандистская работа» – обозначены формы и методы антирелигиозной работы, очевидно, уже практикуемые где-то на местах и в виде определенного перечня представленные всем ячейкам в качестве основного содержания пропаганды. Среди основных направлений работы – деятельность кружков, проведение лекций, собеседований и докладов, организация уголка безбожника, формирование библиотечного фонда «по вопросам антирелиг., агрономии, естествознания»³, выписка и проведение кампаний по подписке на журнал и газету «Безбожник». В числе прочего – и отчеты о практических методах агитации через устройство общественно-полезных предприятий: «устройство яслей, исправление моста в деревне, рытье колодца, опытное поле и пр.»⁴.

Исходя из содержания образца отчета ячейки Союза безбожников, одним из важных пунктов был финансовый: приход и расход денежных средств. Прибыль ячейки Союза безбожников складывалась из средств отчисления членских взносов, продажи литературы, от устройства разовых спектаклей, концертов,

¹ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3346. Л. 7–8 об.

² Там же.

³ Там же. Л. 18.

⁴ Там же.

чтения лекций, показа кино и т.д. Расходы заключались в отчислениях в вышестоящий орган Союза безбожников, покупке литературы и выписке газет, организации спектаклей, кинопоказов, концертов, лекций и т.д. Таким образом, можно допустить следующие выводы: ячейки Союза безбожников в целом и антирелигиозная пропаганда не финансировались «сверху». Напротив, членство в ячейке Союза безбожников было чревато финансовыми издержками, что не могло не влиять на ее социальный состав и на ее существование. Многие ячейки Союза безбожников прекращали свою деятельность из-за отсутствия средств¹. Большинство платных антирелигиозных мероприятий (спектакли, концерты и пр.) фактически были рассчитаны на «интересующуюся» аудиторию и не носили массового принудительного характера.

Такая схема организации пропаганды выделяла ее в определенную идеологическую структуру государственной власти, ограничивая определенными задачами и полномочиями, лимитировала пропаганду рамками этой структуры и в какой-то мере освобождала Церковь от безбожного произвола. В то же время это давало возможность иметь полную информацию о религиозном фронте, иметь представление о количественном росте рядов безбожников, его политическом, социальном и половом составе, правильно выстроить пропаганду, учитывая особенности местности и населения и т.д.

С организации в середине 1925 г. губернского отделения Союза безбожников в Смоленске начинаются попытки активизировать дело антирелигиозной пропаганды. Свое начальное оформление определенные ранее направления деятельности на антирелигиозном фронте (секретное информационное письмо от 17 ноября 1925 г.) получили на II Смоленской губернской конференции Союза безбожников СССР² (в других документах – II Губернский съезд Союза безбожников), проходившей 20–21 декабря 1925 г. Можно сказать, что с этого момента происходит теоретическая разработка методов и задач антирелигиозной пропаганды через созданную централизованную структуру Союза безбожников – на конференциях, съездах, особенно через горячие прения по докладам на темы антирелигиозной пропаганды – как в губернском центре, так и в некоторых уездах.

Одной из основных задач, стоявших перед II Смоленской губернской конференцией Союза безбожников СССР, являлся вопрос организации четкой структуры антирелигиозной пропаганды с определением обязанностей и полномочий каждой отдельной ветви.

Первоочередным и важным организационным делом стало избрание нового состава губсовета Союза безбожников и ревизионной комиссии: «Губсовет необходимо сделать многочисленнее по количеству делегатов, хотя бы из 27

¹ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3346. Л. 14.

² Там же.

человек, для большей связи с местами, из его состава выделить президиум из 7 человек, на который вся работа будет возложена»¹. Это уже вторая попытка формирования состава губсовета Союза безбожников. Такой стратегический орган, как губсовет, был сформирован по принципу охвата основных и важных политических и общественных структур, а также по территориальному принципу. Например, можно привести следующие фамилии и должности: Гагарин – из бывшего губсовета Союза безбожников, Дарусин – АПО губкома (отдел партийной агитации, принимавший активное участие на конференции и в последующей деятельности Союза безбожников), Хенох – евсекция (пропаганда среди евреев), Кудрин – университет, Медведков – губпартшкола, Гушин – спиртзавод, Лебедев – губпрос, Барбанчик – губздрав, Тихонов – губзу, Васильев – Смолуком, Гранат – ВЛКСМ, Колисниченко – ЮТ и т.д.². Повторим, что такой объемный и разносторонний состав губсовета должен был обеспечить «должную связь с местами».

В первый день съезда прозвучал доклад председателя Союза безбожников Гагарина «Итоги и перспективы антирелигиозной работы»³, который по своему содержанию являлся более подробным и практически ориентированным по организационной и методической части относительно разосланного месяцем ранее по уездам секретного информационного письма. Институциональные рамки конференции давали возможность обсуждения тезисов доклада в обширной аудитории. Прения и обсуждения, возникавшие после доклада, давали не только возможность развитию идей и применению их к конкретной обстановке, но и обрисовывали истинную, причем и не самую приятную и радужную, картину дел антирелигиозной пропаганды, что представляет интерес для исследователя и возможность составления объективной картины антирелигиозного фронта без бумажных прикрас.

Согласно докладу Гагарина, «ближайшими организационными задачами являлось создание стройной сети ячеек Союза безбожников с кружками при них 3-х ступеней; укрепление ячеек хорошими руководителями и секретарями; объединение ячеек волсовета и уездсовета ячеек безбожников». Применительно к сельским ячейкам выстраивалась следующая схема взаимодействия: организованные ячейки подчинялись непосредственно волсовету Союза безбожников, который, должен был исполнять руководящие и организационные функции. Но ввиду административно-территориальной ограниченности волости как таковой волсоветы часто не создавались, так как не имели достаточно сил и актива для плодотворной работы. В таких случаях руководство сельскими ячейками мог возглавить непосредственно волком партии

¹ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3346. Л. 8.

² Там же.

³ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3347. Л. 44–45 об.

или ячейка ВКП(б)¹, что еще раз подчеркивает понимание антирелигиозной пропаганды не как чего-то отвлеченного и второстепенного, а как продолжение партийной линии в деле социалистического строительства. В другом случае «вопрос о необходимости организации уездного руководящего, организационного центра Союза безбожников» возникал вследствие «роста ячеек, развертывания антирелигиозной работы» в волостях². Реальное руководство сельскими ячейками осуществлялось в уездах усоветами Союза безбожников, которые, имея, прежде всего, достаточные политические силы, могли проводить и некоторые организационные мероприятия.

Усовет Союза безбожников, работавший под непосредственным руководством партии, избирался на уездной конференции из представителей от ячеек Союза безбожников в количестве 10–15 человек. Оргбюро уездного совета Союза безбожников состояло из трех человек, которые непосредственно вели всю работу антирелигиозной пропаганды по своему уезду, связываясь с губсоветом путем пересылки ежемесячных отчетов, протоколов заседаний³. В качестве основополагающих документов губернский совет Союза безбожников предлагал опираться усовету на устав, брошюру «Чикина» – методическое руководство для антирелигиозных кружков, протокол II Смоленской губконференции и протокол заседания президиума губсовета Союза безбожников⁴. Основными задачами внутренней работы усоветов являлись подготовка текущих вопросов для уездных конференций и систематическое проведение последних, проработка программ работы ячеек и кружков, составление списков рекомендованной антирелигиозной литературы, проведение и контроль подписки на газету «Безбожник», подготовка лекторов и пропагандистов и т.д. Внешняя организаторская роль усовета заключалась в том, чтобы «планировать, учитывать работу всех ячеек, чтобы на основании этого учета давать указания в соответствии с директивами выше стоящих органов»⁵. То есть уже на уездном уровне наблюдается попытка грамотно выстраивать работу по антирелигиозной пропаганде исходя из реальных условий и быта местного населения путем изучения деятельности ячеек и

¹ Задачи в области антирелигиозной пропаганды. Тезисы на совещании агитпропорганизации Бельского уезда, г. Белый, от 20–23 октября 1926 г. Докладывал т. Борисов // ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3347. Л. 6 об.

² Речь идет о конкретном указании агитпропу Рославльского укома ВКП(б) в январе 1926 г. ввиду успешного развертывания антирелигиозной работы в Шумячской волости волсоветом Союза безбожников, объединившим за короткий срок 6 ячеек – 251 человек (ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3346. Л. 12.) и достигшим «значительных достижений в области внедрения нового быта в крестьянских массах». На II Губернской конференции Союза безбожников успехи в Шумячах ставились в пример другим представителям губернии, у которых, судя по прениям после докладов, дела с организацией и деятельностью ячеек шли куда значительно хуже // ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3346. Л. 23. В другом случае созданный в Рославле усовет Союза безбожников своим первым протоколом летом 1926 г. утверждал, что ячейки «по Рославльской, Шумячской и др. вол. еще не оформлены» // ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3346. Л. 61.

³ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3346. Л. 23 об.

⁴ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3346. Л. 23 об.

⁵ Там же.

соотнесения их опыта с общими директивами, нащупывать верные направления работы.

Очевидным первым серьезным недочетом в формировании целостной структуры организации антирелигиозной пропаганды на практике, на котором акцентировалось внимание в прениях на II Губконференции Союза безбожников 20–21 декабря 1925 г., являлась невозможность построить в короткие сроки крепкую и централизованную сеть. Причиной этому называли распад части ячеек в момент реорганизации ОДГБ в ячейки Союза безбожников (причины распада не указаны), необычайную слабость организующих центров в волостях и уездах, недостаточную помощь ячейкам со стороны партийных и комсомольских организаций на местах. Представитель вяземских безбожников Лызлов, указывая на огромный рост ячеек Союза безбожников, обвинял губсовет в слабом руководстве. Не оставляет сомнения то, что под слабым руководством подразумевалось отсутствие даже минимального наличия программ и планов работ. Ввиду этого многие ячейки не понимали, чем им заниматься. В итоге после прений по докладу Гагарина постановили: «Губсовету необходимо выслать примерные планы работ усоветов и ячеек»¹. Тот же Лызлов также сетовал на задержки в посылке членских билетов губсоветом по получении списков из мест, на что высказывалось мнение (Высотский, Дорогобуж), чтобы членские билеты выдавали непосредственно волостные организации².

Среди прочих проблем, тормозящих слаженную работу, называлось отсутствие материальных средств: «А отсюда, – по мнению высказывавшегося Лызлова, – и работа хромает»³. Региональный Союз безбожников, реализуя, по сути, государственную задачу по антирелигиозной пропаганде, по факту был оставлен на самофинансирование. Подтверждением сказанному можно считать письмо в Смолагитпроп ВКП(б) от 3 декабря 1926 г. за подписью предгубсовета Союза безбожников Хеноха, в котором последний просит «оказать денежную поддержку на проведение 3-й губернской конференции», для которой, «чтобы обеспечить продуктивность <...> и не сорвать ее, необходимо минимум 150 рублей, из которых в Губсовете найдется только около 40 рублей». Денежные средства, данные на проведение конференции по обещанию Хеноха «...будут возвращены. Тем более что Губсовет уже брал на издательское дело 120 рублей и их возвратил. Такого же порядка будем держаться и теперь»⁴.

По своей основной задаче, сформулированной в начале второй половины 1920-х гг., антирелигиозная пропаганда имела политическое значение и была связана с построением безрелигиозного социалистического государства, которое

¹ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3346. Л. 8 об.

² Там же. Л. 13 об.

³ Там же. Л. 14.

⁴ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3347. Л. 1.

«заставляет верить в собственные силы, ставит условием развития и улучшения жизни – труд» и где нет «места веры в сверх"естественные силы и помощь /бога/»¹. Собственно, антирелигиозная работа должна быть организована так, чтобы быть тесно связанной «с общей работой партии и советской властью по социалистическому строительству...с задачами и методами этой работы в условиях настоящего периода»². Призывы борьбы с религией как с контрреволюционной силой в данный период встречаются редко³. Совершенно удивительно среди тезисов доклада Гагарина на II Губконференции «Итоги и перспективы антирелигиозной работы» читается восьмой пункт «Борьба с самогонно-водочным дурманом», согласно которому «самогонно-водочный дурман не менее опасен, чем религиозный»⁴. Главные методы пропаганды заключались в естественнонаучном просвещении деревни и города, антирелигиозном образовании, «развенчивающем» сущность религии с позиций философии, истории, медицины, проведении антирождественских и антипасхальных кампаний.

Особое внимание обращалось на понимание антирелигиозной пропаганды как продолжительного процесса изменения религиозного сознания масс путем, прежде всего, осмысления ими вредности и ненужности религиозных пережитков и усвоения перспектив социалистической реальности. Поэтому, очевидно, с учетом существующего не совсем плодотворного опыта, при оценке антирелигиозной работы встречаются призывы переходить «от кустарщины, от кампанейских наскоков, от распыления сил...к длительной систематической и углубленной пропаганде». Задача пропаганды – не «ударная задача сегодняшнего дня, эта задача – на гг. и десятилетия»⁵. В связи с этим вставал вопрос о постоянной и планомерной работе безбожных ячеек, где каждый член Союза безбожников смог бы активно проявить свое участие.

Связывая наличие «религиозных предрассудков» также и с укоренением их в обрядах, сопровождающих «знаменательные дни для жизни семьи: рождение, брак, смерть», антирелигиозная пропаганда должна была затронуть и эти стороны жизни чел., постепенно воспитывая массы переходом от религиозных форм

¹ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3347. Л. 5.

² Задачи в области антирелигиозной пропаганды. Тезисы на совещании агитпропорганизации Бельского уезда, г. Белый, от 20–23 октября 1926 г. Докладывал г. Борисов// Там же.

³ Например, в отношении к патриаршей Церкви таких заявлений нами не встречалось. Подобные заявления, т.е. обвинения в контрреволюционности, появлялись как реакция на оживление религиозности в среде сектантства. Так, г. Панов (СБ г. Вязьмы), указывая на рост баптистской организации, утверждал: «Баптистов я рассматриваю как контрреволюционную организацию, связь с за границей, по моему, несомненна» // ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3120. Л. 5.

⁴ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3347. Л. 45.

⁵ Там же. Л. 5 об.

обрядов к безрелигиозным, – «устройство так называемых октябрин, красных свадеб, красных похорон и т.д.»¹.

Помимо организационных вопросов по формированию четкой структуры антирелигиозной пропаганды (см. выше), на II Губернской конференции Союза безбожников были поставлены задачи по выработке методов и форм будущей работы, ставшие приоритетными для всей губернии. Для этой цели были созданы 3 комиссии: организационная – под председательством Гагарина², в состав которой вошли 17 делегатов конференции; методическо-пропагандистская – под председательством Дарусина³ (37 делегатов) и комиссия по вовлечению интеллигенции – под председательством Барбанчика⁴ (40 человек)⁵.

Таким образом, образование в Смоленске в середине 1925 г. губернского отделения Союза безбожников дало толчок к оформлению систематической антирелигиозной пропаганды. Губконференции Союза безбожников в Смоленске, прошедшие в 1925 г., занимались вопросами организации структуры антирелигиозной пропаганды с определением обязанностей и полномочий каждой отдельной ветви. Наиболее плодотворной стала II Смоленская губернская конференция Союза безбожников (20–21 декабря 1925 г.).

Основываясь на документации по организации и деятельности ячеек безбожников, можно сделать вывод, что качество и количество агитационных и пропагандистских мероприятий местных ячеек Союза безбожников, помимо организационных, кадровых и методических вопросов, также были обусловлены во многом и финансированием. Бюджеты ячейки Союза безбожников большей частью наполнялись членскими взносами. В итоге мы видим, что ячейки Союза безбожников и антирелигиозная пропаганда в целом не финансировались «сверху», а значит, членство в Союзе безбожников было чревато финансовыми издержками. Это, безусловно, влияло на эффективность атеистической пропаганды среди населения. Так как в основном антирелигиозные мероприятия были платными и не носили массово-принудительного характера, многие ячейки Союза безбожников прекращали свою деятельность из-за отсутствия материальных поступлений от текущей деятельности. Все эти моменты влияли и на социальный состав ячеек Союза безбожников.

Атеистическая пропаганда на региональном уровне приобретала узкоспециализированный характер и ориентировалась на «интересующуюся» публику. Такая схема организации пропаганды выделяла ее в определенную

¹ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3347. Л. 6 об. Одно из достижений антирелигиозной пропаганды в отчете Рославльской организации СБ состояло в том, что «в Пригорьевской волости старик крестьянин устроил своему сыну гражданские похороны, на которых присутствовало около 300 человек» // ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3120. Л. 32.

² Председатель губсовета СБ.

³ АПО губкома.

⁴ Губздрав.

⁵ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3346. Л. 14.

идеологическую структуру государственной власти, наделяя определенными спланированными задачами и полномочиями, ограничивала пропаганду рамками этой структуры и в какой-то мере освобождала Церковь от безбожного произвола.

3.3 Антирелигиозная пропаганда в период с 1925 по 1928 гг.

Отражением итогов построения систематизированной антирелигиозной пропаганды в Смоленской губернии во второй половине 1920-х гг., целью которой было создание естественнонаучного просвещения, а также организация нового быта и условий жизни, явился отчет Смолгубсовета Союза безбожников «Состояние антирелигиозной пропаганды по Смоленской Губернии» за 1928 г.¹. Документ содержит характеристики и статистические данные религиозного и антирелигиозного «фронта», разбирает плюсы и минусы проводимой антирелигиозной пропаганды.

Общим контекстом содержания итоговой сводки работы Союза безбожников Смоленской губернии можно назвать отрицательную оценку таковой без каких-либо прикрас и «бумажных» свидетельств о грандиозных успехах. Среди главных объективных причин практической недееспособности Союза безбожников в отчете названы «чрезвычайно тяжелые и неблагоприятные условия»², в которых протекала работа Союза. Прежде всего, это «положение недооценки работы по борьбе с религией и религиозными организациями» со стороны «партийных и комсомольских организаций»³, отсутствие «всякой помощи и содействия со стороны Профорганизации и органов Отдела Народного образования», выразившиеся в «формальной даче директив по низшим инстанциям»⁴. Основной орган партийной агитации и пропаганды (АППО) в свою очередь также отделался «формальными постановлениями», так что «до ячеек ВКП(б), до волостных организаций, эти постановления не дошли и не обсуждались»⁵. Итогом такого положения явилась полная дезорганизация намеченной системы антирелигиозной пропаганды, которая должна была вовлечь в себя все сферы функционирования общественных институтов, так что «организации Союза Безбожников по-прежнему были предоставлены сами себе в своей работе»⁶.

В самой структуре смоленского Союза безбожников в период после II Губернской конференции, наметившей активные планы по развертыванию

¹ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3647. Л. 99–108.

² Там же. Л. 99.

³ Например, «выдвинутому товарищу на председателя Вяземского совета С.Б.», не оказывалось никакой поддержки со стороны парторганизации, так как «его работу в С.Б. не считают партийной нагрузкой, да и всю антирелигиозную пропаганду не считают важной областью работы» // Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

широкой антирелигиозной пропаганды, первоочередной задачей все же оставались организационные вопросы по закреплению самого Союза безбожников. Основным препятствием формирования крепких руководящих органов было отсутствие «устойчивости в составе С.Б.». Более того, совершенно очевидным являлся факт «распада руководящих органов С.Б.», вызванный кадровыми причинами: «1. Перевод Безбожников с одной работы на другую по основным должностям, иногда совершенно в другой город. 2. Исключение из ВКП(б) или переброска в другие организации даже руководителей уездных советов в силу Смоленского дела»¹. К примеру, в документе констатируется, что «совершенно распались Советы Заднепровский и Верхний города Смоленска (исключают из-за Смоленского дела) <...>. 3. Изменился состав Губсовета С.Б. <...>. Вся тяжесть работы по Губсовету исключительно лежала на тов. ДАРУСИНЕ и члене Президиума тов. МЕДВЕДКОВЕ»². Такое положение дел наблюдалось и в ячейках Союза безбожников, где дело усугублялось еще тем, что «многие ячейки С.Б., особенно за летний период, распались фактически, хотя юридически они и числились. Без руководства, без инициативных групп они в большинстве не работали»³.

Неутешительные выводы относительно организации антирелигиозной пропаганды отражены в следующем пассаже: «Несомненно, отсутствие в органах С.Б. устойчивого и достаточно знакомого с вопросами антирелигиозной пропаганды кадра работников соответствующим образом отразилось и на их руководящей работе. По крайней мере, по имеющимся материалам можно вывести одно твердое положение: ни один Совет не работал внутри себя по плану, систематически и регулярно. Руководство низовыми ячейками со стороны Усоветов было самое плохое; последние были предоставлены сами себе; наиболее активные из них стремились и держались связи с Губсоветом, некоторые просили помощи даже у Центрального Совета С.Б., а подавляющая часть так на месте и хирела без всякого надзора»⁴.

Подобная картина отсутствия централизованной работы наблюдалась не только на уровне Смоленской губернии, но и являлась общей «головной болью» для всей организации Союза безбожников. Среди архивных документов, характеризующих внутреннюю ситуацию по антирелигиозной работе в губернии, встречаются регулярные письма Центрального Совета Союза безбожников⁵, в которых прослеживается постоянная критика имеющихся советов Союза

¹ Имеется ввиду так называемая чистка «Смоленского нарыва» – предпосылки глобальных политических репрессий 1930-х гг. //См., например: ГАНИСО. – Фонд 16. Оп. 1. Д. 80. Л. 46–48.

² ГАНИСО– Фонд 3. Оп. 1. Д. 3647. Л. 100.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Например, письмо «ИСПОЛБЮРО ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА СОЮЗА БЕЗБОЖНИКОВ С.С.С.Р. 17/ХІ – 1927 № 671/1 СОВЕТАМ СОЮЗА БЕЗБОЖНИКОВ» за подписью «ЗАВЕД. ОРГОТДЕЛОМ ЦС СБ Олешук» // ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3347. Л. 67.

безбожников за слабую связь с центром или отсутствие таковой¹, отчеты общего характера без реального отображения существующей антирелигиозной работы.

Причиной отсутствия должной работы ячеек Союза безбожников было не только плохое руководство со стороны усоветов и губсовета, но и недостаточное понимание того, как на практике осуществлять директивы Советов Союза безбожников – «антирелигиозная работа самая трудная из всех работ»², и обычное нежелание что-либо делать: многие ячейки директивы «принимали и не читая складывали»³.

Как отмечалось выше в отношении начала работы ячеек Союза безбожников, нежелание что-либо делать и непонимание антирелигиозной работы многими ячейками зависели до сих пор также и от еще одного объективного фактора – материального. Вся деятельность рядовых членов ячеек Союза безбожников, а также членов советов, была не только не оплачиваемой, но и облагалась всевозможными денежными сборами: членские взносы, участие в кампании «по укреплению финансовой базы С.Б.», интернациональные взносы, кампания сбора средств на постройку самолета «Безбожник»⁴. Интересно, что финансовые вопросы зачастую стояли в первостепенном порядке и, несмотря на все громкие обещания светлого будущего, насущные проблемы доминировали: «Отсутствие какого бы то ни было платного освобожденного аппарата и даже вообще какой бы то ни было платности за работу – вот причины, которые мешали исключительно систематической работе Губсовета С.Б.»⁵.

Слабая материальная база губсовета Союза безбожников отражалась на его дееспособности, для которой «нужны были и средства для проведения некоторых мероприятий, но их никогда не было в Губсовете, ибо дело с поступлением членских взносов было и продолжает оставаться катастрофическим»⁶. Данный фактор действительно считался одним из важнейших в деле налаживания успешной антирелигиозной работы, так как в исследуемом отчете «довольно живая активность церковников и сектантов» напрямую соотносится с финансовой обеспеченностью: «да иначе и быть не может, ибо материально и организационно этот фронт в губернии еще силен»⁷.

Среди вышеперечисленных недочетов в области антирелигиозной пропаганды, указанных в отчете, можно выделить следующие: «ослабление антирелигиозной пропаганды по всем линиям за летний период», «отсутствие...

¹ «Из имеющихся 49 об"единений С.Б. – 19 почти никакой связи с Ц.С. СБ не имеют». В перечисленном в документе списке подобных организаций Смоленского отделения СБ нет // ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3347. Л. 67.

² Там же. Л. 60.

³ Там же. Л. 101.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 105.

полного и своевременного учета работы и состояния антирелигиозной пропаганды», «слабая работа по развертыванию сети для подготовки антирелигиозников-пропагандистов и организаторов», «понижившейся темп роста ячеек С.Б. и понижение членства в существующих ячейках», «низкое качество антирелигиозной пропаганды»¹. Что касается последнего пункта, то речь идет о так называемой «кампанейской» антирелигиозной пропаганде (такие запланированные массовые кампании, как «антирождественские» или «антипасхальные»). Такое «точечное» оживление антирелигиозной работы, естественно, не могло свидетельствовать о ее жизнеспособности. Отсюда соответствующие последствия – невозможность учета, отсутствие роста ячеек, низкое качество антирелигиозной работы.

Наряду с существующими проблемами в организации систематической и массовой антирелигиозной пропаганды, которых «несравненно больше, чем достижений»², в исследуемом документе губсовета Союза безбожников представлены некоторые положительные результаты работы, названные здесь «плюсами». По мнению составителей отчета, «мимо их пройти нельзя», так как они «подтверждают положение, что и в условиях недооценки антирелигиозной пропаганды при усилиях антирелигиозного актива можно получать положительные результаты в работе»³.

Так, к числу достижений следует выделить следующие: «развертывание организации ячеек С.Б. в частях Красной Армии, особенно активно в 64-й дивизии»; оживление дискуссии относительно «введения элементов антирелигиозного образования в школы... в некоторых школах города Смоленска, а в Бельском уезде во всех школах идет проработка вопросов антирелигиозной пропаганды»; «при поддержке активной части учительства удалось широко развернуть сеть антирелигиозных кружков и ячеек С.Б. при школах» (выделяются Смоленск, Смоленский и Бельский уезды); включение вопросов антирелигиозной пропаганды в «летние курсы по переподготовке работников», создание губсоветом СБ «методических писем к усоветам по важным вопросам антирелигиозной работы»; передача «синагог и церквей на культнужды»; и, наконец, «продвижение литературы периодической и учебной в культурные учреждения деревни»⁴.

Из приведенных «достижений» очевидно, что вся эффективность антирелигиозной пропаганды, декларируемой губсоветом Союза безбожников Смоленской губернии, была возможной в случае административного нажима соответствующих структур: в 64-й дивизии Красной армии через военное

¹ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3647. Л. 104.

² Там же.

³ Там же. Л. 103.

⁴ Там же. Л. 103–104.

руководство и в школах через Губоно. В ряду достигших успехов в антирелигиозной работе в контексте всего документа фигурирует практически один Бельский уезд, где «работа вообще поставлена во много раз лучше и правильнее, чем в других уездах»¹. Не совсем радужно звучат строки об активности «проведения в жизнь» указаний губсовета Союза безбожников в Смоленске, где Смоленский городской совет Союза безбожников только «за последнее время начал проявлять активность»², а Смоленский уездный совет Союза безбожников «формально изредка заседал и изредка давал указания <...>, но фактической работы не вел»³. Более того, достижения в области антирелигиозной работы губсовета СБ совсем не кажутся какими-либо грандиозными и масштабными (опять же налаженность работы констатируется лишь в Бельском уезде), какими их представляют в отчете в качестве «плюсов»: «сколачивание» к антирождественской кампании руководящего состава советов, своевременная посылка усветам методических писем по «важным антирелигиозным вопросам», продвижение литературы в деревни (особенно хорошо – в Бельском, отчасти в Смоленском уезде), перенос дней отдыха с религиозных праздников⁴. Стоит отметить, что важнейшим «достижением» для регионального Союза безбожников считалась их инициатива «переноса дней отдыха с праздничных религиозных дней пасхи и рождества на другие дни». Данная инициатива была реализована местными властями и была частью «антирождественской» и «антипасхальной» кампаний Союза безбожников.

Далее в документе «Состояние антирелигиозной пропаганды по Смоленской Губернии» следует статистика по антирелигиозному образованию. По Верхнему району г. Смоленска числится 6 антирелигиозных кружков, 1 семинарий, 1 курсы организаторов и 1 выставка; по Рославльскому уезду – 10 антирелигиозных кружков; в Ельнинском – антирелигиозных кружков – 3 (2 в деревне) и 1 семинарий; в Вяземском уезде «работал антирелигиозный семинарий, но работы не кончил»⁵. Совмещая эти цифры с другими статистическими данными, приведенными в исследуемом документе, а именно по количеству ячеек Союза безбожников по губернии на конец 1928 г.: 191 и их членов – 4895 человек⁶ (по Бельскому уезду 21 ячейка с 419 членами, по Смоленскому уезду 36 ячеек с 733 членами, по Смоленску – «насчитывается свыше 40 ячеек С.Б., в них членов больше 900 человек»)⁷, можно предположить, что, как и в руководящих органах Союза безбожников, в ячейках антирелигиозная

¹ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3647. Л. 102.

² Там же. Л. 101.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 104.

⁵ Там же. Л. 103.

⁶ На конец 1925 г. – 2500 человек // ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3346. Л. 16 об.

⁷ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3647. Л. 102.

работа практически не велась. Такой вывод можно сделать на основании того, что деятельность ячеек должна была быть сосредоточена именно на антирелигиозном образовании ее членов в соответствии с их институциональным разграничением (губсовет, волсовет (усовет), местная ячейка).

Несмотря на объективную самокритику и развал запланированной масштабной антирелигиозной работы, Смоленский губсовет Союза безбожников полон оптимизма относительно растущего безбожия среди населения: «Желание трудящихся порвавших связь с религией, организовываться в ячейки, велико, оно идет зачастую через головы руководящих органов; база для антирелигиозной пропаганды есть, и она имеет успех там, где существует верная установка в оценке роли и важности антирелигиозной пропаганды»¹.

На фоне прогрессивной статистики по росту ячеек безбожников документ приводит информацию по состоянию «религиозного фронта» в Смоленской губернии на конец 1928 г., который по сравнению с «безбожным фронтом» заметно многочисленней. «Довольно живая активность церковников и сектантов», развивающаяся «по линии вредительства советской власти»², составителями отчета связывается с общим построением классовой борьбы, с ослаблением «отпора напору кулацким и нэпманским элементам» и в частности с ослаблением антирелигиозной пропаганды в губернии. Так, «всего по губернии насчитывается: церквей – 667 (по Смоленскому уезду – 146. – В.Р.), в них свыше 800 священников³, почти столько же дьяконов, около 6000 актов-церковного совета; сектантов по официальным данным регистрации мыслится свыше 2500 человек, из них активных проповедников более 300»⁴.

Активность «церковников» выражается в том, что они «практикуют такие формы, как: а) сборы на ремонт старых церквей и постройку новых, на их освещение; б) организация хоров церковных и привлечение в них молодежи; <...> г) торжественные службы с приездом архиереев и артистов из Москвы; д) улучшение качественного состава церковно-слушателей, а также отказ от грубых способов вымогательства у верующих за требы; е) создание кадра миссионеров и агитаторов при епархии; ж) устройство диспутов»⁵.

Помимо вышеизложенных форм работы «церковников», которые рассматриваются именно с позиции противопоставления и противодействия советской власти, документ отдельным пунктом выделяет и целенаправленную «вредительскую работу» в агитации «против вообще всех начинаний культурно-

¹ Там же.

² Там же. Л. 105.

³ Представляет интерес то, что на ноябрь 1925 г. были приведены цифры с более низкими показателями по численности церквей и духовенства: «В Смоленской губернии насчитывается 548 православных церквей и в них 736 попов». Из приведенного числа священников 301 характеризуется как тихоновцы, 344 как обновленцы, а 91 – не определены // ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3346. Л. 26.

⁴ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3647. Л. 105.

⁵ Там же. Л. 106.

социалистического характера советской власти»: «1) В стремлении влиять через верующих в церквах на перевыборы советов, путем ослабления классовой борьбы бедноты против кулачества и навязывание в церквах кандидатур из кулачества бедноте... 2) Агитация против самообложения и сбора сельхозналога. 3) Противодействие развертыванию в деревне Советской кооперации. 4) Активная агитация против школ, изб-читален, комсомола и партии особенно со стороны сектантов. 5) Противопоставление знахарства, чудесных исцелений, поповских заклинаний деятельности медицинских пунктов в деревне. 6) Влияние на молодежь пионерского и детского возраста, путем противопоставлений форм массовой работы партии и комсомола своих таких же скопированных форм»¹. В изложенном тексте видно, что в сознании советского атеиста «церковники» ассоциировались с «кулаками» и «нэпманами». Кроме того, фиксируется активное противодействие верующих различным инициативам советской власти от сельскохозяйственного налогообложения до работы комсомольских организаций.

Таким образом, отчет Смолгубсовета Союза безбожников «Состояние антирелигиозной пропаганды по Смоленской Губернии» содержит характеристику и статистические данные религиозного и антирелигиозного «фронта», разбирает достоинства и недостатки проводимой антирелигиозной пропаганды. Более того, он свидетельствует о грядущих изменениях в сфере антирелигиозной деятельности. Эти изменения были частично инициированы неутешительной статистикой относительно организации антирелигиозной агитации и пропаганды ранее.

На фоне очевидной неработоспособности смоленского отделения Союза безбожников, связанной с отсутствием систематической антирелигиозной пропаганды из-за дезорганизации руководящих структур, отсутствием опытных пропагандистов, бюрократизмом, отсутствием финансирования, неумением и нежеланием работать, точечными и кампанейскими подходами и так далее, продолжал существовать, и даже активно и живо, «враг» – религия и Церковь, с которыми на протяжении нескольких лет пытались бороться. В этой войне, где с религией боролись как с дурманом и пережитком прошлого, не учли все же главного: остающаяся массовой религиозность населения была связана с чем-то более высшим, чем традиция и быт.

Сравнительно «деликатные» методы борьбы с религией при неспособности и неэффективности последних меняются на признание всей деятельности Церкви и верующих как направленной против советской власти. Такое «осмысление» не могло быть навязано только руководством Союза безбожников Смоленской губернии, а явилось отражением общей политики партии во главе с И. Сталиным,

¹ Там же.

придавшей религии и Церкви официальный статус контрреволюционной силы. И весь последующий 1929 г. стал отражением этого переосмысления.

3.4 Трансформация антирелигиозной пропаганды в 1929 г.

Изменение антирелигиозной политики государства и ее правовой базы в конце 1920-х гг. нашло свое естественное отражение и на периферии. Как показали прошлые гг., антирелигиозная пропаганда в Смоленской губернии хотя и была ориентирована на политику центра, но и имела свои особенности в формах и методах работы.

Существенной исторической особенностью, повлиявшей на воплощение антирелигиозной политики, было административно-территориальное изменение Смоленской губернии, связанное с образованием декретом президиума ВЦИК от 14 января 1929 г. Западной области с центром в г. Смоленске.

В состав Западной области вошли территории: Смоленской и Брянской областей, части Калужской, Тверской и Московской губерний, Великолукского округа Ленинградской области. Западная область была разделена на восемь округов: Смоленский, Рославльский, Вяземский, Брянский, Клинцовский, Сухиничский, Ржевский, Великолукский с 124 районами. Население Западной области составляло ок. 5.948 тыс. человек¹.

С этого времени новая региональная власть была занята вопросами «сколачивания области, округов и районов» с определением новых географических границ и административных полномочий, детальным изучением «политического, экономического и культурного состояния округов, районов и области», укреплением «аппаратов всех организаций ответственными... кадрами», перевыборами партийных, профсоюзных, комсомольских органов в районах и округах Западной области, «политическим воспитанием и выращиванием как партийного, так и беспартийного кадра актива»².

Наметившийся в Москве курс доминирования партии в решении государственных и политических вопросов отразился и в жизни Западной области, одним из центральных событий в которой стало проведение 20–23 июля 1929 г. I Областной партийной конференции, ставшей своеобразным форумом, на котором были поставлены основные задачи существования и развития области. Однако, в отличие от состоявшегося в мае 1929 г. XIV Всероссийского съезда Советов РСФСР, где вопросы антирелигиозной работы и пропаганды были подняты достаточно остро, на конференции в Смоленске они фактически не поднимались. Судить о возможном упоминании таковых можно только, если

¹ ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1, предисловие.

² ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 109. Л. 7.

понимать под классовым врагом «генеральной линии» партии на «идеологическом фронте»¹ и религиозные организации.

В резолюции конференции по докладу И.П. Румянцева² «Отчет Запбюро ЦК и очередные задачи Парторганизации Запобласти» об антирелигиозной работе не упоминается. Только в единственном пункте (п. 8) «наряду с обострением классовой борьбы на идеологическом фронте, конференция предлагает Обкому» дать отпор агитации капиталистических элементов против мероприятий соворганов, против коллективизации сельского хозяйства³. Резолюция на доклад т. Кубяка «О задачах партии» отражает, очевидно, самые острые проблемы Западной области на данный момент: «... партконференция от имени всей областной парторганизации заверяет Центральный комитет в том, что ВСЯ ПАРТОРГАНИЗАЦИЯ ПРИМЕТ ВСЕ МЕРЫ ПО УСИЛЕНИЮ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ ПОГРАНИЧНОЙ ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ... с полным учетом всех трудностей, которые имеет Западная область в результате своей экономической и культурной отсталости»⁴.

Другой немаловажной проблемой, волновавшей руководящие структуры и, по сути, дестабилизировавшей устоявшуюся политическую обстановку Западной области, была так называемая «чистка» партийного аппарата, связанная с борьбой «с идеологией и практикой правого уклона и примиренчеством», «оппортунизмом на практике в ярко выраженной форме»⁵, с «чуждыми элементами», «пролезшими в партию с шкурными и карьеристскими целями»⁶, с «повальным пьянством» на предприятиях среди членов партии и прогулами⁷. В ходе «чистки» акценты ставились на «развертывание самокритики и социалистического соревнования, на усиление классовой бдительности... и на выкорчевывание остатков Смоленского нарыва»⁸. Резолюцией «О ходе чистки горпарторганизации» отмечалось «идеологически болезненное состояние и разложение большинства проверенных

¹ ГАНИСО. – Фонд 16. Оп. 1. Д. 80. Л. 74.

² Иван Петрович Румянцев – профессиональный революционер, большевик с дореволюционным стажем принадлежал к числу ярких и талантливых лидеров советской эпохи. Он стоял во главе партийного руководства Западной области в период первых пятилеток – с 1929 по 1937 г. <...> В 1929 г. Румянцеву была доверена работа по организации Западной области с центром в г. Смоленске. В гг. пребывания у власти И.П. Румянцев последовательно и жестко проводил классовую линию партии, направленную на ликвидацию кулачества, на устранение так называемых «врагов народа». Жертвами незаконных политических репрессий, расстрелянными в период с 1928 по 1938 г., по неполным данным (только по городам Смоленску, Вязьме, Велижу, Рославлю), стали около 10 тысяч человек. Запущенный тоталитарным режимом репрессивный механизм не миновал и первого секретаря обкома ВКП(б). <...> Военной коллегией Верховного Суда СССР 29 октября 1937 г. И.П. Румянцев был приговорен к расстрелу как стоявший «во главе антисоветской контрреволюционной террористической организации правых в Западной области». Приговор приведен в исполнение 30 октября 1937 г. // Руководители Смоленской области (1917–1991 гг.). Биографический справочник / Н.Г. Емельянова, Г.Н. Мозгунова, А.В. Баркова и др. – Смоленск : ИП Флиманкова И.А., – 2008. – С. 144–146.

³ ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 88. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 3–4.

⁵ ГАНИСО. – Фонд 16. Оп. 1. Д. 80. Л. 46.

⁶ Там же. Л. 6.

⁷ Там же. Л. 7, 46.

⁸ Там же. Л. 75.

ячеек»¹. Положение партии усугублялось еще и «катастрофическим падением роста организации»². Ячейки ВКП(б) были заняты вовлечением в собственные ряды, однако, как отмечалось в постановлении заседания Бюро Смоленского горкома ВКП(б) от 17 октября 1929 г., одними из главных недостатков массовой агитации являлись «недостаточный темп», «слабое качество... и недостаточная увязка общих задач с конкретными вопросами данного предприятия»³.

Тяжелое положение Западной области ухудшалось еще и трудностями, связанными с невыполнением плана по хлебозаготовкам в 1929 г., о чем свидетельствует обширная переписка с Москвой⁴.

Как многие партийные и административные структуры новообразованной Западной области в целом, так и совсем недавно начавший свое существование Союз безбожников Смоленской губернии были охвачены решением организационных вопросов по районированию сети Союза безбожников в новых условиях⁵.

Несмотря на вышеизложенные серьезные проблемы Западной области, 1929 г. отмечен несколькими резолюциями антирелигиозного характера, появлявшимися на фоне отсутствия в планах агитационно-пропагандистского отдела, горкома и Запкома партии антирелигиозной работы как таковой⁶. Исследуя имеющиеся резолюции и постановления, можно также проследить и своеобразную эволюцию антирелигиозной политики Западной области, явившейся отражением подобного изменения в центре. Учитывая не совсем успешный опыт самостоятельной организации антирелигиозной пропаганды со стороны губернского Союза безбожников, который «не в состоянии справиться с стоящими задачами»⁷, разработкой резолюций занимается АППО, внося их на утверждение Секретариата⁸.

Принятая 24 января 1929 г. на заседании Секретариата Смоленского губкома ВКП(б) резолюция «О состоянии и задачах антирелигиозной

¹ Там же. Л. 46.

² Там же. Л. 29–30.

³ Там же. Л. 54.

⁴ ГАНИСО – Фонд 5. Оп. 1. Д. 186.

⁵ ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 53.

⁶ Например, в протоколах совещания АППО среди перечня важных и основных вопросов антирелигиозной работы нет // ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 290. Л. 35; в планах Смоленского городского комитета ВКП(б) на июль–сентябрь 1929 г. – общего характера мероприятия: «Совместно с Горсоветом Союза Безбожников провести курсы переподготовки и подготовки организаторов низовой антир. работы и агитаторов антирелигиозников» // Там же; в планах горкома на октябрь–март – «разоблачение конкретных выражений классово-враждебных влияний (антисемитизм, религиозность и т.д.)» (антирелигиозные вопросы отнесены на второй план. – В.Р.) // ГАНИСО. – Фонд 16. Оп. 1. Д. 80. Л. 96; Западный обком партии обозначил в своем календарном плане работы (август 1929 г. – март 1930 г.) на декабрь четвертым пунктом довольно просто «Антирелигиозная работа» // ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 109. Л. 10.

⁷ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 4016. Л. 4.

⁸ Там же. Л. 5.

пропаганды»¹ отражала насущные проблемы состояния антирелигиозной работы в рамках еще Смоленской губернии и ставила определенные задачи ее организации. В этой связи представляется весьма интересным факт одновременного появления указанной резолюции со ставшим практически судьбоносным для Церкви постановлением ЦК ВКП(б) «О мерах усиления антирелигиозной работы», принятым также 24 января, но разосланным циркуляром только к середине февраля. Утверждать зависимость содержания смоленской резолюции от постановления ЦК не представляется логичным с точки зрения хронологии. Однако факт схожести исторического контекста и формулировок относительно усиления антирелигиозной пропаганды следует также упомянуть.

Как и все документы антирелигиозного характера, которые будут появляться в дальнейшем, своими первыми строками резолюция отмечает новое понимание выстраивания антирелигиозной работы. Теперь антирелигиозная работа – это политическая борьба с религией, противостоящей и противоборствующей социалистическому строительству. Подчеркивается именно политический характер антирелигиозной деятельности: «Успехи социалистического строительства и решительное наступление на капиталистические элементы города и деревни вызвали усиление и обострение классовой борьбы, которая все ярче и отчетливее проявляется также и в оживлении деятельности религиозных организаций, стремящихся, путем создания кулацко-поповско-нэпмановского блока, подчинить своему влиянию рабочие и крестьянские массы, овладеть молодежью, затормозить дело социалистического строительства»².

Современное состояние «религиозного фронта» характеризуется в резолюции оживлением деятельности религиозных организаций (дословно «церковников и сектантов»), главный вред которых заключается в том, что они «копируют формы и методы массовой работы у ВКП(б) и др. массовых общественно-политических организаций рабочего класса и трудящихся»³. Следует отметить продолжающуюся тенденцию указывать в числе первых активных и опасных религиозных организаций именно сектантов⁴.

¹ Протокол № 5 заседания Секретариата Смоленского губкома ВКП(б) от 24 января 1929 г. Председатель т. Борисов. Докладывал т. Рабинович // ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 4019. Л. 53–62.

² Там же. Л. 60.

³ Там же.

⁴ Из прений по докладу Дарусина (проекту резолюции) 3.01.1929: «СИМОНОВ: В настоящий момент более опасный враг на безбожном фронте – сектантство, потому что более хитрый и способный проникать в среду рабочего класса и даже комсом. и парторганизации; ВОЛОДЗЬКО: Неправильно будет, если мы все внимание будем уделять борьбе с сектантством, наоборот – установка должна быть взята на борьбу с церковниками, потому что исторические условия говорят за это; ЕГОРОВ: Неправ тов. ВОЛОДЗЬКО, что Смолен. губ. исключительно церковная и поэтому нужно обратить больше внимания на церковническое течение, чем на сектантов; РАБИНОВИЧ: В Смоленске сплошь и рядом можно встретить молитвенные дома, они растут за счет железнодорожников, рабочих маслозаводов и др.» // ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 4016. Л. 4.

Осуждая «неудовлетворительное состояние» антирелигиозной пропаганды, резолюция в 10 пунктах практически повторяет недочеты, указанные в отчете губсовета Союза безбожников за 1928 г., и утверждает необходимость «решительного перелома в отношении к ней со стороны партийных, професс., обществен. и советских организаций и поднять ее на должную высоту», подчеркивая, что «антирелигиозная пропаганда является одной из важнейших форм классовой борьбы пролетариата на идеологическом фронте, средством культурного под"ема масс и внедрения в нее пролетарской идеологии»¹.

В целях усиления антирелигиозной пропаганды и оживления деятельности Союза безбожников резолюция предлагала: «а) партийным, комсом., професс. и общественным организациям усилить внимание к антирелигиозной пропаганде, включив ее в планы своей текущей политической работы»². В свою очередь в тексте постановления ЦК ВКП(б) «О мерах усиления антирелигиозной работы» акцент ставился на непосредственном руководстве антирелигиозной работой партийными и комсомольскими организациями: «Партийным и комсомольским организациям *немедленно организовать систематическое руководство* (курсив наш. – В.Р.) антирелигиозной пропагандой, обращая внимание, прежде всего, на практическое осуществление принятых ранее решений как в центре, так и на местах»³.

Открытые массовые выступления и карнавальные шествия на Рождество и Пасху, осужденные к середине 1923 г.⁴, теперь рекомендовались в качестве одной из приоритетных форм антирелигиозной работы, увязывая таковую даже с проведением спортивных соревнований: «особое внимание обратить... на развитие и систематическое проведение открытых массовых форм антирелигиозной пропаганды: «комсомольское рождество» и «пасха», карнавальные шествия, спортивные антирелигиозные игры, антирелигиозные кинокартины, вечера, экскурсии и т.д.»⁵. Аналогично в постановлении ЦК ВКП(б) фракциям советов предлагалось «взять на себя инициативу в разработке ряда мероприятий, около проведения которых можно было организовать широкие массы на борьбу с религией»⁶.

¹ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 4019. Л. 60.

² Там же. Л. 61.

³ «НАРКОМПРОСУ НЕОБХОДИМО ВЗЯТЬ БОЛЕЕ РЕШИТЕЛЬНЫЙ КУРС...»: Документы ГАРФ и РГАСПИ о введении антирелигиозного воспитания в советской школе в 1928–1929 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-dok/1005110>. – Дата доступа : 12.09.2020.

⁴ Инструкция ЦК РКП(б) «Об антирелигиозной кампании во время пасхи» предписывала в преддверии Пасхи 1923 г. «перенести центр тяжести на научное объяснение происхождения религиозных праздников» // Известия ЦК РКП(б). – 1923. – № 3.

⁵ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 4019. Л. 61.

⁶ «НАРКОМПРОСУ НЕОБХОДИМО ВЗЯТЬ БОЛЕЕ РЕШИТЕЛЬНЫЙ КУРС...»: Документы ГАРФ и РГАСПИ о введении антирелигиозного воспитания в советской школе в 1928–1929 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-dok/1005110>. – Дата доступа : 12.09.2020.

В отношении коммунистов резолюция предлагала уже некие тоталитаристические директивы: каждый член партии должен вести полномасштабную борьбу с религиозностью, отказываясь «от каких-либо религиозных предрассудков и личного проявления их в быту» и становясь «активным безбожником, ведущим антирелигиозную пропаганду и борьбу с проявлением религиозности в окружающей среде»¹. Таким образом, антирелигиозная борьба должна была выйти за рамки организованного образовательного процесса внутри ячеек, ограниченного местом и временем, и стать личным делом и долгом каждого коммуниста, априори являющегося безбожником. Такого рода заявление появилось не на пустом месте, так как многие коммунисты продолжали придерживаться религиозных обрядов в повседневной жизни (отмечали религиозные праздники, приступали к таинствам Церкви, почитали святые образы), причем это были функционеры не только на уровне провинции или деревни². Не случайно и постановление ЦК ВКП(б) «О мерах усиления антирелигиозной работы» также призывало бороться с недооценкой важности борьбы с религией.

Усиление антирелигиозной пропаганды ставилось в зависимость от консолидации советских институций: движения Союза безбожников и партийных структур. Для оживления антирелигиозной работы в резолюции предлагалось проводить совместные масштабные мероприятия силами Союза безбожников и ВКП(б), «выделять лучшие кадры на антирелигиозную работу и рассматривать деятельность коммунистов Союза безбожников «как партийную нагрузку»; систему антирелигиозного образования включить «в сеть партучебы», обеспечив ее квалифицированными преподавателями; в сеть партийных школ включить дисциплины антирелигиозной пропаганды; систематически освещать в региональной прессе «вопросы антирелигиозной пропаганды и работы организации СБ»³.

Для профсоюзов, названных «школой коммунизма» и «приводным ремнем руководства масс»⁴, являющихся средоточием рабочего класса, смоленская резолюция постановила «добиться перелома в сторону усиления» антирелигиозной пропаганды, «решительно борясь со всякими проявлениями недооценки этой области работы и формального к ней отношения»⁵. Среди средств, призванных к усилению антирелигиозной пропаганды, следует отметить приобретение антирелигиозной литературы в «библиотеки, читальни, красные уголки»; включение антирелигиозной пропаганды в планы мероприятий

¹ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 4019. Л. 61.

² «В деревне почти у всех коммунистов-хозяев есть иконы. <...> Деревенский коммунист, когда ему предлагаешь убрать иконы, спрашивает: “Ну что я поставлю в этот угол?”» // ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3647. Л.60.

³ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 4019. Л. 61.

⁴ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 3647. Л. 51.

⁵ ГАНИСО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 4019. Л. 61.

культотделов; организацию «массовых форм антирелигиозной пропаганды» (антирождественские и антипасхальные кампании); образование местных ячеек Союза безбожников, антирелигиозных кружков с соответствующими мероприятиями («выставки, кабинеты, антирел. вечера вопросов и ответов на антирелигиозные темы, демонстрация антирелигиозных кинофильмов»); включение в «учебные планы курсов переподготовки профработников» вопросов антирелигиозного образования¹.

Помимо профсоюзов, антирелигиозная работа должна была быть «увязана» и с массовыми добровольными обществами: ОБА, ОДН, Осоавиахим, ОДР и др.², учитывая, прежде всего, сосредоточенность в них большого количества людей и направленность на свершение политических мероприятий партии, а также в частях Красной армии, «продвинув» имеющиеся достижения в Смоленске на всю губернию, включив антирелигиозную пропаганду даже в проведение территориальных сборов³.

Принятое в постановлении ЦК ВКП(б) «О мерах усиления антирелигиозной работы» направление на преодоление «элементов нейтрализма школы к религии», означало резкий переход от «безрелигиозного воспитания» к антирелигиозному, что требовало осуществлять переподготовку учителей в соответствии с антирелигиозной идеологией, вводить в учебные заведения специальный «антирелигиозный цикл». В смоленской резолюции такой призыв не звучал так настойчиво, однако ей были поставлены конкретные задачи, предполагающие охват всей сферы образования антирелигиозным воспитанием: пополнение библиотечного фонда образовательных учреждений антирелигиозной литературой; включение вопросов антирелигиозного образования в «курсы по переподготовке работников школ и органов политпросвета»; систематическое проведение антирелигиозного образования и воспитания в школах как через учебную программу, так и с помощью «клубно-кружковой работы»⁴. Как мы увидим в дальнейшем, эти три компонента антирелигиозного просвещения (библиотека, курсы переподготовки, учебные заведения) будут включаться во многие инструкции по антирелигиозной работе.

Одной из основных задач антирелигиозной пропаганды, поставленных перед губернским правлением Союза безбожников, было «изучение форм и видов деятельности церковников и сектантских организаций с целью разоблачения их классовой сущности и самой решительной борьбы против их попыток влиять на трудящиеся массы и вредить делу социалистического строительства»⁵. Это стало новым направлением антирелигиозной работы в сложившихся условиях

¹ Там же. Л. 61.

² Там же. Л. 62.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

«фронтальной атаки» на Церковь. Другое направление – вести наступление «по разложению сект и различных религиозных общин»¹. Разоблачение «политического» характера деятельности церковных общин, высмеивание священнослужителей и верующих на страницах периодической печати были направлены на подрыв авторитета религии и Церкви в глазах простого народа.

Таким образом, резолюция Смоленского губкома ВКП(б) от 24 января 1929 г. отразила дух постановления ЦК ВКП (б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» и продолжила тенденцию по изменению антирелигиозной политики в сторону ее ужесточения и всеохватности. Несомненно, что появление указанных двух документов, а также впоследствии постановления ВЦИК «О религиозных объединениях» явилось для Западной области началом развития нового этапа гонений политического и административного характера, выразившихся в 1929 г. массовым закрытием церквей, снятием колоколов, юридическими ограничениями и налоговым бременем для священнослужителей и простых верующих.

Охватившая всю страну волна массового закрытия церквей вылилась в такие же массовые волнения и протесты верующих, что заставило руководство партии разослать в начале июня специальный циркуляр за подписью Молотова, осуждавший «случаи совершенно нетерпимого искажения партийной линии в области борьбы с религией»². Реакция населения отразила реальную картину сохраняющейся религиозности среди различных социальных слоев граждан и слабость опыта построения антирелигиозной пропаганды в прошлом. Согласно документу, «многие партийные организации недооценивают численность верующего населения... преувеличивают рост антирелигиозного движения в массах»³. Исходя из сложившейся ситуации, ЦК ВКП(б) «категорически» предлагал «повести решительную борьбу с <...> извращениями в практике закрытия церквей и др. молитвенных домов», «в борьбе с религией основное и решающее внимание уделять идеологической борьбе с религиозными предрассудками, не подменяя ее административными мероприятиями и не допуская ни малейших нарушений существующих советских законов»⁴, борясь с «самоуправством» и издевательствами над верующими.

Однако на практике идеологическая борьба с этого времени приобретает уже новый характер с доминированием осуждаемых в циркуляре «административных мероприятий». Появившийся документ, по мнению некоторых исследователей, совершенно не повлиял на изменение обстановки в религиозном вопросе, так как «на местах предпочитали быть подвергнутыми

¹ ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 66. Л. 18.

² «Всем ЦК Нацкомпартий, Облбюро ЦК, Крайкомам, Обкомам, Губкомам и Округкомам ВКП (б). 5/VI – 1929 г. № 13100/с. Секретарь ЦК ВКП (б) Молотов» // ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 1. Л. 50.

³ Там же.

⁴ Там же.

критике за поспешное, с нарушением закона проведенное закрытие храмов, чем быть уличенными в отступлении от «идеологических установок» партии на борьбу с религией»¹. Примечательно, что в Смоленске большинство храмов были закрыты именно во второй половине 1929 г.

Внимание к активизации и оживлению антирелигиозной работы в Западной области со стороны партийных структур возобновилось на заседании «бюро Оргбюро Запобласти от 14-го июня 1929 г.»², на котором, заслушав выступление Румянцева с предложением созыва «закрытого заседания бюро с секретарями Окрпарткомиссий по вопросам: а) политическое состояние области; б) состояние частей Красной армии; в) о религиозном и сектантском движении», постановили созвать таковое 22 июня 1929 г. Как видно, «религиозный вопрос» стоял теперь в ряду первых задач области, требующих созыва особого закрытого заседания. Причиной этому, очевидно, стало вновь возобновившееся внимание к антирелигиозному вопросу в мае на XIV Всероссийском съезде Советов РСФСР, в упомянутом выше циркуляре ЦК ВКП(б), полученном смоленским Запоргбюро 8 июня, и на проходившем в Москве 11–15 июня знаковым II съезде Союза безбожников. На созванном по плану закрытом заседании постановили: «Поручить т.т. Щукарю и Залину на основе доклада³ написать проект резолюции»⁴.

Резолюция «О состоянии религиозных организаций Западной области и борьбе с ними» была утверждена на заседании Бюро Запобкома ВКП(б) спустя месяц – 26 июля 1929 г.⁵ За этот период на политической арене области произошло важное событие – созыв 20–23 июля I Областной партийной конференции. Однако, несмотря на обострение внимания к антирелигиозному вопросу, среди основных задач на «идеологическом фронте» конференция выделила только «отпор агитации капиталистических элементов против соввласти»⁶, очевидно, подразумевая под последними и религиозные объединения.

Подобную постановку антирелигиозного вопроса отражала и резолюция «О работе Оргбюро ЦК ВКП(б) Западной области» первой Вяземской окружной конференции (6–8 июля), в которой задача «усиления антирелигиозной работы»

¹ Кашеваров, А.Н. Государство и церковь: из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви, 1917–1945 гг. С. 100.

² Протокол № 18. Присутствовали: члены Оргбюро т.т. Румянцев, Ракилов, Щукар, Егоров А.И., Клявин // ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.

³ «Слушали: <...> 3. О религиозном и сектантском движении области (т.т. ЗАЛИН, ШИЛЬМАН, ШЕЛЕХЕС, РУМЯНЦЕВ)». Текст доклада не опубликован // ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 27. Л. 27.

⁴ Протокол № 18-б Закрытого заседания бюро Оргбюро ЦК Западной области от 22/VI-29 г. // ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 27. Л. 27.

⁵ Протокол № 1 заседания Бюро Запобкома ВКП(б) от 26/VII-1929 г. 2. Утверждение резолюции «О состоянии религиозных организаций Запобласти и борьбе с ними (т.т. ШИЛЬМАН, МАКАРОВ, ЕГОРОВ, ШУРМАНОВ, ЗАЛИН, ШЕЛЕХЕС, РУМЯНЦЕВ)» // ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 108. Л. 1.

⁶ ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 88. Л. 10.

стояла наряду (и не на первом месте) с вопросами усиления массовой политико-воспитательной работы по разъяснению решений партии и была связана с борьбой с оживившимися «в ряде мест баптистами, евангелистами и проч. религиозными сектами, разоблачая классовую их сущность и ведя наступление по разложению сект и различных религиозных общин, на оживление массовой работы общественной организации “Союза Безбожников”»¹. Как можно заметить, среди объектов антирелигиозной борьбы конкретного упоминания о Православной Церкви нет. Методы антирелигиозной борьбы еще не несут агрессивного «воинственного» характера. Речь идет о разоблачении классовой сущности и разложении изнутри.

Единственным ярким антирелигиозным воззванием, контрастирующим с некоторой вялостью в постановке антирелигиозного вопроса на уровне партийных конференций, является телеграмма-приветствие «Бухаринских безбожников», адресованная упомянутой Вяземской конференции. Интерес для исследования представляет отражение в письме нового понимания антирелигиозной борьбы, характерной для антирелигиозной политики, инспирированной «сверху»². Телеграмма содержит весь пафос новой антирелигиозной борьбы, направленной на усиление антирелигиозной работы против «бешеных атак церковников и сектантов», которую необходимо провести «большевистскими» темпами. Такое настроение и активность безбожников в других резолюциях прочих окружных конференций нами больше не встречались.

Появление резолюции «О состоянии религиозных организаций Западной области и борьбе с ними» от 26 июля 1929 г. не изменило резко, на наш взгляд, ситуации на «антирелигиозном фронте» в плане выработки специфических конкретных и масштабных директив, форм и методов антирелигиозной работы. Однако радикальное изменение тона и характера таковой в резолюции присутствует.

Анализируя текст документа, обращаем внимание на факт появления в нем стиля и формулировок, не встречающихся ранее в подобного рода смоленских документах (в частности, в резолюции Смоленского губкома ВКП(б) от 24 января 1929г.). Не составляет труда проследить связь резких и шаблонных выражений резолюции со специфическими формулировками карательных органов СССР. Напомним, что одним из разработчиков документа был высокопоставленный сотрудник советских спецслужб ЧК – ОГПУ – НКВД Залин. С идентичной позиции дается и характеристика состояния религиозных организаций, в том числе и Русской Православной Церкви, о которой ранее упоминалось лишь в общих выражениях, как о «религиозном объединении».

¹ Там же. Л. 18.

² ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 66. Л. 23.

Резолюция, вопреки устоявшейся практике нейтрального определения «религиозных течений и объединений», разделяет «церковников» на «тихоновцев» и «обновленцев», импонируя последним. Так, в контексте сообщения о том, что с помощью религиозных сообществ ведется «контрреволюционная политическая работа», резолюция классифицирует «церковников» на «тихоновцев», как представителей «наиболее реакционного течения», и «обновленцев», лояльных советской власти. При этом документ констатирует ошибки в антирелигиозной работе по причине «перебежки обновленцев обратно в лагерь тихоновцев на почве малой доходности и применения к ним такого же налогового обложения»¹. Оговариваясь далее, что основными «принципами нашей церковной политики» является равенство перед государственной властью всех вероучений и безразличие к ним, резолюция отмечает необходимость углубления раскола между церковными группировками, «всеми мерами обостряя борьбу против тихоновцев и способствуя их переходу к обновленцам, не препятствуя в то же время союзу воинствующих безбожников в его идеологической борьбе против всех и всяческих религий, и религиозных организаций»².

К числу определенных мероприятий по антирелигиозной работе, «принимая во внимание создавшуюся конкретную обстановку в области на антирелигиозном фронте»³, бюро обкома постановило: «Заострить внимание парторганизаций на необходимость усиления борьбы с религией, оказывая самую широкую поддержку Союзу воинствующих безбожников, как в части взыскания материальных средств для его борьбы, так и в части укрепления его аппарата и партийного руководства в идеологической борьбе с религией»⁴. Вести борьбу с религией необходимо, используя эрудицию «платных антирелигиозников», обеспечивая необходимые бюджеты СВБ посредством материальных субсидий от «профсоюзных и кооперативных организаций, органов наробраза»⁵.

Совершенно иного характера указания получают административные, правовые и карательные службы государства, открывая новую страницу гонений, ставших доминирующими в 30-е гг. XX в.: «По линии прокуратуры, Адмтдела и ОГПУ усилить карательную политику в отношении контрреволюционного духовенства и верхушек церковных и сектантских организаций / руководителей общин, пресвитеров, проповедников и активистов, но не рядовых масс сектантов и православных, пресекая в корне обход ими советского законодательства в области церковной политики, особенно проведении нового закона о религиозных

¹ ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 108. Л. 3.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 3–4.

⁵ Там же. Л. 3–4.

организациях»¹. Учитывая множество ограничений упомянутого «нового закона о религиозных организациях», среди которых, к примеру, были запреты оказывать материальную поддержку своим членам, организовывать группы и кружки, устраивать библиотеки и читальни и т.д., под понятие контрреволюционной деятельности могли подпадать не только «верхушки и руководители», но и каждый верующий. Следует особо подчеркнуть, что обвинение в контрреволюционных целях было намеренно неверным. М.И. Одинцов сделал вывод о том, что они «не дают оснований говорить о наличии со стороны религиозных организаций какого-либо организованного и целенаправленного политического противодействия советской власти. Не было организации, ставящей задачу ее свержения... Под «контрреволюционные деяния» были умышленно отнесены требования верующих обеспечить им условия отправления религиозных потребностей»². Во всяком случае, с этого момента контрреволюционная деятельность «церковников» будет «пресекаться в корне».

Следует также отметить некоторые различия в постановке акцентов в исследуемой смоленской резолюции с позицией «центра» по вопросу закрытия церквей и молитвенных зданий. В упомянутом выше циркуляре ЦК ВКП (б), появившемся в Смоленске в начале июня, содержатся рекомендации о «необходимости широкой предварительной массовой работы» среди рабочих и крестьян: «закрытие церкви» проводить «только после учета настроения всех слоев населения» и опираться в этом вопросе на общественное мнение, ни в коем случае не допуская «малейшего издевательства над верующими»³. Смоленский документ вопрос о порядке закрытия церквей интерпретировал по-своему, оставив только во внимании «необходимость тщательного учета всех слоев населения, при абсолютной гарантии от эксцессов, массовых недовольств... ставя всякий раз разрешение этого вопроса на обсуждение парткома»⁴. Такое, на первый взгляд, кажущееся различие в подходах к вопросу о закрытии церквей, вероятно, не является каким-то отступлением оргбюро ЦК Запобласти от «генеральной» линии партии. Факты продолжающегося повсеместного закрытия храмов свидетельствуют о том, что уважение чувств верующих и внимание к общественному мнению практически всегда стояли на втором плане или вообще не фигурировали. Поэтому можно предположить, что указанный пункт смоленской резолюции всего лишь отражал реально и применяющуюся практику Западной области.

Областной и местной печати бюро обкома постановило «усилить борьбу с религией путем систематического помещения как общего, так и местного

¹ Там же. Л. 4.

² Одинцов, М.И. Государство и Церковь. (История взаимоотношений 1917–1938 гг.). С. 40–41.

³ ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 1. Л. 50.

⁴ ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 108. Л. 4.

антирелигиозного материала»¹. Привлечение средств массовой информации к антирелигиозной пропаганде было не новым для Западной области. На страницах местной печати (областная газета «Рабочий путь») с 1929 г. стал появляться материал, широко освещающий проведение антирождественской и антипасхальной кампаний, настроение трудящихся в дни религиозных праздников (отказы праздновать, призывы к работе, осуждение прогулов), настроение населения по вопросу закрытия молитвенных зданий; периодически печатались статьи о громких успехах антирелигиозной работы, провокационные статьи и рассказы «разоблачающих» религию и Церковь, часто содержащие ложь и небылицы, очерняющие духовенство и верующих.

Акцентируя свою «церковную политику» на разложении «церковников», резолюция, несмотря на упоминаемое выше усиление «наиболее реакционного течения тихоновцев», основное внимание уделяет борьбе с сектантством (баптистами и евангелистами), которое «за последнее время, вследствие наших хозяйственных затруднений, слабой массовой работы, распада православной церкви² и кулацкой агитации»³ особенно возросло в области.

В приведенной ниже характеристике сектантства чувствуется слог столичного комиссара: «Сектантское движение, имеющее социально-экономические корни в мелкобуржуазной природе крестьянского хозяйства, является реакционным и социально-опасным движением, ибо под его влияние попадает не только бедняцко-средняцкая часть деревни и социально-отсталые элементы города, но и наша молодежь. Зачастую сектантские организации, в лице их верхушек, проповедников и активистов, являются политической агентурой и политическим аппаратом не только кулака, нэпмана, но и прямой политической агентурой и военно-шпионскими организациями, находящимися на содержании международной буржуазии»⁴.

Следует обратить внимание на то, что обвинения в активной контрреволюционности «церковников», судя по контексту резолюции — «тихоновцев», достаточно общие и пространные. Такой признана деятельность, направленная на «противодействие и срыв нашего социалистического строительства (факты антисоветской агитации, противодействие и срыв колхозного движения и т.д. <...> Это особенно отчетливо выразилось во время перевыборов советов, кооперации и движения по закрытию церквей»⁵.

¹ Там же.

² Можно отметить присутствие в тексте резолюции логической нестыковки в определении положения Православной «тихоновской» Церкви: с одной стороны, она «наиболее реакционное течение», с другой — утверждается ее «распад».

³ ГАНИСО. — Фонд 5. Оп. 1. Д. 108. Л. 3.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Напротив, контрреволюционная деятельность сектантства была четко обозначена и представляла собой весьма успешную альтернативу организации советской властью сельского хозяйства и работы с населением, что прочитывается в рекомендуемых мероприятиях по борьбе с ними. Так, в отношении борьбы с сектантством необходимо было предпринимать следующие меры политического, экономического и образовательного свойства – «усилить целевое кредитование бедняцкому и маломощному крестьянству на организацию и строительство колхозов и всевозможного рода кооперирования»; в противовес сектантской деятельности «развернуть политико-просветительскую и культурную работу в клубах, избах-читальнях и красных уголках; «расширить сеть политико-просветительных учреждений (школы, ликпункты, клубы, избы-читальни, радио и т.д.), противопоставив идеологическое влияние сектантскому влиянию»; «начать систематическое обследование сектантских артелей, колхозов и коммун, для выявления их кулацкой природы и ликвидации»¹.

Учитывая отсутствие подобных подробных рекомендаций по борьбе с «церковниками», можно предположить, что резолюцией вырисовывается главный образ религиозного врага – сектантство, как видно, представлявшее действительную угрозу становлению социалистического государства, где не все было так гладко и успешно. О «тихоновцах» подобного сказать было нечего. Зачастую все обвинения в контрреволюционности приписывались не деятельности религиозных общин (приходов), а отдельным личностям (исторически принадлежавшим к Православию), осуществлявшим какую-либо политическую, экономическую или уставную религиозную деятельность, признанную советской властью вредящей государственному строительству.

Анализируя резолюцию «О состоянии религиозных организаций Западной области и борьбе с ними» от 26 июля 1929 г., мы отметили, что на фоне имеющихся в резолюции изменений в постановке вопроса об антирелигиозной работе и пропаганде в плане их усиления, радикальных «революционных» директив она не предлагала. Более того, несмотря на то, что одним из авторов резолюции был высокопоставленный представитель из «центра», документ получил критику некоторых своих положений со стороны ЦК ВКП(б), а бюро Запобкома – обвинения за «извращение линии партии в вопросах антирелигиозной работы»².

Так, в конце октября в бюро Запобкома поступило письмо из ЦК ВКП(б), датированное 29 октября за № 16441/с, с подписью секретаря ЦК А. Смирнова³. Как видно из письма, основное «извращение линии партии в вопросах антирелигиозной работы» касалось неверной позиции по отношению к

¹ Там же. Л. 4.

² Там же. Л. 125.

³ Там же.

«церковникам обновленцам» и неправильной расстановке сил на антирелигиозном «фронте», что, собственно, отражает новое понимание антирелигиозной работы, характерное для центра в 1929 г., но еще не очевидное для Западной области. Тем не менее, появившаяся критика могла отразиться для некоторых членов Западного обкома весьма драматичными событиями, повторяющими чистку «Смоленского нарыва». Однако ЦК ВКП(б) тактично предложил Западному обкому «исправить допущенные в своем решении ошибки».

Исправление и корректировку текста резолюции от 26 июля утвердили на заседании бюро обкома Западной области 10/XII-1929 г.¹ за пунктом 18 «Дополнительные директивы к решению бюро Обкома от 26/VII «О состоянии религиозных организаций в Запобласти и борьбе с ними (т.т. Щукарь, Румянцев)»². Дополнительные директивы к июльской резолюции расставили новые акценты в антирелигиозной политике Западной области: особое и первостепенное внимание необходимо было уделять мероприятиям по усилению внутрицерковного раскола, разложению Церкви изнутри, без поддержки обновленцев, и активно помогать СВБ в идеологической «борьбе против всех религий и религиозных обрядов».

Помимо принятых «дополнительных директив» по резолюции от 26/VII 1929 г. бюро обкома Западной области направило в ЦК ВКП(б) ответное и достаточно смелое письмо³. Как видно из письма, постановка антирелигиозного вопроса для Западной области, раскритикованной июльской резолюцией, была не исчерпана ввиду допущенных «извращений линии партии». Необходимо было создание нового документа, который бы соответствовал изменившейся антирелигиозной политике Советского государства. О таком документе говорится в упомянутом выше ответном письме обкома Западной области как об основном и окончательном, подготовленном комиссией АППО обкома, принятом съездом СВБ⁴ и утвержденном секретариатом обкома, – резолюции «О задачах антирелигиозной работы в Западной области»⁵. Окончательный текст резолюции был утвержден секретариатом обкома 16 декабря 1929 г.

Главная мысль данного документа – усиление антирелигиозной борьбы средствами СВБ. Характер изложения резолюции «О задачах антирелигиозной работы в Западной области» директивный, не оставляющий места размышлениям и дискуссиям.

¹ Протокол № 26 Заседания Бюро Запобкома ВКП(б) от 10/XII-1929 года. Присутствовали: Члены и кандидаты Бюро т.т. Румянцев, Ракитов, Щукарь, Шурманов, Шильман, Шелехес, Клявин, Иванов, Егоров А.И., Залин, Мартынов, Архипов, Полетаев, Быков // ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 159. Л. 1.

² Там же. Л. 3.

³ ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 163. Л. 198.

⁴ Конец ноября – начало декабря 1929 г.

⁵ Приложение № 3 к протоколу Секретариата Запобласти № 14 от 16/XII // ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 181. Л. 9–13.

Резолюция, сохранившая в некоторой степени структуру предыдущих материалов с позиции критики слабой интенсивности антирелигиозной работы и обозначения необходимых мероприятий для ее оживления, является все же своеобразным и даже переломным документом. Он фиксировал на примере Западной области новый уровень антирелигиозных гонений. Произошел переход от сугубо идеологически-пропагандистских форм к административно-репрессивным с привлечением к участию в них всей советской общественности.

Важной особенностью текста исследуемой резолюции является читаемое между строк утверждение, что вся антирелигиозная работа в данный период не носит характера борьбы с религией как таковой (борьбы с «религиозным дурманом»), а представляет собой элемент классовой борьбы против контрреволюционных сил, использующих религию в своих целях. Фиксируя «огромные успехи социалистического наступления», резолюция отмечает возникшее на этом фоне «бешеное сопротивление капиталистических элементов в городе и деревне»¹, в числе которых «все без исключения религиозные организации», являющиеся «контрреволюционной агентурой кулака и нэпмана» и переходящие «в ряде мест <...> к более агрессивным методам борьбы»². Среди обвинений в контрреволюционности фигурируют такие как: «срыв важнейших политических кампаний и мероприятий партии и советской власти при проведении социалистического строительства; <...> создание нелегальных группировок, ставящих своей целью борьбу за свержение советской власти и восстановление монархии; <...> попытки замаскировать кулацко-нэпманское руководство религиозными организациями, путем втягивания рабочих и батрацко-бедняцких слоев крестьянства в церковные советы и др. выборные органы религиозных организаций; <...> проникновение церковно-сектантского актива в советские, профессиональные, кооперативные организации и их выборные органы с целью подрыва деятельности этих организаций в деле социалистического строительства»³. Очевидно, что утверждения относительно возросшей агрессии религиозных организаций против советской власти выглядели неправдоподобными и абсурдными, учитывая их текущее положение. Действительное положение церковных организаций и их служителей, как показывают исторические свидетельства, было крайне прискорбным и неутешительным. Имеющиеся факты присутствия рабочих, крестьян и бедняков в церковных советах и проникновение «церковно-сектантского актива в советские, профессиональные, кооперативные организации и их выборные органы»⁴ не

¹ ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 181. Л. 9.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 9.

являлись предметом целенаправленной агрессивной политики против Советского государства, а отражали лишь факт проявления религиозности пролетариата.

Характеризуя истекший 1929 г. «продолжающимся упадком религиозности и отходом от религии и церкви», выразившимися «в массовом закрытии церквей и синагог, в широком охвате трудящихся антипасхальной кампанией»¹, резолюция говорит о господствующей роли «тихоновцев» при «очень заметном спаде роли обновленцев», вследствие чего «растут тенденции к восстановлению единого церковно-религиозного фронта» (со стороны обновленцев. – В.Р.)². При этом в документе акцентируется внимание на изменении отношения партии к обновленцам в целом. Резолюция, цитируя постановления II съезда СВБ, называет последних «как одну из форм маскировки для лучшей борьбы с советской властью», пытающихся «подменить коммунистическую теорию своей подчищенной религией»³. Сектантству, названному «боевым оружием против советской власти и социалистического строительства», как и в предшествующих подобных документах, в тексте уделено особое внимание все с той же подробностью изложения форм его деятельности и наносимого вреда: агитация против службы в Красной армии, создание колхозов и артелей, организация взаимопомощи и т.д.

Упадок религиозности, о котором свидетельствует резолюция, связывается с естественным процессом изменения отношения к религии и Церкви самого населения: «значительных кадров рабочих, бедняцко-батрацких и середняцких масс крестьянства»⁴, превратившихся в «стихийно растущее безбожное движение»⁵.

В свою очередь, антирелигиозная работа СВБ в Западной области, согласно резолюции, «так и не получила должного развития». Основные причины – организационные, материальные, кадровые и дисциплинарные: «отсутствие материальной базы, постоянных антирелигиозных работников в окружных организациях, отсутствие дисциплины среди членной СВБ, ответственности их за работу, отсутствие регулярной живой и письменной связи, отсутствие работы по изучению деятельности противника и т.д.»⁶. «Областная организация СВБ еще не является массовой общественной организацией и весьма слабо охватывает своим влиянием стихийно растущее безбожное движение. Решения 2-го Всесоюзного съезда СВБ еще не доведены до широких масс безбожников и не находят своего отражения в работе областной организации. Социалистическое соревнование в областной организации СВБ не развернуто и, как следствие этого, темп работы

¹ Там же.

² Там же. Л. 10.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 10.

⁶ Там же.

СВБ по-прежнему весьма слабый»¹. Подобная самокритика позволяет сделать вывод об отсутствии массовой и постоянной антирелигиозной работы со стороны Союза воинствующих безбожников. Можно констатировать существование Союза воинствующих безбожников лишь «на бумаге», либо по фактам упомянутых кампаний по закрытию храмов (в основном в 1929 г.), антирождественских и антипасхальных акций, активизировавшихся также к 1929 г.².

Сложившаяся постановка антирелигиозной работы, не меняющаяся на протяжении последних четырех лет в условиях нового партийного курса наступления на религию, требовала кардинальных изменений и в Западной области. В строках документа звучит воинственный призыв «объявить решительную борьбу» недооценке важности проведения антирелигиозной работы³. В этой борьбе важная роль остается за Союзом воинствующих безбожников, который должен «в первую очередь разоблачать политическую и классовую роль религии, вскрывать контрреволюционную деятельность всех и всяческих религиозных организаций и показать, как они тормозят социалистическое строительство...вести линию на отрыв рабочих, батрацких и бедняцко-средняцких слоев крестьянства от религиозных организаций, разоблачая классовое лицо их руководства», вовлекая массы в социалистическое строительство и «на культурно-политическое их обслуживание»⁴. «Наряду с этим, – продолжается в резолюции, – должна быть особенно заострена идеологическая борьба – борьба за научно-материалистическое мировоззрение, за разоблачение религиозной идеологии, как идеологии враждебной пролетариату, как идеологии ненаучной, совершенно неправильно об"ясняющей явления природы и общества (пропаганда естественно-научная, историко-антирелигиозная и т.д.)»⁵. Важной особенностью такого изложения стратегии антирелигиозной борьбы является тот факт, что идеологическо-пропагандистский аспект, первоначально считавшийся самым действенным и перспективным, хотя и упоминается «наряду», но, все же, после основного – административно-репрессивного. Неслучайно резолюция обращает внимание на необходимость проведения Союзом воинствующих безбожников ранее не свойственной деятельности – «подрыва экономической мощи религиозных организаций»⁶. Учитывая неэффективность агитпропа как такового, Союзу воинствующих безбожников необходимо стать «не только

¹ Там же.

² В это время председатель СВБ Ярославский твердит об увеличивающейся миллионной армии безбожников // Алексеев, А.В. Была ли в СССР «безбожная пятилетка»? С. 18–19.

³ ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 181. Л. 9.

⁴ ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 181. Л. 10.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

пропагандистской организацией, но и передовым отрядом на фронте социалистического строительства»¹.

Присутствующая в резолюции критика антирелигиозной работы затрагивала не только деятельность СВБ, но и участие в ней «отдельных партийных, комсомольских, профессиональных и др. общественных организаций», которым «еще не удалось добиться необходимого перелома»². Признание необходимости осуществления антирелигиозной работы не только специфическим органом – Союзом воинствующих безбожников, но и вовлечение в нее всех и вся является основной мыслью конца «переломных» 20-х гг. XX в.³. Недооценка важности антирелигиозной работы со стороны партийных, профессиональных и общественных организаций названа причиной «неудовлетворительного состояния областной организации СВБ»⁴ и получила самый страшный для этого периода времени приговор, будучи названной «оппортунистическим отходом от классовой пролетарской линии, прямым проявлением правых и примиренческих тенденций»⁵. Для создания «единого антирелигиозного фронта и развертывающегося антирелигиозного наступления» I Областной съезд Союза воинствующих безбожников своей итоговой резолюцией обязывал все организации, «а также органы ОНО», к «неуклонному и систематическому» проведению решений II Всесоюзного съезда СВБ, считать антирелигиозную пропаганду «неотъемлемой частью своей работы, включая эту работу в свои планы и обеспечивая проведение этой работы в планах твердыми бюджетными ассигнованиями по своим сметам»⁶.

Вся работа областной организации Союза воинствующих безбожников «должна быть направлена на проведение в жизнь решений 2-го Всесоюзного и 1-го Областного с"езда СВБ»⁷, которые стали определяющими для антирелигиозной работы нового этапа. Для перевода Союза воинствующих безбожников Западной области «на новые рельсы» антирелигиозной работы областной съезд поручил облсовету Союза воинствующих безбожников «приступить к разработке пятилетнего плана работы, на основе пятилетки ЦС СВБ»⁸, используя также опыт планирования массовой антирелигиозной работы в других организациях по договорной системе с общественными организациями»⁹, а также рекомендовал

¹ Антирелигиозник. – 1929. – № 7. – С. 32.

² ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 181. Л. 9.

³ Идея создать «единый антирелигиозный фронт пролетарской общественности» // ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 181. Л. 10.

⁴ ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 181. Л. 10.

⁵ ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 181. Л. 9.

⁶ ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 181. Л. 11.

⁷ Там же.

⁸ Задача пятилетки – «окончательно изжить религиозный дурман» // Алексеев, А.В. Была ли в СССР «безбожная пятилетка»? / А.В. Алексеев // Диспут. – 1992. – № 2. – С. 15.

⁹ ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 181. Л. 11.

всем районным организациям «разработать ряд мероприятий, обеспечивающих проведение решений 2-го Всесоюзного и 1-го областного с"езда СВБ»¹.

Одна из первостепенных задач, стоявшая перед руководством Союза воинствующих безбожников в период неплодотворных лет существования этой организации, в качестве ее реабилитации перед партией заключалась в «превращении СБ в массовую многомиллионную организацию»² через применение практики «плановой вербовки членов»³. В этой связи в погоне за ростом и массовостью Союза воинствующих безбожников в Западной области было принято «утроить число членов СВБ каждой организации к моменту окончания всесоюзной перерегистрации (к 1 мая 1930 г.) под лозунгом, прозвучавшим на II Всесоюзном съезде СВБ: «Не должно быть ни одного предприятия, ни одного совхоза, колхоза, школы и части Красной армии без ячейки СВБ»⁴. При этом областной съезд безбожников установил «для каждого члена СВБ следующую нагрузку-минимум: вербовка одного члена СВБ и одного подписчика на антирелигиозную печать»⁵.

Особенные формы и методы «индивидуально-групповой» агитации и пропаганды предполагались в отношении «еще верующей отсталой части трудящихся». В отличие от прежнего «уважения чувств верующих» при пропаганде теперь применялась голая стратегия – «учитывать особенности каждой верующей группы и психологические особенности каждого верующего, строя содержание агитации и пропаганды на конкретных примерах из окружающей их (верующих) действительности»⁶. Признавая важность подобной работы, съезд поручал «втягивать» в нее «весь безбожный актив», разработав при этом силами облсовета Союза воинствующих безбожников «методическое письмо о постановке индивидуально-групповой агитации и о методической работе с индивидуалами»⁷. Изменение отношения терпимости к организованным в общины или приходы группам верующих наблюдается в тексте резолюции, указывающей облсовету Союза воинствующих безбожников «разработать в ближайшее время и разослать на места методические указания по изучению деятельности противника, считая эту работу весьма важной работой, обеспечивающей наибольший успех антирелигиозной пропаганды»⁸.

Количественное увеличение числа безбожников должно было сопровождаться его качественным наполнением. Для подготовки, переподготовки и выращивания нового актива в рядах безбожников постановили оставить

¹ Там же.

² Алексеев, А.В. Была ли в СССР «безбожная пятилетка»? С. 14.

³ Правда. – 1929. – 2 июня.

⁴ ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 181. Л. 11.

⁵ Там же. Л. 12.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 12.

прежнюю двухступенную систему учебы в кружках и семинариях. Более масштабное антирелигиозное обучение надлежало поставить в городах и промышленных районах, «где позволяют сила и средства», для чего «необходимо организовать вечерние рабочие антирелигиозные университеты и специальные курсы по подготовке областных, окружных и районных работников и кружководов, добиваясь вовлечения в эту кружковую подготовку национработников и женщин. Кроме того, необходимо заняться вербовкой членов СВБ для заочного антирелигиозного самообразования по радио-антирелигиозному университету, заочным антирелигиозным курсам Акад. Комм.»¹. Постановка подобной системы антирелигиозной подготовки позволяла противопоставить религии мощную армию образованных борцов.

Для создания качественного воспитания безбожников резолюция рекомендовала начинать последнее с организации детского антирелигиозного движения, приняв меры «к созданию при всех школах и пионеротрядах групп юных безбожников»². В целях серьезной постановки антирелигиозного воспитания школьников областной съезд Союза воинствующих безбожников предлагал организовать при «методсовете облОНО <...> специальную комиссию по антирелигиозному воспитанию в школе» и добиваться «включения в учебные планы Смоленского государственного университета и техникумов различных видов специального курса по антирелигиозной пропаганде»³.

Развертывание массовой антирелигиозной пропаганды предполагало активное использование как уже практикуемых видов и форм – «организацию антирелигиозных вечеров в клубе, гуляний, прогулок, карнавалов, организацию живых газет и т.д., и в особенности... использование художественных форм работы»⁴, «распространение антирелигиозной печати среди трудящихся»⁵ <...>, выпуск «областной безбожной газеты, плакатов и листовок», так и совершенно новых – «включение систематической передачи антирелигиозных лекций со Смоленского радицентра», кампании по сбору средств «на тракторные колонны безбожников и на танк безбожника...», «по переходу на непрерывку»⁶ и новый революционный календарь, прекращение колокольного звона и передачу колоколов⁷ на нужды индустриализации»⁸. Для проведения в действие

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Начиная с 1929 г. в СССР рабочая неделя была «подвижной» – пять дней трудящиеся работали, на шестой отдыхали (для характеристики такой недели существовал даже специальный термин – «непрерывка»). Христианское воскресенье перестало быть неизменным праздником для верующих, ведь выходным мог оказаться любой день недели // Фирсов С.Л. Была ли безбожная пятитетка? НГ-Религии, 30.10.2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ng.ru/ng_religii/2002-10-30/7_ussr.html. – Дата доступа : 24.08.2020.

⁷ Данный призыв в смоленских документах СВБ появляется впервые.

⁸ ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 181. Л. 12.

намеченных планов облсовету Союза воинствующих безбожников от имени Съезда было поручено «обратиться ко всем научным работникам и советской интеллигенции о необходимости их активного участия в антирелигиозной работе», «вовлечение в эту работу культурных лиц и общественных организаций», «использование в антирелигиозной работе на местах демобилизованных красноармейцев и охвата антирелигиозной работой переменного состава терчастей»¹.

Массовая работа Союза воинствующих безбожников на новом этапе своего развития предполагала не только всестороннее развитие антирелигиозной агитации и пропаганды, но внедрение антирелигиозной работы во все сферы жизни общества, делая атеизм неотъемлемым ее наполнением и фундаментом: «участие в перевыборной кампании сельсоветов, ККОВ, кооперации, участие в проведении коллективизации сельского хозяйства, весенней посевной кампании, кампании по заготовкам, самообложению, переходе на непрерывку, ликвидации неграмотности»².

Среди последних пунктов исследуемого текста резолюции содержатся призывы Съезда: «Особое внимание и упор в работе направить на развертывание самокритики и социалистического соревнования внутри области между отдельными организациями СВБ... принять вызов Белорусской организации СВБ на социалистическое соревнование между Западной областью и Белорусской ССР»³.

Проведение соревнований на «полное обезбоживание» городов, деревень и сел ярко характеризует новую религиозную политику государства, в котором уже не говорится об уважении чувств верующих. Ликвидация веры и верующих становится не только делом борьбы, но и делом достижения результатов, предвосхищая кровавую практику 1930-х гг., когда советские партийные руководители сознательное перевыполнение плана по расстрелу своих сограждан считали положительным карьерным достижением в глазах центральной власти.

Подробный анализ такого документа, как резолюция Запобкома ВКП(б) «О состоянии религиозных организаций в Западной области и борьбе с ними» от 26 июля 1929 г., позволил выявить весь спектр методов и подходов антирелигиозной программы на региональном уровне.

Другой документ, а именно резолюция «О задачах антирелигиозной работы в Западной области» от 16 декабря 1929 г., зафиксировал новый уровень антирелигиозной деятельности. Резолюция отображает исторический момент в отношении вероисповедной политики советской власти, а именно переход от

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. Л. 13.

идеологически-пропагандистских форм антирелигиозной работы к административно-репрессивным с привлечением советской общественности.

На основании анализа представленных постановлений органов исполнительной власти Западной области, отчетов и докладов окружного Союза воинствующих безбожников, можно утверждать, что объектом антирелигиозной борьбы стали как отдельные верующие, так и церковные советы (религиозные объединения). Акцент делался на социальном составе церковных советов. Антирелигиозная политика на местах заключалась в жестком администрировании тех церковных советов, где преобладали «чуждые элементы» – кулаки и торговцы.

Таким образом, изменение курса антирелигиозной политики в 1929 г., инспирированное партией, хотя и с неким опозданием, но отражается и в документах Западной области и выражается в подчеркнутой смене акцентов на характере, формах и методах антирелигиозной работы – переходе с построения последней на сугубо идеологической пропаганде в сторону административно-репрессивных методов: создания единого антирелигиозного фронта и развертывания антирелигиозного наступления.

Выводы

1. Организация постановки антирелигиозной пропаганды на рельсы плановой и серьезной работы в середине 1920-х гг. была связана с появлением в Смоленской губернии в 1925 г. регионального Союза безбожников, в ведении которого и сосредоточилось проведение идеологической антирелигиозной политики Советского государства. В документации деятельности Смоленского Союза безбожников, смоленского Губкома и Обкома ВКП(б) дается статистическая информация состояния «религиозного фронта» и создается картина выстраивания и осуществления антирелигиозной работы в регионе.

2. За короткое время 1925 года Союз безбожников Смоленской губернии впервые фокусирует в своей деятельности вопрос организованного построения антирелигиозной пропаганды через создание программы антирелигиозного воспитания и образования в ячейках безбожников, призванных стать основной площадкой антирелигиозной пропаганды. Создается пропагандистская разветвленная сеть ячеек безбожников через подчинение центральному губернскому органу, систему информационного обмена и отчетности, вырабатываются задачи, формы и методы антирелигиозной работы.

3. Вся система антирелигиозного образования и воспитания в ячейках безбожников мыслилась как продолжительный процесс изживания религии из жизни и сознания населения на фоне позитивного социалистического строительства государства. Антирелигиозное просвещение строилось в рамках

культурно-исторического подхода и заключалось в естественнонаучном просвещении граждан, через привлечение к работе опытных пропагандистов и интеллигенции. Теоретически такой подход исключал административно-репрессивные методы работы и позволял Церкви существовать в действующем нормативно-правовом поле, несмотря на имеющиеся, особенно в сельской местности, случаи проявления беззакония и бесчинств по отношению к духовенству и верующим со стороны местных властей и отдельных граждан. Изменение государственного законодательства в сторону усиления административного давления на Церковь привело к кардинальному пересмотру принципов построения антирелигиозной пропаганды. Ежегодные отчеты регионального Союза безбожников свидетельствуют о сохранении религиозности населения при выявленных недостатках антирелигиозной работы в ячейках безбожников. Неэффективность антирелигиозной политики связывалась во многом с так и не осуществившимися планами создать безбожную ячейку как крепкий пропагандистский орган. Причинами этому признавались отсутствие четкой координации сверху антирелигиозной работой и излишним бюрократизмом деятельности ячеек, кадровый кризис достойных пропагандистов, непонимание и неприятие многими сути и содержания антирелигиозной пропаганды, самофинансирование деятельности ячеек.

4. Существенный перелом в постановке задач, форм и методов антирелигиозной пропаганды связан с изменением советского законодательства в отношении религии и Церкви, отразившимся появлением в начале 1929 года постановления ЦК ВКП(б) «О мерах усиления антирелигиозной работы» и эпохального постановления ВЦИК «О религиозных объединениях», которые отразились в Западной области принятием ряда резолюций антирелигиозного характера, определивших антирелигиозную пропаганду инструментом политического и административного давления на Церковь, ставшей идеологической основой фронтального наступления на религию и масштабных репрессий. Меняется содержание и концепция самой антирелигиозной идеологии, риторика борьбы с религией приобретает жесткие и воинственные формы. Антирелигиозная работа и пропаганда с этого времени должна осуществляться не только деятельностью Союза воинствующих безбожников, но войти во все сферы жизни и деятельности, стать естественной и неотъемлемой для каждого гражданина Советского государства.

ГЛАВА 4. ЗАКРЫТИЕ ХРАМОВ И МОЛИТВЕННЫХ ЗДАНИЙ В СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ И ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ КАК АДМИНИСТРАТИВНО-РЕПРЕССИВНЫЙ АСПЕКТ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

4.1 Особенности политики по закрытию храмов в период с 1923 по 1927 гг.

Процедуры закрытия храмовых зданий и ликвидации церковных общин в Смоленской губернии и Западной области¹ осуществлялись как часть централизованной вероисповедной политики. Изначальная позиция центральной власти в делах о закрытии храмов свидетельствует о попытке придать этому процессу действительную законность и порядок. Характерен циркуляр ВЦИК от 19 апреля 1923 г. № 02814 за подписью председателя М. Калинина, адресованный всем губернским и областным исполнительным комитетам, а также ЦИК союзных и автономных республик. Согласно циркуляру, «все дела по закрытию временных или постоянных храмов и молитвенных домов всех культов без различия, а также все дела по нарушению договоров с группами верующих о пользовании церковными зданиями разрешаются постановлениями Президиумов Губисполкомов»². Таким образом, постановления о закрытии храмов и молитвенных зданий должны были централизованно приниматься высшим органом исполнительной власти, исключая, при этом, вмешательства ОГПУ – НКВД, партийных структур и районного произвола. Постановление Президиума предполагало делопроизводство по вопросам закрытия, которое, согласно вышеуказанному циркуляру, выражалось в том, что «все постановления по этим делам должны заноситься в протоколы заседаний Президиумов Губисполкомов, с обязательным указанием мотивов и оснований для расторжения договора или для закрытия храмов и молитвенных домов»³.

Хотя «мотивы и основания» имелись всегда, прежде всего ввиду острого жилищного кризиса, с 1923 по 1928 г. в Смоленске было закрыто всего пять храмов: в период с 1923 по 1924 г. – Предтеченский и Богоявленский соборы Соборного двора (отданы в распоряжение Губархива и Губмузея)⁴, Ахтырская церковь Вознесенского монастыря⁵, в 1925 г. – Свято-Троицкий мужской

¹ Западная область была образована на основании декрета Президиума ВЦИК от 14 января 1929 г. // ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Предисловие. Постановлением ВЦИК от 17 июня 1929 г. утверждено разделение Западной области на 8 округов: Брянский, Клинцовский, Рославльский, Смоленский, Вяземский, Сухиничский, Ржевский, Великолукский // ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 38. Л. 12. В выделенные округа вошли 125 районов, районы поделены на сельские советы. Территория Западной области составила 164,7 тыс. км² с населением 6, 577 млн человек // Административно-территориальное устройство Смоленской области: Справочник. – М. : Московский рабочий, 1981. – С. 413.

² ГАСО. – Фонд 161. Оп. 1. Д. 66. Л. 2.

³ Там же.

⁴ ГАСО. – Фонд 161. Оп. 5. Св. 2. Д. 10. Л. 1269.

⁵ ГАСО. – Фонд 161. Оп. 4. Д. 47. Л. 40–46.

монастырь (передан под клуб инвалидов)¹ и в 1928 г. – Богоматерская надвратная церковь (передана под театр рабочей молодежи)². Процесс закрытия церквей имел серьезное делопроизводство и долгую переписку. Так, например, в 1924 г. начальник исправительной колонии в течение пяти месяцев безуспешно писал во все инстанции о закрытии и передаче Казанской церкви Смоленска³.

Хотя закрытие действующих храмов и представляло собой определенную законную процедуру, оставляя надежду на их сохранение, НКВД готовил почву для предотвращения появления новых религиозных общин и последующей ликвидации существующих. 19 сентября 1923 г. в Смоленск был отправлен секретный циркуляр всем губернским отделам управления за подписью народного комиссара внутренних дел Белобородова о регистрации религиозных обществ и групп верующих, где приказывалось «не поощрять и не содействовать преобразованию существующих на основании Постановления НКЮ от 24 августа 1918 г. групп верующих в религиозные общества»⁴. В тот же день под грифом «Совершенно секретно. Шифром» в Смоленское ОГПУ и ГОУ была направлена информация, извещающая о будущем появлении в течение двухнедельного срока новой инструкции НКЮ и НКВД по регистрации православных групп и обществ. Причем «видимое вмешательство ГПУ и ГОУ» в процесс регистрации «необходимо устранить»⁵. Спустя семь месяцев Смолгуботдел ОГПУ информировал административный отдел СГИК, что «согласно полученного <...> циркулярного распоряжения ОГПУ, от регистрации религиозных общин необходимо воздержаться...до выяснения некоторых вопросов, касающихся регистрации религиозных общин»⁶. Очевидно, что затянувшийся вопрос с регистрацией религиозных общин не только препятствовал появлению новых, но и подготавливал будущую кампанию по закрытию храмов.

Ужесточение политики в деле существования религиозных общин можно проследить и на основании того, что если еще в 1923–1924 гг. власть позволяет проведение общинами собраний, крестных ходов, совершение богослужений вне храма, выдавая на это письменные разрешения⁷, то уже с конца 1925 г. на запросы о проведении таковых приходят отрицательные ответы⁸. В случаях же разрешения

¹ Очевидно, под клуб инвалидов была отдана Аннозачатьевская церковь монастыря, ликвидированного, как и все монастыри, в 1920-х гг. Троицкий собор был закрыт в ноябре 1934 г. и отдан горсовету для переоборудования под физкультурный техникум // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 908. Л. 28.

² Амельченков, В.Л. Смоленская епархия в годы Великой Отечественной войны / В.Л. Амельченков. – Смоленск, 2006. – С. 28.

³ ГАСО. – Фонд 161. Оп. 5. Св. 2. Д. 10. Л. 1046–1100.

⁴ Там же. Л. 516.

⁵ Там же. Л. 515.

⁶ Там же. Л. 454.

⁷ Там же. Л. 1–1504.

⁸ «17.XI.25. Представит. прих. Советов церквей г. Смоленска. – Разрешение...на общее собрание делегатов от православных общин г. Смоленска...временно дано быть не может. Нач. ГАО Чадовский». «1 сентября 1925 г. Телеграмма. Умилиции Демидов. Съезд духовенства не разрешается...Начгубадмотдел Чадовский» // ГАСО. – Фонд 161. Оп. 1. Д. 6. Л. 27, 72.

религиозных собраний и съездов подобные проходят в присутствии представителя Смолгубадмотдела¹.

Таким образом, ситуация с определением четкой и постоянной правовой позиции государства по отношению к деятельности религиозных общин и закрытию храмов и молитвенных зданий к концу 1925 г. меняется в сторону ее ослабления. Это привело к тому, что участились «случаи вынесения некоторыми Уисполкомами постановлений о закрытии зданий, предназначенных для религиозных обрядов, без достаточно законных к тому оснований и даже фактического закрытия их без санкции Губисполкома»². В ответ на происходящее Президиум ГИК г. Смоленска 16 октября отправил в губадмотдел выписку из протокола № 85 с необходимостью последующего донесения информации всем уисполкомам Смоленской губернии. Напоминая о полномочиях Президиума губисполкома, исполнительный орган давал четкое различие между «расторжением договора с группой верующих и закрытием временных или постоянных храмов и молитвенных домов как не обуславливающих друг друга»³. При этом, «если обнаружится участие церковной группы в контрреволюционных выступлениях⁴ или если будут обнаружены злоупотребления церковным имуществом или растрата последнего, то договор с данной группой подлежит расторжению по постановлению Губисполкома, храм передается другой более благонадежной или исправной группе верующих, а лица, совершившие преступные деяния, предаются суду»⁵. Таким образом, губисполком совершенно четко указывал, что ликвидация религиозной общины не влечет за собой закрытие храма или молитвенного здания. Закрытие храма возможно лишь как общее правило при наличии следующих условий: дефицит зданий и помещений под «жилищные, санмедицинские, культпросветительские» нужды, и материальные возможности в отношении переоборудования помещений под соответствующие цели; многочисленные запросы и коллективные заявления со стороны «трудящихся масс»⁶.

¹ ГАСО. – Фонд 161. Оп. 1. Д. 6. Л. 91.

² Там же. Л. 13.

³ Там же.

⁴ Обвинения в контрреволюционных выступлениях в эти гг. совершенно отличны от обвинений 1930-х гг.. В гг., когда еще были возможны открытые религиозные диспуты, под контрреволюционными выступлениями понимались именно политические выступления против советской власти. К этому разряду относилось, исходя из секретного циркуляра начальникам милиции губернии от 4 мая 1924 г., и «чествование гр-на Белавина (Тихона)...выражающееся упоминанием его имени в молитвах и т.п.», которое «носит характер явной политической демонстрации против Рабоче-Крестьянской власти и является уголовно наказуемым. В случае даже, если эти деяния и не представляют из себя демонстративного характера, они могут явиться основанием для поднятия вопроса в Губисполкоме для расторжения договора с общиной или группой верующих, взявших в пользование храм...». Можно предположить, что столь суровый повод к ликвидации общин в Смоленске работал мало ввиду отсутствия подобных делопроизводств // ГАСО. – Фонд 161. Св. 1. Оп. 5. Д. 10. Л. 847.

⁵ ГАСО. – Фонд 161. Оп. 1. Д. 6. Л. 13.

⁶ Там же.

При всей наглядно кажущейся простоте условий для закрытия храмов в 20-е гг. XX в. этот процесс был непростым для желающих ими пользоваться вне религиозных целей. Напротив, как продолжает цитируемый документ, «при наличии вышеуказанных условий и обстоятельств, необходимо принимать во внимание религиозные интересы верующих, их привычки, статистические данные о количестве населения, пользующегося закрываемым храмом, о вместимости ближайших храмов, их отдаленности от данного района, расходы произведенные по ремонту закрываемого храма и т.п. Вообще, в делах этого рода необходима крайняя осмотрительность в выносимых постановлениях <...> причем до окончательного разрешения подаваемых по этому поводу жалоб фактическое изъятие храма от имеющей его по договору группы верующих, а также закрытие или ликвидация храма, ни в коем случае не может быть допущена. Невыполнение всех вышеуказанных условий...повлечет за собой возбуждение против виновных лиц законного преследования, как за превышение власти»¹.

Весьма яркое постановление ГИК, защищающее в некотором смысле права религиозных общин на свои храмы и отражающее гуманность к религиозным интересам верующих, в районах часто нарушалось даже волей председателей сельских советов при наличии весьма расплывчатых мотивировок.

Таким образом, текущее законодательство к первой половине 1920-х гг. давало религиозным общинам возможность осуществлять религиозную деятельность. Хотя религиозные организации были лишены прав на движимое и недвижимое имущество, общины имели возможность арендовать храмовые помещения. Законодательной основой, кардинально изменившей положение религиозных общин в сторону ограничения их прав, стало постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г.

4.2 Трансформация религиозной политики в деле закрытия храмов и молитвенных зданий к концу 1920-х гг.

Как мы видели выше, довольно терпимая и деликатная политика центральной власти в середине 1920-х гг. на местах – особенно в уездных и волостных центрах – стала приобретать агрессивный антирелигиозный характер. Поэтому изменение религиозной политики центральной власти создавало широкий фронт для проведения ее в жизнь на местном уровне.

Еще в 1927 г. И. Сталин положил начало новому витку гонений, призвав партию вести решительную борьбу с «религиозными предрассудками». По словам Сталина, эффективность подобной кампании по разжиганию ненависти масс к Церкви обеспечена тем, что она есть повторение «в известной степени такой же

¹ Там же.

комбинации, которая имела место в 1921 г., когда партия во главе с Лениным, ввиду голода в стране, поставила вопрос об изъятии ценностей из церквей на предмет приобретения хлеба для голодающих районов»¹. Такая борьба «за кровные интересы масс» переросла в «широкую массовую антирелигиозную кампанию»², которая, прежде всего, на практике отразилась в массовом закрытии церквей.

Постановлением «О мерах усиления антирелигиозной работы» от 24 января 1929 г. фракциям советов вменялась в обязанность разработка мероприятий по организации «правильного» использования «бывших монастырских и церковных зданий и земель под с/х станции, промышленные предприятия, школы, больницы, общежития и т.п.»³, обязательно обсуждая этот вопрос «на широких массовых собраниях, а не только... в руководящих органах советов (исполкомах)»⁴.

Окончательное законодательное выражение новая религиозная политика Советского государства получила в постановлении ВЦИК от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях». 1929 г. подвел итог тем событиям, которые имели место в государственно-церковных отношениях в 1920-х гг., когда происходило становление институтов, определяющих и проводящих церковную политику советской власти, формировалась конечная цель этой политики, отрабатывались ее конкретные инструменты⁵.

Вопросы вероисповедной политики государства были в числе первых и на состоявшемся в мае 1929 г. XIV Всероссийском съезде Советов. Делегаты съезда призывали «усилить борьбу за закрытие церквей, изымать здания под социально-экономические нужды, препятствовать ремонту храмовых зданий, противодействовать просьбам религиозных общин в отношении сохранений зданий за верующими»⁶, а некоторые предлагали «кое-где... ударить покрепче по этому дурману и стегнуть его получше»⁷.

Меняется в этот период и структура власти, ответственной за религиозную политику. Напомним, что в период «религиозного НЭПа» в 1920-е гг., религиозная политика была обусловлена балансом правящих сил – ВЦИК, НКВД и ОГПУ. С 1929 г. закулисное осуществление церковной политики сосредоточилось в руках двух последних, которые были радикально настроены в отношении религиозных организаций.

¹ Кашеваров А.Н. Государство и церковь: из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви, 1917–1945 гг. С. 90.

² Там же.

³ Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК // ГАРФ. – Фонд Р-5263. Оп. 2. Д. 7. Л. 1–2.

⁴ Там же.

⁵ Беглов, А. Л. В поисках «безгрешных катакомб»: церковное подполье в СССР / А. Л. Беглов / Институт всеобщей истории РАН. – М. : Издательский совет Русской православной церкви: Арефа, 2008. – С. 35.

⁶ Кашеваров А.Н. Государство и церковь: из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви, 1917–1945 гг. С. 95.

⁷ Там же.

С 1929 г. в СССР начала осуществляться массовая ликвидация церквей «силовым порядком». Заместитель Ем. Ярославского в ЦС СВБ А.Т. Лукачевский признавал в 1929 г.: «Закрытие молитвенных зданий сейчас приняло массовый характер: далеко не везде проводится предварительно широкая разъяснительная кампания, есть немало случаев, когда церкви закрываются административным путем... При закрытии были случаи оскорбления чувств верующих, уничтожались предметы религиозного культа»¹. М.В. Шкаровский, ссылаясь на Л. Регельсона, приводит такие цифры: если в 1927 г. в России было закрыто 134 молитвенных здания, то 1928 г. – 542, а в 1929 г. – 1000². Протоиерей В. Цыпин указывает на закрытие 354 церквей в 1928 г., а в 1929 г. – уже 1119, из которых 322 были разрушены³. Только в Западной области в период с августа 1929 г. по май 1931 г. закрыто 211 храмов, 21 синагога, 1 кирха, 1 костел, 1 часовня и 2 сторожки⁴.

В Смоленске в 1928 г. закрыт (22 августа) 1 храм – Богоматерская церковь на ул. Соболева – передана под театр рабочей молодежи (электростанции)⁵. В 1929 г. было закрыто 11 церквей: Вознесенская церковь бывшего Вознесенского монастыря (19 марта)⁶, Почтамтская ул. – передана под курсы ПВО и Горсовет ОСО⁷, Александро-Невская церковь (3 июля) на ул. Витебское шоссе – снесена⁸, Иоанно-Богословская церковь (в документе просто Богословская. – В.Р.) (29 июля) на ул. Краснофлотской – передана под музей и библиотеку⁹, Духовская (Богородице-Рождественская) церковь (29 июля) на ул. Соболева – передана под Дом обороны¹⁰ (снесена в 1960-х гг.), Верхне-Никольская церковь (19 августа)¹¹ – передана под метеорологическую станцию, Спас-Преображенская (Спасская) церковь (20 августа)¹² на улице Реввоенсовета – передана под склад НК обороны¹³, Одигитриевская церковь (20 августа)¹ на ул. Интернациональной –

¹ Алексеев, В.А. «Правая оппозиция» и борьба с религией // В.А. Алексеев // Агитатор. – 1989. – № 5. – С.42.

² Шкаровский, М.В. Русская православная церковь в XX веке. С. 119.

³ Цыпин, В., протоиерей. Русская православная церковь: 1925–1938. С. 199.

⁴ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 284. Л. 37–43.

⁵ ГАСО. – Фонд 2361. Оп. 1. Д. 67. Л. 79.

⁶ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 290. Л. 48–48 об.

⁷ ГАСО. – Фонд 2361. Оп. 1. Д. 67. Л. 79.

⁸ ГАСО. – Фонд 2361. Оп. 1. Д. 67. Л. 79. До 1933 г. в здании церкви были склады Авторемонтснаба, убранные по распоряжению облпрокуратуры со ссылкой на Комитет охраны памятников при ВЦИКе // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 1154. Л. 33, 72.

⁹ ГАСО. – Фонд 2361. Оп. 1. Д. 67. Л. 79.

¹⁰ Там же.

¹¹ Протокол № 18 заседания Президиума Западного исполнительного комитета (§ 538) // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 37а. Л. 146. ВЦИК 27 января 1930 г. оставил в силе постановление облисполкома о закрытии после обжалования верующими // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 284. Л. 75.

¹² Протокол № 3 заседания Президиума Западного исполнительного комитета (§ 121) // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 37а. Л. 23 об.

¹³ ГАСО. – Фонд 2361. Оп. 1. Д. 67. Л. 79. Согласно Протоколу № 3 заседания Президиума Западного исполнительного комитета от 20 августа 1929 г. церковь закрыта «под устройство Естественно-Исторического Музея» // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 37а. Л. 23 об.

типография ОГПУ² (снесена в 1960-х гг.), Нижне-Никольская (Николо-Введенская) церковь (19 сентября)³ – передана под Дом крестьянина⁴, Благовещенская церковь (10 ноября) на Соборной горе – передана под склад Управления Связи⁵, Верхне-Георгиевская церковь (17 ноября)⁶ на ул. Фрунзе – отдана под склады, Ильинская церковь (17 ноября)⁷ на площади Дома Советов – снесена⁸. Все вышеперечисленные (на 1929 г.) церкви, за исключением Верхне-Никольской, были закрыты по причине возникшей необходимости использовать таковые для государственных и общественных нужд. Участь снесенных церквей косвенно также заключалась в интересах государства и общества: одни мешали строительству зданий, другие стояли на пути прокладываемых дорог.

В 1930 г. были закрыты 2 церкви⁹: Свирская церковь (Архангела Михаила) (11 января)¹⁰ – передана под склад НК Оборона¹¹, Кресто-Воздвиженская церковь (11 февраля)¹² на ул. Н.-Московской – передана под склады торговых организаций ж/д узла¹³.

В итоге из 25 храмов Смоленска (на 1925 г.) на 1 октября 1928 г. было 24 храма, на 1 января 1930 г. – 11 храмов, в 1933 г. осталось 6. Таким образом, за 4 года в областном центре было закрыто 19 храмов.

Молитвенные здания и действующие церкви закрывались или передавались в пользование светским организациям, не соотносясь с реальными требованиями верующих. Часто подобные незаконные передачи производились в рамках некоего «социалистического соревнования». Об этом мы знаем из директив Союза безбожников.

¹ Протокол № 3 заседания Президиума Западного исполнительного комитета (§ 118) // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 37а. Л. 23 об. ВЦИК 23 октября 1929 г. оставил в силе постановление облисполкома о закрытии после обжалования верующими // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 284. Л. 75.

² ГАСО. – Фонд 2361. Оп. 1. Л. 23 об. ВЦИК 23 октября 1929 г. оставил в силе постановление облисполкома о закрытии после обжалования верующими // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 284. Л. 75.

² ГАСО. – Фонд 2361. Оп. 1. Д. 67. Л. 79.

³ Протокол № 7 заседания Президиума Западного исполнительного комитета (§ 265) // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 37 а. Л. 53.

⁴ ГАСО. – Фонд 2361. Оп. 1. Д. 67. Л. 79.

⁵ Там же.

⁶ Протокол № 18 заседания Президиума Западного исполнительного комитета (§ 536) // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 37а. Л. 146.

⁷ Там же. Постановление обжаловано верующими, в ходе разбирательств которого храм находился в пользовании верующих // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 2952. Л. 34. Окончательно ликвидирована 25 февраля 1930 г. // Там же. Л. 75.

⁸ ГАСО. – Фонд 2361. Оп. 1. Д. 67. Л. 79.

⁹ В списке религиозных общин и церквей по г. Смоленску и лиц исполнительных органов на 1 января 1930 г. эти две церкви значатся уже как закрытые // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 2952. Л. 119.

¹⁰ Протокол № 27 заседания Президиума Западного исполнительного комитета (§ 806) // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 37а. Л. 235 об.

¹¹ ГАСО. – Фонд 2361. Оп. 1. Д. 67. Л. 79.

¹² Протокол № 33 заседания Президиума Западного исполнительного комитета (§ 1001) // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 37а. Л. 307 об.

¹³ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 4.

Вопросы пользования храмовыми зданиями решались Запоблисполкомом, который делегировал полномочия райисполкомам «передавать молитвенные помещения зарегистрированным общинам в пользование для целей культа в соответствии с текущим законодательством»¹. Если отсутствовала возможность передачи в пользование религиозной общине определенного храмового здания, существовал вариант обращения общины к частным лицам или сельсоветам в отношении аренды других помещений². Постановление «О религиозных объединениях» запретило религиозной общине пользоваться более чем одним храмовым зданием. Историк А.А. Богомолов утверждает, что «требование того, что одно общество вправе иметь только одно молитвенное помещение, было обращено против многохрамовых монастырей»³. В период «религиозного НЭПа» общины могли пользоваться несколькими храмовыми зданиями⁴. Еще с дореволюционных времен была распространена практика постройки зимних и летних храмов. Более того, соборные и монастырские комплексы всегда располагали несколькими храмовыми зданиями⁵.

На территории Западной области было не так много монастырей и соборов, поэтому здесь данная проблема коснулась, прежде всего, сельских приходов, располагавших двумя церквями («зимняя» и «летняя»). После 1929 г. каждая сельская религиозная община стояла перед выбором: какую церковь оставить в пользование. При закрытии храмов предписывалось изучать географию приходов, а именно исследовать то, на каком расстоянии находилась ближайшая церковь. Если церкви находились в ближайших селах, то существовала большая вероятность, что одна из церквей будет ликвидирована, а ее прихожанам будет рекомендовано посещать храм в соседнем селе.

Постановление НКВД РСФСР «Об использовании помещений религиозными объединениями» за № 123 от 11 апреля 1929 г. представило инструкцию, которой нужно было придерживаться при процессе ликвидации молитвенных зданий. Постановление отражало три общих направления в случае необходимости сокращения молитвенных зданий. Договор пользования с религиозной общиной, «независимо от того, на какой срок был заключен договор»⁶, отменялся горсоветом, если под молитвенные нужды использовалось жилое помещение. Договор на пользование одного и того же храма мог

¹ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 1565. Л. 1.

² Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР / М-во юстиции РСФСР. Т. 2: 1929–1939 гг. С. 236.

³ Богомолов, А.А. Законодательство о Православной церкви в России: Основные исторические тенденции развития : дис. ... канд. юр. Наук / А.А. Богомолов. – СПб, 2004. – С. 93.

⁴ Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР / М-во юстиции РСФСР. Т. 2: 1929–1939 гг. С. 236.

⁵ Орлеанский, Н.С. Закон о религиозных объединениях РСФСР и действующие законы, инструкции, циркуляры с отдельными комментариями по вопросам, связанным с отделением церкви от государства и школы от церкви в Союзе ССР / Н.С. Орлеанский. – М.: Безбожник, 1930. – С. 9.

⁶ Бюллетень НКВД РСФСР. – 1929. – № 15.

заклучаться с общинами разных юрисдикций, предлагая им разделить здание на две части или использовать его поочередно¹. Здание могло быть использовано для совершения богослужений только «после его осмотра санитарно-технической комиссией, образуемой городским советом, районным или волостным исполнительным комитетом»². В результате возникла следующая практика: признание незаконными богослужений в жилых помещениях и ликвидация последних; фальсификация экспертных оценок церковных зданий как ветхих и аварийных; объединение религиозных общин разных церковных юрисдикций под крышей одного молитвенного здания (провоцирование конфликтов, к примеру, между «тихоновцами» и обновленцами) и т. Д.

Процесс массового закрытия церквей в сельской местности был связан с развернувшейся коллективизацией. По мнению председателя Союза воинствующих безбожников Ярославского, коллективизацию, в успешном осуществлении которой Церковь представляла собой препятствие, необходимо начинать с ликвидации «если не всех церквей, то, во всяком случае, значительной части церквей»³. Как считает исследователь И. Лаговский, «коллективизация сельского хозяйства, осуществляемая коммунистами в Сов. России, является фактом и фактором не только социального, но и духовного порядка...». «Духовная» задача, намеченная коммунизмом в связи с коллективизацией, была поставлена ясно и «грандиозно»: «В течение 1930 г. мы должны превратить нашу красную столицу – в Москву безбожную, а наши деревни – в безбожные колхозы»⁴. Давая оценку мотивам власти в деле коллективизации, тот же Лаговский отмечает, что «колхозы <...> на практике превратились в одно из неожиданных средств мимикрии – приспособительной защитной окраски»⁵. Духовенство, причисленное к разряду кулаков, было обвинено в контрреволюционности, а сельсоветы начинали коллективизацию с закрытия храма, которое почти неизменно выдавалось за выражение желания жителей. Антирелигиозники-активисты утверждали при этом, что нельзя принимать во внимание пожелание религиозного «меньшинства», эдакого чуждого антисоветского элемента⁶. Как замечает Кашеваров, «о резолюции XIII съезда РКП(б) «О работе в деревне» (май 1924 г.), осуждавшей решение вопроса о закрытии молитвенных зданий путем голосования на общих собраниях с участием неверующих граждан, просто забыли»⁷.

¹ Там же.

² Там же.

³ Алексеев, В.А. Рекруты «безбожной пятилетки» / В.А. Алексеев // Перспективы. – 1991. – № 4. – С. 95.

⁴ Лаговский, И. Коллективизация и религия / И. Лаговский. – PARIS : YMCA PRESS, – 1932. – С. 1.

⁵ Там же. С. 15.

⁶ Протокол № 1 заседания Комиссии по «опросу о закрытии церквей» от 23 мая 1929 г. // РГАСПИ – Фонд 89. Оп. 4. Д. 125. Л. 2–5.

⁷ Кашеваров, А.Н. Государство и церковь: из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви, 1917–1945 гг. С. 99.

Массовый характер закрытия храмов, начавшийся в 1929 г., поистине приобрел характер лавины, ничем не останавливаемой и сметающей на своем пути все живое. Центральные партийные органы попытались приостановить или замедлить этот процесс. 5 июня 1929 г. вышла директива ЦК ВКП(б) «О тактичном подходе в деле закрытия церквей»¹. Смысл документа заключался в нормализации вероисповедной политики и ослаблении практики «администрирования» на местах². Однако, как отмечает историк А. Н. Кашеваров, возникала весьма противоречивая ситуация, когда местные власти предпочитали незаконно закрывать храмы, чем прослыть индифферентными руководителями, которые холодно отнеслись к «идеологическим установкам» партии в отношении антирелигиозной борьбы³. Известный исследователь сталинских репрессий И.А. Курляндский замечает одну важную деталь, а именно отсутствие в это время реальных процессуальных механизмов обжалования решения о закрытии храма, что полностью развязывало руки местным властям. Указанная выше директива имела скорее «декларативный» характер, а не была нормативно-правовым документом, облегчающим ситуацию⁴. Документ не подкреплялся реальной механикой решения острых конфликтов с религиозными общинами в случае превышения должностных полномочий местными властями. Директива ЦК ВКП(б) «О тактичном подходе в деле закрытия церквей» больше напоминала сиюминутное конъюнктурное решение: на время публично «одернуть» местных руководителей и комсомольских активистов, но не менять систему взаимоотношений местных органов власти с церковными общинами. Это возможно уменьшало социальный накал в селах, где одной из важнейших причин крестьянского сопротивления были как раз инциденты с незаконным закрытием храмовых зданий⁵. Директива ЦК ВКП(б) «О тактичном подходе в деле закрытия церквей»⁶ свидетельствовала об обострении ситуации вокруг текущей вероисповедной политики советской власти. Но рекомендации партии на улучшение обстановки в «религиозном вопросе» уже не могли повлиять на набравший обороты процесс закрытия храмов.

Постановление ВЦИК от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» воспринималось как своего рода законодательная санкция для крупномасштабной кампании по ликвидации молитвенных зданий. Хотя на законодательном уровне

¹ Циркулярное письмо ЦК ВКП(б) «О тактическом подходе в деле закрытия церквей» от 5 июля 1929 г. // ГАРФ. – Фонд 5263. Оп. 2. Д. 7. Л. 9.

² Курляндский, И.А. Сталин, власть, религия: [религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.] / И.А. Курляндский. М.: Кучково поле, 2011. – С. 347–358.

³ Кашеваров, А.Н. Государство и церковь: из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви, 1917–1945 гг. С. 100.

⁴ Курляндский, И.А. Сталин, власть, религия. С. 357.

⁵ Там же С.358.

⁶ Циркулярное письмо ЦК ВКП(б) «О тактическом подходе в деле закрытия церквей» от 5 июля 1929 г. // ГАРФ. – Фонд 5263. Оп. 2. Д. 7. Л. 9.

общины были защищены от спорадических закрытий, на местах храмы закрывались без соблюдения существующего законодательства. На региональном уровне постановление «О религиозных объединениях» рассматривалось как призыв к действию, поэтому центральные власти часто упрощали саму процедуру ликвидации. Затем такая кампания была несколько приостановлена ввиду негативной реакции населения. Само постановление «О религиозных объединениях» не модифицировало новую партийную линию вероисповедной политики, но осуществляло в действительности нормативно-правовое сопровождение будущих репрессивных актов в отношении религиозных организаций. Постановление на самом деле содержало много дискриминационных статей по отношению к религиозным конфессиям, которые нарушали принципы Декрета СНК от 1918 г. Эти отступления были «тесно связаны с социально-политической и экономической обстановкой»¹.

Процедура закрытия храмовых зданий имела отработанную последовательность действий. В начале, чтобы подготовить общественность населения к закрытию храма, проводились пропагандистские акции в основном усилиями активистов СВБ или комсомольских активистов, где выдвигались антирелигиозные лозунги. После идеологической подготовки публики проводились общие собрания (сельсовет, профсоюз, собрание рабочих завода, пр.), где местным руководством поднимался вопрос о закрытии храма по какой-то рациональной причине (например, передача храмового здания под «культурно-общественные» нужды). Далее проводилось голосование, где не учитывалось мнение меньшинства и решение принималось при большинстве голосов (в ряде случаев, наоборот: при наличии большинства голосов против закрытия храма все равно принималось положительное решение о его закрытии). Составлялось ходатайство о закрытии храма, под которым расписывались активисты из числа собрания, отправлялось во ВЦИК на рассмотрение и дальнейшее утверждение специальной комиссией. Постановление ВЦИК РСФСР при изъятии молитвенного здания уже имело фактически необратимый эффект и законные основания.

В следующих параграфах обратимся к анализу причин закрытия храмов и молитвенных зданий.

¹ Бакаев, Ю.Н. Власть и религия: история отношений (1917–1941) / Ю.Н. Бакаев. – Хабаровск : Изд-во Хабаровского государственного технического университета, 2002. – С. 84–85.

4.3 Причины закрытия храмов

4.3.1 Закрытие храмов в случае неуплаты страховых платежей и налогов; вопрос о выплате страховых премий

Как было описано выше, существовало множество формальных причин на законодательном уровне для инициирования процедуры закрытия храма и передачи здания под светские нужды муниципальных, районных, сельских властей. Самым распространенным приемом, использовавшимся местными властями для закрытия храма, было не соблюдение общиной чрезмерного и непосильного налогообложения, введенного Советским государством. Для религиозной общины, которая являлась финансово ответственным лицом прихода, предполагался целый спектр налоговых и страховых выплат: налог со строений, земельная рента, страховка здания от огня и иные сборы. Совершенно очевидно, что суммы налоговых и страховых выплат доходили до астрономических размеров, поэтому были распространены случаи невыплат налогов религиозными общинами. Местные власти пытались взыскивать недоимки с членов церковной «двадцатки» как частных лиц, что, конечно, являлось незаконной практикой. Постановление ВЦИК «О религиозных объединениях» регулировало случаи не поступления налоговых выплат: храмовое здание изымалось у религиозной общины и передавалось другому религиозному объединению, которое и должно было погасить налоговую задолженность. Данное постановление акцентировало внимание на соблюдении религиозной общиной типового договора, по которому «двадцатка» верующих (приходской актив) обязывалась «нести расходы, связанные с владением и пользованием... имуществом, как-то: по отоплению, страхованию, охране, оплате налогов, местных сборов и т.п.»¹. Архивные документальные свидетельства по Западной области подтверждают общегосударственную тенденцию повышения налоговых и страховых взносов для религиозных общин.

Согласно циркуляру ГИК от 14 мая 1926 г., адресованному начальникам угормииции Смоленской губернии, «за последнее время особенно участились случаи, когда церковные советы под разными предлогами стараются уклониться от страхования сданных им по договору в бесплатное и бессрочное пользование молитвенные дома и другие строения (сторожки), кои внесены в договор»². Как показывает статистика, суммы страховых взносов были огромными не только для сельских, но и для многих городских приходов. Это и являлось основной причиной неуплаты страховых взносов.

¹ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. С. 254.

² ГАСО. – Фонд 161. Оп. 1. Д. 6. Л. 240.

Так, по каждому уезду губернии на начало 1926 г. оказалось 10–20 незастрахованных церквей, на которые налагался ультиматум: или уплата взносов в двухнедельный срок, или все дела и имущество отбираются¹. На это указывает и вышеприведенный циркуляр, уполномочивая органы милиции предупредить религиозные общины, что «неуплата страховых пеней влечет за собою нарушение заключенного договора (п. 4) со всеми вытекающими отсюда последствиями, согласно п. 10 того же договора, т.е. привлечение к уголовной ответственности с расторжением договора и отображением здания, согласно циркуляра НКФ СССР от 3 сентября 23 года № 102 об обложении местным налогом со строений зданий культа»².

То, что советское налогообложение в отношении религиозных общин было непосильным бременем для таковых, свидетельствуют жалобы общин в отношении неправомерных ставок налогообложения³. Налоговые ставки доходили до таких невероятных размеров, что фактически ставили под сомнение экономическое существование приходов: «такая сумма является для нас совершенно непосильной»⁴. Стоит напомнить, что приходские церковные бюджеты собирались из пожертвований в основном представителей рабоче-крестьянского происхождения, то есть самой бедной прослойки советского населения. Специальная комиссия при Президиуме Западного облисполкома на 1931 г. подтверждала тот факт, что большинство приходов было ликвидировано из-за неуплаты налогов⁵. На общегосударственном уровне это подтверждается свидетельствами из записки митр. Сергия (Страгородского) П. Г. Смидовичу, в которой выражалась крайняя озабоченность высокими страховыми и налоговыми выплатами для сельских церквей, фактически «лишавшими общину возможности пользоваться церковным зданием»⁶. Опоздание выплаты страховых взносов всего на два (!) месяца, исходя из статьи 43-й постановления ВЦИК «О религиозных объединениях», приводило к расторжению договора на пользование храмовым зданием⁷.

Не в последнюю очередь такое положение было обусловлено отсутствием конкретной законодательной базы по вопросам налогов в этот период, постоянно

¹ ГАСО. – Фонд 161. Оп. 1. Д. 6. Л. 264.

² ГАСО. – Фонд 161. Оп. 1. Д. 6. Л. 240.

³ О том, что суммы страховых обложений церквей были чрезвычайно высоки для приходов, особенно в сельской местности, можно судить по соотнесению с данными о заработной плате «для некоторых групп работников и персонала учреждений народного образования и здравоохранения» на 1929/30 г. Так, школьный сторож зарабатывал 15 р. в месяц, младший персонал лечучреждений – 24 р., фельдшер – 50 р., учитель школы 1 ступени – 55 р., начраймилиции – 70 р., народный судья – 90 р., врач – 110 р., агроном – 115 р. На фоне невысоких зарплат у «интеллигенции», в сельских приходах, состоявших в основном из крестьян, доходы прихожан были минимальны. // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 37а, Л. 50 об.

⁴ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 867. Л. 140.

⁵ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 935. Л. 239–247; ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 936. Л. 54–59 об.

⁶ Акты святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. С. 689.

⁷ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 285. Л. 51.

меняющимися и заменяющими друг друга циркулярами и инструкциями ВЦИК¹, НКВД², НКФ³, Госстраха⁴, о чем красноречиво свидетельствует заключение циркуляра народного комиссариата финансов СССР, появившегося в начале января 1930 г.: «С изданием настоящего циркуляра надлежит считать утратившими силу пункт 3 циркуляра НКФ- СССР от 29 декабря 1929 года <...>, циркуляр НКФ СССР от 10 апреля 1929 года № 3981 и все вообще ранее изданные распоряжения и раз'яснения относительно налогового обложения религиозных обществ и предоставляемых им в бесплатное пользование молитвенных зданий»⁵.

Стремление власти навести порядок в налоговом вопросе выразилось в появлении 6 января 1930 г. упомянутого циркуляра № 195 Народного комиссариата финансов СССР о налоговом обложении религиозных обществ и молитвенных зданий, в котором представлена попытка детально и основательно изложить права и обязанности сторон: «В виду возникающих на местах вопросов относительно налогового обложения религиозных обществ в предоставляемых им в бесплатное пользование специальных молитвенных зданиях (церквей, мечетей, синагог и т.п.), Наркомфин СССР, по соглашению с подлежащими органами, считает необходимым дать следующие указания: 1. Молитвенные здания, предоставленные в бесплатное пользование религиозным обществам, подлежат обложению местным налогом со строений как в городских поселениях, так и в сельских местностях на общих основаниях по ставке, установленной в данной союзной республике для обложения прочих строений. Стоимость означенных зданий для обложения их местным налогом со строений определяется по оценкам Госстраха, причем надлежит учитывать стоимость только самих зданий без включения в оценку внутреннего их устройства и оборудования и находящихся в них предметов религиозного культа <...> 3. Взыскивание с религиозных обществ местного налога со строений и ренты производится с соблюдением следующих правил: а) требования об уплате налога со строений и ренты пред'являются к исполнительному органу того религиозного общества, которому предоставлено молитвенное здание по договору в бесплатное пользование, причем исполнительный орган общества предупреждается, что неуплата в срок налога или ренты влечет за собой расторжение договора и отобрание предоставленного в пользование общества молитвенного здания; б) в случае неуплаты

¹ Указывается циркуляр ВЦИК за № 247/с // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 867. Л. 188; инструкция постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК от 16 января 1931 г. // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 865. Л. 20.

² Инструкция НКВД от 1 октября 1929 г. за № 328 – отменена в 1931 г. // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 865. Л. 20.

³ Циркуляр № 195 от 6 января 1930 г. о налоговом обложении религиозных обществ и молитвенных зданий // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 2952. Л. 89; циркуляр № 68 от 20 февраля 1931 г. // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 867. Л. 180. – упоминание.

⁴ В ГАСО – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 2952. Л. 88 – говорится о новых тарифах по страхованию согласно тарифному циркуляру № 2 и о предыдущем тарифном циркуляре № 102 от 30 марта 1929 г.; упоминается циркуляр от 14 июля 1929 г. за № 567, отмененный в силу появления циркуляра № 769 от 23 февраля 1930 г.

⁵ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 2952. Л. 89.

причитающихся сумм налога или ренты в течение двух месяцев после назначенного для платежа срока местный финотдел возбуждает перед исполкомом ходатайство о расторжении договора и отобрании молитвенного здания, предоставленного в пользование религиозного общества, не уплатившего в срок налога или ренты; в) опечатание молитвенных зданий до расторжения договора в порядке предыдущего пункта, а равно наложение штрафов и ареста на имущество отдельных граждан, входящих в состав религиозного общества, за неуплату в срок налога или ренты не допускается»¹. Так, указанный циркуляр строго оговаривал процедуру расторжения договора на пользование храмовым зданием. К сожалению, представленное регулирование не оградило религиозные общины от злоупотреблений и своеволия местных властей. К примеру, районные власти могли не дожидаться истечения двухмесячного периода для возможных налоговых выплат². Распространены были случаи, когда с ликвидацией храмового здания совершалось незаконное изъятие церковного имущества³ в счет предыдущих невыплат.

Поскольку налогообложение молитвенных зданий относилось к категории «местных налогов», то не представляется сложным предположить, что происходило в таком случае «на местах» — прежде всего в районах области. Очевидно, что наличие в исследуемом циркуляре права Госстраха определять стоимость зданий «для обложения их местным налогом со строений» и отсутствие четких критериев и формул оценки давали неограниченные возможности местным страховым органам в установлении сумм платежей. Об этом снова свидетельствуют жалобы приходских общин во ВЦИК, который, пытаясь соблюсти порядок и законность, направляет в облисполком рекомендации проверки и переоценки молитвенных зданий⁴.

Одной из причин, по которой приход отказывался от пользования храмом и храм закрывался, являлись непосильная плата за аренду и страховка, которые многим, даже городским храмам, были не под силу. Примером может служить история с религиозной общиной Свирской церкви г. Смоленска. Повесткой дня протокола общего собрания 13 декабря 1929 г. служил вопрос об изыскании средств для уплаты налога за церковь. При обсуждении единогласно пришли к заключению заплатить налог, распределив его между членами общины. Однако относительно дальнейшего содержания церкви постановили: «Ввиду непосильных налогов для общины за церковь договор на дальнейшую аренду церкви расторгнуть и снять с себя все обязательства. Церковь же со всем имуществом передать в ведение Административного Отдела Областного

¹ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 2952. Л. 89.

² ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 865. Л. 93.

³ В деревне Тресвятые Кардымовского с/с у гражданина Крупченкова Трофима отобрали лошадь за неуплату страхсумм за здание церкви // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 2952. Л. 109.

⁴ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 865. Л. 134. ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 867. Л. 25.

Исполнительного Комитета»¹. И далее, через месяц, следовала уже упоминаемая нами формулировка Президиума облисполкома: «Принимая во внимание, что группа верующих отказалась от дальнейшего пользования зданием Свирской церкви...»². По такой же причине была закрыта в 1930 г. и Крестовоздвиженская церковь Смоленска³.

Начисление налогов местными властями зачастую основывалось на собственных соображениях. Примером может служить переписка финансового управления Западной области (ОблФУ) с облисполкомом в начале 1931 г. по вопросу страховой оценки храма в с. Кцынь Хвостовичского района. В ответе областному исполнительному комитету на предложение по рекомендации ВЦИК пересмотреть дело об оценке молитвенного здания с. Кцынь ОблФУ объясняло свои действия следующими рассуждениями:

«По бывшей Брянской губернии, в состав коей входило с. Кцынь Хвостовичского района, по страхованию молитвенных зданий в 1928–1929 гг. применялись автоматически страховые оценки церквей, установленные в 1924–1925 гг. Оценки эти были очень низки и не соответствовали существующим в 1928/29 г. стоимостям на строительные материалы и рабочие руки. Вследствие этого быв. Брянская Окружная Контора Госстраха по согласованию с Управлением Окружного Строительного контроля в 1930 г. установила для церковных строений следующие оценочные нормы: деревянные 18 р. куб. метр и кирпичные 25 р. к.м. Эти оценочные нормы соответствуют стоимостям на строительные материалы и рабочие руки 1928/29 г. <...> Особой комиссией с участием представителя церковного совета при проверке оценки молитвенного здания в с. Кцынь была применена стоимость 1 кубометра в 25 р. и исходя из этой стоимости восстановительная стоимость здания⁴ установлена в 120750 р., а действительная⁵, за скидкой на амортизацию, в 110500 р.»⁶. В итоге означенной оценки страховые платежи за церковь в с. Кцынь были определены так: 359 руб. 13 к. «за особый квартал 1930 г.» и за 1931 г. – 1436 руб. 50 коп.⁷. Обращает на себя внимание, что оценку законности действий по исчислению страховой стоимости храма в с. Кцынь ОблФУ проводило по странным критериям: «Против такой оценки со стороны представителя церковного совета возражения не

¹ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 291. Л. 244.

² ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 291. Л. 246.

³ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

⁴ В теоретическом плане под полной восстановительной стоимостью строений понимается смета затрат, включающая стоимость возведения копии оцениваемого здания на дату оценки.

⁵ Действительная стоимость – это восстановительная стоимость с учетом стоимостной величины физического износа.

⁶ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 867. Л. 182.

⁷ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 867. Л. 185.

последовало. Следовательно, он ее считает правильной и соответствующей данному моменту»¹.

Вышеуказанные факты свидетельствуют, что размеры страховых взносов регулировались произвольно на основании приблизительной оценки местной конторы Госстраха, которая старалась любыми способами завышать стоимость тарифов.

В итоге долгого разбирательства по вопросу страхового обложения церкви с. Кцынь, растянувшегося на 8 месяцев, в ходе которого ВЦИК три раза посылал в облисполком письма и рекомендации, Центральный Исполнительный Комитет постановил: «Согласно ст. 3 циркуляра НКФ СССР от 20/Ис.г. № 68 стоимость молитвенных зданий для обложения их местным налогом со строений должна определяться по страховой оценке, которую они имели в 1928/29 г.»². Иными словами, суммы страховой платы за церковные здания были оставлены в пределах установленной ранее нормы (за 1924–1925 гг.), которую Госстрах определил как «очень низкую», без учета роста тарифа по восстановительной стоимости. Появление в разъяснении ВЦИК упоминания о циркуляре НКФ от 20 февраля 1931 г. свидетельствует о том, что к этому времени необходимость четкой регламентации вопроса страховой оценки церковей давно назрела.

С вопросом о страховании храмов и молитвенных зданий непосредственно связан вопрос о выплате страховых вознаграждений в случае убытка или пожара. В советском законодательстве по этому вопросу была своя логика, построенная на идее национализации церковного имущества: как страхователю пострадавшему храму по закону положены страховые выплаты, но, поскольку собственником храмов и молитвенных зданий является государство, выплаты страховых сумм «ни в коем случае не подлежат выдаче группам верующих, т.к. последние по отношению к церковному имуществу не являются владельцами, а получают таковые лишь по договорам во временное пользование, владельцем вышеуказанного имущества является государство в лице Губисполкома»³ (выписка из приказа № 12 Смоленского губернского административного отдела от 17 января 1924 г. на основании циркуляра НКВД 28 декабря 1923 года № 467)⁴. Исходя из вышеизложенной схемы и строилась политика местных властей относительно выплат страховых премий за сгоревшие храмы: деньги реализовывались на совершенно иные «благородные» цели, а храмы зачастую закрывались⁵.

¹ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 867. Л. 182.

² ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 37а. Л. 180.

³ ГАСО. – Фонд 161. Оп. 1. Д. 131. Л. 7.

⁴ Там же.

⁵ Так, в селе Никитье Ивонинской волости Смоленского уезда в результате пожара (в 1929 г.) частично пострадало здание церкви (колокольня). При этом осталась возможность совершать богослужения. Верующие обратились с просьбой о выплате страховой премии на ремонт пострадавшей части здания. В итоге получили ответ: страховое

Однако примеры выплаты страховой премии не «группам верующих», а «государству в лице Губисполкома» на ремонт пострадавшего храма все же были. Известен случай обращения в НКВД уполномоченного общества верующих церкви с. Паниклея Московской волости Бельского уезда Щербакова М.И., где он сообщает, что «несмотря на неоднократные обращения в Смолен. губ. исполнит. комитет с заявлением 1 июля с.г. (1927 г.– В.Р.) посланным заказным письмом о выдаче страхового вознаграждения 518р.02к. на восстановление поврежденной церкви от пожара Губисполком не дает никакого того или иного решения по этому делу и очевидно вопроса этого не рассматривает»¹. В своем заявлении писавший ссылался на те же циркуляры НКЮ и НКВД, которые в вышеописанном случае служили основанием отказа в выплате страховой премии, и на постановление Президиума ВЦИК от 24 августа 1925 г., по которому «страховая сумма должна была выдана о-ву верующих на восстановление молитвенного здания»². По замечанию автора обращения, на эти же законные акты указывает и §10 «О порядке уплаты страхового вознаграждения за сгоревшие церкви» из циркуляра Смоленской губернской конторы государственного страхования от 18 ноября 1925 г. за № 0/41-а: «При сем сообщается для сведения и надлежашего руководства постановление Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 24 августа 1925 г., опубликованное в Известиях ЦИК СССР и ВЦИК от 5/XI-25 г. за № 302/2535. 1. Согласно циркуляра Народного Комиссариата Финансов и Народного Комиссариата Внутренних Дел от 28-го Декабря 1923 г. за № 467 страховые суммы за сгоревшие молитвенные здания передаются Губкомам и Облисполкомам. 2. Страховые суммы используются, как правило, по своему прямому назначению, т.е. на восстановление сгоревших молитвенных зданий»³. Очевидно, что на местах формулировку об использовании страховых сумм «как правило по своему прямому назначению, т.е. на восстановление сгоревших молитвенных зданий» понимали как исключение или же пользовались правовой неграмотностью (в основном сельских) приходских общин.

Согласно Декрету об отделении церкви от государства, имущество, которым религиозные объединения владели до 1917 года, становилось собственностью государства. Естественно возникал вопрос: кто является собственником храмов и церковных строений, построенных после 1917 г. на собственные средства религиозной общины? Характерный случай разрешения подобного вопроса связан с историей строительства еврейского молитвенного дома в пос. Стодолище в 1924 г.

вознаграждение за сгоревшее здание Никитской церкви выдать Ивонинскому ВИК на постройку школы // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 288. Л. 42.

¹ ГАСО. – Фонд 161. Оп. 1. Д. 5. Л.103.

² Там же.

³ Там же. Л. 104.

В Губстрах Смоленска поступило письмо страхового агента Евстратенкова, в котором сообщалось, что построенное молитвенное здание на собственные средства общество верующих граждан-евреев желает застраховать по добровольному страхованию, чтобы в случае пожара получить страховое вознаграждение. Но все молитвенные дома должны были подлежать обязательному неокладному страхованию. В конце сообщения страховой агент делал вывод, что, по его мнению, молитвенный дом, выстроенный на свои средства, является собственностью общества евреев и не должен подлежать обязательному неокладному страхованию¹. В ответ, практически через два месяца, в адрес начальника Рославльской умилиции за подписью зам. начальника Адмотдела Орлова поступило следующее сообщение: «Согласно декрета отделения церкви от государства, религиозные общины лишены права владеть собственностью и все молитвенные дома национализируются, в силу чего на молитвенный дом Стодолиценской религиозной общины должен быть заключен договор на передачу такового в пользование общины»². Он «подлежит ОБЯЗАТЕЛЬНОМУ неокладному страхованию»³.

Нам не известны подобные ситуации в отношении православных храмов, но, очевидно, делопроизводство осуществлялось бы по уже готовому сценарию.

Похожая ситуация с разрешением недоумений относительно определения собственности имущества, принадлежащего служителям культа, возникла в Ярцевском уезде в 1926 г. в связи с процессом национализации причтовых домов. Священники села Суетово Березкин М., Ульянов И. и гражданка Семенова М. через Смоленское епархиальное управление обратились в Административный отдел Смолгубисполкома с жалобой на незаконную национализацию их домов, построенных за личные деньги. При этом в заявлении, обоснованно ссылаясь на разъяснения V отдела НКЮ от 19 апреля 1919 г., 29 августа 1921 г. и 9 февраля 1923 г. и циркуляра НКВД от 23 августа 1924 г., отмечали, что национализации подлежат только церковные дома⁴. Юрисконсульт ГИК, исследуя данную ситуацию на основании существующего законодательства, установил, что «в действиях Ярцевского УИКа, сделавшего распоряжение об учете и использовании бывших причтовых домов, как национализированных, не заключается ничего незаконного за исключением разве только таких строений, которые построены или приобретены на личные собственные средства отдельных членов причта»⁵. Однако, исходя из того, что «постройка в прошлом такого рода причтовых домов производилась на средства церковей или местных прихожан»⁶,

¹ ГАСО. – Фонд 161. Оп. 1. Д. 131. Л. 106.

² Там же. Л. 112.

³ Там же. Л. 113.

⁴ ГАСО. – Фонд 161. Оп. 1. Д. 6. Л. 199.

⁵ Там же. Л. 201 об.

⁶ Там же.

Смолгубадмотдел просил начальника Ярцевской умилиции «поставить в известность вышеуказанных просителей в том, что когда они документально докажут, что постройка или приобретение домов было совершено на их личные средства, то в таких случаях строение отчуждению не подлежит»¹. Это была своеобразная юридическая победа священников за свое жилье, хотя, как мы видели выше, двумя годами ранее Адмотдел принял противоположное решение относительно молитвенного здания еврейской общины.

Ставшее определяющим в религиозных вопросах постановление ВЦИК «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г., говоря о необходимости обязательного неокладного страхования зданий религиозного культа от огня (п. 33), так же сообщало, что «в случае пожара, страховые суммы могут направляться как на восстановление сгоревшего молитвенного здания, так и, по постановлению соответствующего исполнительного комитета, получать назначение на общественно-культурные нужды данной местности»². Как видно, шанс законного получения религиозными обществами страховых выплат за сгоревшие храм все же был. Но на этот счет у правления Росгосстраха к 1930 г. была своя четкая позиция: «Возврат страховой премии религиозным обществам не производится. <...> Страховое вознаграждение в случае убытка уплачивается не общине верующих, а тому советскому органу, который сдал церковь в пользование общине»³.

Кроме финансовых интересов некоторые выделяли в этом вопросе и антирелигиозный момент. Обращает на себя внимание интересный случай аргументации Глинковским райисполкомом Западной области перед облисполкомом о необходимости срочного перечисления ему страховой суммы в 2655 рублей за сгоревшую Никитскую церковь в пользу постройки школы, где исполнительный районный орган предлагает «построить школу в этот строительный сезон <...>, так как этот показательный пример имеет политический характер по борьбе с религией»⁴.

Как свидетельствуют архивные документы, страховые суммы за сгоревшие храмы в районах области переводились постановлением облисполкома на основании ходатайств окрисполкомов и райисполкомов. Практически всегда это была продолжительная переписка, в которой областной исполнительный комитет требовал от ходатайствовавших предоставления определенных сведений, подтверждающих легитимность перечисления страховых сумм для «культурных нужд». Так, в ходе переписки относительно расходования премии за сгоревшую церковь в с. Никитье, о которой речь шла выше, облисполком просил сообщить

¹ Там же. Л. 202.

² Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. С. 255.

³ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 2952. Л. 88.

⁴ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 867. Л. 35.

«желание населения для употребления страховой премии: на ремонт церкви или школы»¹, «1) в какой степени повреждена пожаром церковь в селе Никитье; 2) какие средства необходимы для восстановления здания или для приспособления для каких-либо иных, кроме культовых, надобностей; 3) как, в случае закрытия церкви, предполагается использовать здание и страховую премию»². Кроме указанных положений облисполком рекомендовал в качестве условия получения страховой выплаты за сгоревшую церковь на «культурные нужды» соблюдение процедуры исполнения постановления ВЦИК: вывесить объявление на дверях церкви с предложением церковному совету взять церковь в пользование с производством восстановительного ремонта³.

При всей кажущейся законной защищенности религиозных общин со стороны ВЦИК и облисполкома, очевидной возможности получать страховые премии на основании законодательства, райисполкомы находили все положительные основания, зачастую ничем не обоснованные фактически, убедить облисполком в перечислении средств на культурно-просветительские цели. Голос приходских общин в таких случаях всегда был слабее и для власти неубедительнее⁴, а объявления с предложением заключения договора на пользование церковью с обязательным восстановлением ее без намека на возможность использования страховых сумм, естественно, оставались без ответа. Так закончилась и история со сгоревшей Никитской церковью, страховую премию которой облисполком постановил перечислить Смоленскому окрисполкому «для использования на культурно-просветительные цели» в силу того, что «среди верующих не оказалось желающих сохранить в своем пользовании здание на условиях его восстановления»⁵.

Однако в архивных документах более позднего времени встречаются все же единичные случаи побед религиозных общин в отстаивании своего права на пользование страховыми выплатами. Примером такой победы может служить постановление № 482 Президиума Западного облисполкома от 14 мая 1931 г.: «Ходатайство церковного совета религиозного общества с. Лучесы, Починковского района, о выдаче страхового вознаграждения за поврежденную ураганом церковь на ремонт таковой. Д. № ц-024/183 (Секретариат). На основании ст. 33 постановления ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 г. (С.У. № 35-29 г., ст. 353) – выдать страховое вознаграждение в сумме 416 рублей

¹ Там же. Л. 29.

² Там же. Л. 46.

³ Там же.

⁴ Из жалобы: «в третий раз покорнейше просим Комиссию по религиозным вопросам помочь нам получить страховую премию» // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 1526. Л.8.

⁵ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 867. Л.38.

Починковскому Райисполкому для передачи церковному совету, при условии производства им необходимого ремонта церкви»¹.

Таким образом, начиная с 1929 г. религиозные общины вне зависимости от конфессиональной принадлежности (в основном, конечно, пострадали больше всех епархии и общины РПЦ) стали объектом дискриминации со стороны налоговых и финансово-хозяйственных органов советской власти. Религиозные общины были полностью не защищены от финансового гнета государства. Необходимы были шаги по ослаблению финансовых обязательств церковных общин, иначе бы таковые просто переходили в подполье. Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК взялась за дело отмены или ослабления некоторых налоговых и страховых взносов. Например, 24 сентября 1929 г. был отменен закон о подоходном и промысловом налоге на свечи и просфоры, принятый НКФ. Далее в обход требованиям Госстраха, Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК отменило обязательное страхование на «движимое культовое имущество» по ряду объективных причин². Кроме того, были отменены налоговые выплаты «авторского гонорара за церковные песнопения»³. Это было точечное и второстепенное послабление налогового гнета усилиями Комиссии по вопросам культов при Президиуме. Надо отметить, что это практически никак не помешало масштабному проведению антихрамовой кампании, массовому закрытию церквей и монастырей. В 1930 г. Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК последовательно пересматривала размеры оценки при страховании храмовых зданий в сторону уменьшения. Более того община могла не согласиться с заявленной оценочной стоимостью и обжаловать сумму страхования, передав оценку независимым органам (чаще всего представители местной исполнительной власти)⁴. Далее Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК, ввиду многочисленных злоупотреблений местных властей при взимании земельного налога, рекомендовала устанавливать «твердые» налоговые ставки на «земли пустующие и находящиеся под молитвенными зданиями»⁵.

В 1931 г. Комиссией по вопросам культов на общероссийском уровне было решено следующее. 16 января – о недопустимости распространения самообложения и других целевых взносов на религиозные общины. 16 июня – «Невыполнение в срок религиозным объединением ремонта молитвенного здания, в случае установления невозможности получения стройматериалов, не является основанием к расторжению договора»⁶. 16 октября постановили, что страховая

¹ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 867. Л.98.

² ГАРФ. – Фонд Р-5263. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

³ Там же. Д. 1. Л. 2.

⁴ ГАРФ. – Фонд Р-5263. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

⁵ Там же. Д. 1. Л. 15.

⁶ ГАРФ. – Фонд Р-5263. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.25.46.

оценка молитвенных зданий, существовавшая в 1928/29 г., пересмотру не подлежит, за исключением тех случаев, когда оценка не может быть документально установлена либо изменилась стоимость здания в результате перестройки, сноса части здания, обесценения из-за пожара или стихийного бедствия¹.

Итак, одной из распространенных причин, приводящей к закрытию храма, была неуплата страховых платежей и налогов религиозными общинами. В исследуемых документах смоленских архивов выявлены многочисленные случаи финансового давления на религиозные организации, общины верующих. Местная власть при закрытии молитвенных зданий осуществляла самые разнообразные маневры.

4.3.2 Ликвидация молитвенного здания для государственных или общественных нужд

Статья 36 постановления ВЦИК от 8 апреля 1929 г.² давала широкие возможности к изъятию храмов и молитвенных зданий, как в городе, так и в сельской местности. Главным мотивом к изъятию церковных зданий в условиях существующего остро жилищного кризиса были внешне благородные цели: необходимость здания под школу, госпиталь, дом инвалидов и т.д. Чаше – в условиях острой нужды рабочих в досуге и нехватке складских помещений – храмы приспособлялись под клубы и склады. Реже – под музеи. Иногда – сносились. В сельской местности закрытый храм зачастую служил зернохранилищем или просто пустовал.

Схема реализации ст. 36 выглядела следующим образом. Появлялся внешний «заказ» на определенный храм, который выражался в письменной форме с достаточно «благой» аргументацией, и представлялся в гор- или губадмотдел, который ходатайствовал перед ГИК или облисполкомом о закрытии. Через непродолжительное время принималось положительное решение. Весь процесс широко освещался в печати, где приводились огромные цифры, подтверждающие желание большинства населения.

По сравнению с постановлением Президиума ГИК г. Смоленска от 16 октября 1925 г. о порядке закрытия храмов и молитвенных домов, рассмотренным выше, ст.36 постановления ВЦИК значительно упрощала эту процедуру в случае

¹ ГАРФ. – Фонд Р-5263. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.25.46.

² Передача здания культа, находящегося в пользовании верующих, для других надобностей (ликвидация молитвенного здания) допускается исключительно по мотивированному постановлению центрального исполнительного комитета автономной республики, краевого, областного или губернского исполнительного комитета, если это здание необходимо для государственных или общественных надобностей. О таком постановлении сообщается верующим, составившим религиозное общество. См.: Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. С. 255.

имеющейся необходимости в церковном здании для государственных или общественных нужд. Это упрощение было созвучно и с решимостью местной власти проводить подобные мероприятия. Как будет показано ниже, большинство условий при закрытии, соблюдение которых было необходимо ранее (в середине 1920-х гг.), фактически не соблюдались на фоне имеющихся благих целей в виде необходимости помещений для успешного социалистического строительства. Задачи решались «большевистскими» темпами через резонансное освещение проблемы в печати и настройку определенных слоев «масс» в пользу положительного решения вопроса. Теперь практически совсем не учитывалась необходимость «принимать во внимание религиозные интересы верующих»¹.

С начала 1929 г. в областной газете «Рабочий путь» стали появляться короткие заметки с призывами и пожеланиями различных городских организаций и учреждений, ратующих за закрытие определенных церквей и передачу их под культурные и общественные нужды. Церковнослужители и верующие, противящиеся закрытию, таким образом оказывались некими противниками социального и культурного благополучия граждан. При этом статьи носили характерный «коммунистический» тон: с громкими призывами и масштабными планами, почти всегда – с не соответствующими действительности цифрами.

Ярким примером этому может служить следующая статья, вышедшая в начале апреля под заголовком «Вот где пустующая жилплощадь!»: «В связи с организацией области, – пишет Н. Лешин, – в Смоленске надо будет разместить ряд учреждений. Каждый метр жилой площади должен быть на учете и наиболее целесообразно использован. Придется уплотнять культурно-бытовые учреждения и быть может даже временно закрывать некоторые из них».

С первых же строк автор «берет за живое»: при остром жилищном кризисе несомненны жертвы, под которые подпадают даже учреждения культуры и быта. Однако в условиях такой общегородской проблемы по подсчетам автора статьи «в Смоленске имеется 22 действующих храма вместимостью в 35000 человек. Верующих по регистрационным спискам значится всего 2000 человек. Допустим, – продолжает подсчеты автор, – что не все верующие зарегистрированы, увеличим число верующих в два с половиной раза – до 5000 человек. Но и тогда получается излишек площади, который может вместить ни много ни мало – как 30000 человек». Обращают на себя внимание уверенно приведенные автором статистические данные и арифметические подсчеты по вместимости смоленских храмов, средняя наполняемость которых должна быть более 1500 человек, и данные регистрации верующих, не доступные обычному гражданину. Однако если и вместимость смоленских храмов обывателю подсчитать самостоятельно можно, то обнародовать данные учета возможно только официальному лицу или

¹ ГАСО. – Фонд 161. Оп. 1. Д 6. Л.13.

соответствующему государственному органу, к которым автор статьи, очевидно, отношения не имел. В подтверждение данного утверждения – ремарка от редакции в конце: «Печатается в порядке постановки вопроса». Далее в статье предлагается и способ решения проблемы, поражающий своей простотой и беспринципностью: «А чтобы не создалось здесь неразберихи, попусту не растрчивались время и силы, адмтделу гика надо выбрать из 22 храмов необходимое количество для удовлетворения имеющегося числа верующих, а остальное отдать под культурно-бытовые учреждения. Чем скорее это будет сделано, тем лучше, тем меньше мы потратим времени на собрания по этому вопросу¹.

Кажущиеся на первый взгляд наивными предложения стали ориентирующими в кампании по закрытию большинства храмов в Смоленске в 1929 г. Основное количество храмов Смоленска в этом г. было закрыто именно в связи с государственными или общественными нуждами.

Как мы отмечали выше, основным мотивом, считавшимся основанием для закрытия храма и передачи его в ведение другой организации, была государственная и общественная необходимость в нем, выражающаяся через постановление исполнительного комитета области. Хотя мотивировка о закрытии давала широкие полномочия своей неопределенностью в законе, на практике в условиях города учреждениям, требующим для своих нужд помещение храма, действительно требовалось мотивировать свое решение и доказывать соблюдение определенных необходимых условий, как то: желание большинства, наличие средств на содержание помещения, наличие вблизи другого храма для обслуживания нужд верующих. Напротив, в сельской местности все намного упрощалось: храмы часто отбирались просто так², без суда и следствия, зачастую при отсутствии санкций исполнительной власти на закрытие. При этом совершался настоящий беспредел: уничтожались кресты, бились стекла и колокола, разграблялось церковное имущество.

Иллюстрацией проведения в жизнь 36-й статьи постановления ВЦИК от 8 апреля 1929 г. являются смоленские церкви, на примере которых можно проследить весь механизм их закрытия в городе.

Одним из ярких примеров является процесс изъятия Верхне-Георгиевской (в исследуемых документах значится и как Георгиевская, Верхне-Георгиевская, и как Ново-Георгиевская; во всех случаях речь идет о храме на ул. Фрунзе, что на

¹ Рабочий путь. – 1929. – № 75. – 4 апреля.

² Комиссия по религиозным вопросам при Западном облисполкоме такие случаи принимала как свершившийся факт: «1. Принимая во внимание, что церковь в селе Кокоревка закрыта, культовое имущество из"ято и здание переоборудовано под клуб, что жалоб верующих на закрытие церкви не поступало, – Кокоревскую церковь, как молитвенный дом, считать ликвидированной. 2. Президиуму Суземскогорика за допущенное закрытие церкви с использованием здания по другому назначению без соответствующего о том постановления Облисполкома поставить на вид» – из протокола № 3 от 18 октября 1931 г. // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 936. Л.55.

Покровской горе. – В.Р.) церкви, начавшийся с предоставления в административный отдел горсовета г. Смоленска резолюции «общего собрания красноармейцев, вольнонаемных, больных и начсостава Окружного Военного госпиталя БВО», принятой 17 июля 1929 г.¹.

Уже упоминание в составе общего собрания столь различного контингента, начиная начсоставом и заканчивая больными, свидетельствует о давно назревшей проблеме окружного военного госпиталя в нехватке помещений «для клуба, для занятий с санинструкторами, патологоанатомического кабинета, изолятора и т.д.» (п.1), вызвавшей широкое и массовое обсуждение (до 500 человек)². Далее в резолюции приводится еще ряд причин, вследствие которых действующую церковь необходимо закрыть. Среди них – колокольный звон церкви, нарушающий покой больных, «в особенности нервного отделения», но не только собственно самого госпиталя, но и соседей – 1-й Советской больницы (п.2)³. Пункт 3 резолюции свидетельствует о создании соседством церкви с госпиталем опасной криминальной обстановки, так как «церковь с кладбищем никем не охраняется» и «последнее (кладбище. – В.Р.) является притоном для разного подозрительного элемента»⁴. Но, более того, само существование Георгиевской церкви в районе воинских частей, «красноармейцы которых не раз указывали на необходимость ее закрытия, является в высшей степени нежелательным»⁵. Согласно дальнейшим утилитарным рассуждениям, «Ново-Георгиевская церковь насчитывает в своем приходе всего около 50 человек, которые могли бы с большим успехом вступить в другой приход» (п.6)⁶. Очевидно, госпиталь согласился бы терпеть вышеизложенные неприятности от соседства церкви, но «в районе расположения госпиталя нет более подходящего помещения для использования его для нужд госпиталя, чем церковь с кладбищем»⁷ (если понимать двусмысленно, последнее заявление звучит весьма цинично. – В.Р.).

Позволим себе на основании вышеизложенного, которое можно считать классической «мотивированной» формулировкой и поводом для закрытия храма, проанализировать некоторые положения данной резолюции.

Изучение различного рода прошения и ходатайства, а также дела по закрытию храмов и молитвенных зданий, обращает внимание на активность населения, выступающего за закрытие или изъятие подобных. На такой размах одобрения линии по закрытию храмов со стороны общественности всегда указывала областная печать, создавая картину серьезной борьбы населения на

¹ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 288. Л.204.

² ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 288. Л.204.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

религиозном фронте. Практически каждый номер областной газеты «Рабочий путь» приводит цифры участников этой борьбы: «Конференция пролетстуда университета решила приветствовать начинание печатников и просить ГИК от имени 1745 студентов СГУ передать Вознесенскую церковь под клуб печатников»¹. А ходатайствуя об «отобрании Одигитриевской церкви и приспособлении ее под клуб», смоленские пионеры собрали до 30000 подписей².

Информация, свидетельствующая о безбожии большей части молодежи, нам представляется весьма противоречивой и натянутой. В начале 30-х гг. процент религиозности среди молодого населения был еще достаточно велик или же не выражался в такой агрессивной форме³. Как отмечает Д. Поспеловский, опросы школьников в 1927–1930 гг. показали, что от 11 до 92% детей были верующими, причем процент верующих не зависел от того, были это городские школы или сельские. В свою очередь тот же Смоленский университет выражает свое удивление, что среди поступающих имеется «большое количество детей служителей культа»⁴. В статье «Безбожники забывают о школе», критикующей отсутствие антирелигиозной работы в учебных учреждениях города, говорится о проведенном обследовании учащихся в одной из железнодорожных школ, где «верующих учеников – 32 проц., посещающих церковь добровольно – 28 проц. и по принуждению 8 – проц. Не лучше обстоит дело и в других школах Смоленска. Были и есть случаи массовой непосещаемости занятий в дни религиозных праздников, есть случаи участия учащихся в церковных хорах, прислуживания священникам во время богослужения»⁵. Кроме того, там же говорилось о том, что «есть и такие школы, которые на словах за антирелигиозную пропаганду (видимо, здесь можно иметь ввиду и собрание подписей за закрытие храмов. – В.Р.), а на деле против нее»⁶. На то, что большинство, а это в указанной статье и родители, и дети, было не только против закрытия церквей, но и против предложения запретить детям посещать храмы, указывает обстоятельство, что при подобной агитации во время родительского собрания в школе «поднялся такой шум, что докладчик должен был прервать свой доклад»⁷.

Однако областная печать вырисовывала картину активности учащейся молодежи в борьбе за закрытие церквей и с «религиозными пережитками», часто находящейся на грани явного абсурда. Характерно «Письмо школьников в облисполком», напечатанное в «Рабочем пути». Из содержания становится очевидным, кто был выразителем голоса детей.

¹ Рабочий путь. – 1928. – 8 декабря. – № 285.

² ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 288. Л.205.

³ Поспеловский, Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 166.

⁴ Рабочий путь. – 1928. – 23 августа. – № 195.

⁵ Рабочий путь. – 1928. – 24 ноября. – № 273.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

«Учащиеся 5-й смоленской девятилетки им. Крупской обратились в областной исполнительный комитет с письмом, в котором требуют в “рождественские” дни запретить продажу елок и елочных украшений и прекратить продажу спиртных напитков (выделено в оригинале здесь и далее – В.Р.). В этом письме школьники сообщают, что они у себя образовали безбожный фонд, в который собирают кольца, сережки, цепочки, кресты и металлическую отделку с икон. Все это будет продано на индустриализацию страны. Школьники начали соревнование по снятию у себя дома икон и созданию в школе антирелигиозного музея. Кроме этого учащиеся постановили вступить в ряды Союза воинствующих безбожников, стать активными читателями и подписчиками газеты “Безбожник”. Школьники 5-й девятилетки обращаются ко всем учащимся школ Западной области с предложением присоединиться к их письму в облисполком и повести усиленную борьбу с религией и со всеми остатками старого быта»¹.

Наряду с очевидной фальсификацией информации об активном безбожии молодежи, видимо, похожая ситуация имела место и среди взрослого населения. В статье «Рабочего пути» «Церкви – под культурные очаги»² от 26 января 1929 г. говорилось о желании трудящихся Смоленска закрыть сразу 6 церквей: Нижне-Никольскую (под пионерский клуб, под культурные нужды пожарников, среди неорганизованного населения – под культурные учреждения), две церкви (Свирскую и Иоанно-Богословскую. – В.Р.) в районе Краснофлотских улиц при желании большинства жителей этого района – под клуб, Одигитриевскую церковь – под клуб, Вознесенскую церковь – для культурно-бытовой работы, Петропавловскую церковь – под культурные учреждения. О победе безбожников в антицерковных кампаниях всегда говорилось, что за ее проведение было «поголовное большинство»³.

Вот такие лозунги мы встречаем на страницах областной газеты: «Так будет потому, что так решили 6000 рабочих и крестьян!» (требование о передаче собора в Великих Луках. – В.Р.) или «25 деревень требуют закрытия церквей», «рабочие смолпивзавода единогласно поддерживают требование...»⁴.

Протоколы Президиума Западного областного исполнительного комитета о закрытии церквей в первых своих строках, выражающих мотивацию, подводят итоги общественной битвы за храмы: «Принимая во внимание ходатайство большинства взрослого населения...», «Принимая во внимание многочисленные

¹ Рабочий путь. – 1929. – 17 декабря. – № 290.

² Рабочий путь. – 1929. – 26 января. – № 20.

³ Рабочий путь. – 1929. – 7 сентября. – № 206.

⁴ Рабочий путь. – 1929. – 19 мая. – № 119; Рабочий путь. – 1929. – 7 сентября. – № 206; Рабочий путь. – 1929. – 9 января. № 9.

ходатайства граждан...», «Принимая во внимание ходатайство местного населения...», «Учитывая ходатайства рабочих, красноармейцев и служащих...»¹.

О том, что понималось под «большинством», свидетельствуют те же цифры. Так, например, за закрытие Заболоцкой церкви в пользу больницы, обслуживающей в месяц около 3000 человек, на собрании граждан Заболоцкого района (Екимовичского РИК, Рославльского округа) «единодушно вынесло постановление» около 200 человек². А в сельской местности «большинство» значительно уменьшается, процедура закрытия упрощается, приобретая зачастую абсурдные мотивировки. На собрании молодежи в деревнях Кисляки, Баяши, Лебешево Демидовского волкома ВКП(б) 40 человек присутствовавших постановили закрыть Дубровскую церковь, так как она вредна для строительства государства и является классовым врагом рабочих и крестьян³. В Д. Ключи общее собрание из 30 человек, выслушав сообщение Максимкина о том, что культурный уровень в деревне совершенно слаб, так как все люди запуганы попами, постановило церковь закрыть и устроить в ней клуб, но временно занять под склад⁴.

Можно предположить, что на примере сельской местности отражается наиболее реальная картина, где попросту нет возможности «раздуть» число «поголовного большинства» до нескольких тысяч человек. Учитывая специфику жизни советской деревни 30-х гг. в условиях жесткой коллективизации, идейным вдохновителем нескольких десятков человек, присутствовавших на собраниях, мог быть один «выскочка», декларирующий антирелигиозные лозунги. Бывали случаи и откровенного запугивания населения. Так, 31 декабря народный судья Дудин, пригласив граждан на общее собрание, встал на стол перед всем народом и объявил: «Кто будет поднимать руки за церковь при голосовании, тот будет сослан на Соловки». После таких предупреждений голосование началось. Некоторые граждане поднимали руки за церковь при голосовании, но их комсомольцы били книгами по рукам и постановили протоколом, что церковь закрыта общим голосованием (из жалобы крестьян)⁵.

¹ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 37а. Л.235 – 237.

² Рабочий путь. – 1929. – 19 мая. – № 119; Рабочий путь. – 1929. – 7 сентября. – № 206; Рабочий путь. – 1929. – 9 января. – № 9.

³ ГАСО. – Фонд 2360, Оп. 1, Д. 288, Л.64.

⁴ ГАСО. – Фонд 2360, Оп. 1, Д. 286, Л.156.

⁵ ГАСО. – Фонд 2360, Оп. 1, Д. 866, Л.203.

Данный вопиющий факт был осужден не только верующими в жалобе, но и самими борцами с религией. В архиве имеется вырезка из газеты со статьей по этому поводу: «Вот говорят, <...> дурака заставь богу молиться, он и лоб разобьет <...>. Ну, а если найдется «разумник», который придумает и вовсе «расквасить» лоб дураку, лишь для того, чтобы предохранить (в дальнейшем) тот лоб от сокрушительного действия <...> дурацких поклонов? Как бы тогда назвали такого товарища? Сказали бы тоже, пожалуй, что и «лоб» (у него самого) и, даже, вообще «голова закружилась»? (Здесь рассуждения в контексте статьи Сталина «Головокружение от успехов», осуждающей «перегибы». – В.Р.). Что-то «похожее», должно быть, теперь и случилось со «скорбной главой» одного такого уважаемого товарища – Дудина. <...>. «Заставь ду... Дудина антирелигиозную вести пропаганду и, вообще, агитацию!.. Добро бы и в самом деле его ду... Дудина кто-либо «заставил», а то... Нет уж, придется, видно,

Очевидно, что практика работы с населением по формированию антирелигиозных настроений в виде силового принуждения или запугивания имела место.

Таким образом, желание общественности закрыть храм не всегда было искренним и не выражало мнения большинства. Напротив, при закрытии храма мнения верующих просто не учитывали, а обжалование на местном уровне безосновательно отклоняли. Не случайно на данное обстоятельство указывал митр. Сергей (Страгородский) в письме к П.Г. Смидовичу от 19 февраля 1930 г., говоря о нуждах Православной Церкви в СССР, где говорил о необходимости «признать за правило, чтобы при закрытии церквей решающим считалось не желание неверующей части населения, а наличие верующих, желающих и могущих пользоваться данным зданием»¹. Призыв к необходимости учитывать голос протестующих против закрытия и изъятия молитвенных зданий появился позже в секретной инструкции к постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г., датируемой 20 июля 1930 г. Так, согласно инструкции, при наличии протеста значительной части населения решение административных органов подлежит отмене².

Однако множество жалоб в ВЦИК свидетельствует об обратном: при наличии мнения большинства верующих против закрытия храма, не соблюдении законных норм, необходимых для закрытия, а местами и совершенно незаконно, особенно в сельской местности, храмы закрывались. Характерна жалоба в Президиум ВЦИК от Старского церковно-приходского совета Брянского округа Дятьковского района Западной области от 18.01.1930, где в Президиум с последней надеждой обращается, судя по письму, довольно крепкая религиозная община. Письмо составлено грамотно и написано каллиграфическим почерком. В нем, на основании существующего законодательства о религиозных объединениях, содержится прошение рассмотреть дело о закрытии храма. Против закрытия приводятся следующие аргументы: «1. Храм был построен в 1903 г. самими рабочими, а не капиталистами. 2. Церковный совет и члены учредители общества состоят из рабочих, работниц, домохозяек и граждан поселка, имеющих право голоса. 3. По списку в 1929 г., представленному в Дятьковский ВИК и Брянский Губисполком, общее число верующих было 1096 взрослого населения. 4. Общество верующих не имеет никакого отношения к капиталистическим элементам <...>. 5. Члены общества принимали одинаковое участие с прочими гражданами в вычетах на постройку школы-семилетки, клуба и прочее в надежде сохранить храм. 6. В поселке Стари не ощущается никакой острой нужды в нашем

Дудина – нарсудью привлечь к строжайшей и судебной ответственности. Ник. Олаевич» // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 866. Л.202.

¹ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. С.269.

² Там же. С.282.

молитвенном здании <...>. 7. Не имеется других зданий, где бы верующие могли выполнять свои религиозные обряды <...>»¹. Храм был закрыт с формулировкой: «Принимая во внимание ходатайство трудящегося населения рабочего поселка Старь <...>»². Нам не известно, каков был ответ ВЦИК на эту жалобу и был ли он вообще, так как множество жалоб просто не разбиралось по причине большого количества таковых.

Среди жалоб, поступающих в ВЦИК, есть и такие, которые свидетельствуют не только о нарушении законодательства по закрытию храмов, но и о совершенном беззаконии и беспределе, происходящем не только на селе, но и в городе. Например, Гжатским³ горсоветом была произведена, в нарушение норм постановления «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г., ликвидация Благовещенского собора и Богоявленской церкви. Ликвидация носила характер явного издевательства над религиозными чувствами верующих: крест с храма срывали веревкой, привязанной к трактору, под который подкладывались иконы. А горожане, реагирующие на незаконное закрытие храмов, были арестованы и привлечены к уголовной ответственности «за учинение действий контрреволюционного характера»⁴.

Другой пример, приведенный ниже, также отражает реальную картину происходящего беззакония на местах.

«В Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет. От церковного совета верующих села Самуйлово Кармановского РИКа Ржевского округа.

Просим открыть у нас церковь она закрыта под давлением местной власти, которая назначила на ремонт церкви 17000 р., а ремонта нашей церкви не нужно делать перед закрытием церкви 17 октября 1929 г. всех членов церковного совета вызвали в ячейку и под угрозами заставили подписаться под актом о закрытии церкви. Вся наша округа желает иметь церковь и никогда не соглашалась на ее закрытие пред закрытием церкви над нашей святыней надругались иконы кололи и топили ими печку сосуды кресты евангелия взяли в местную ячейку и куда их девали не знаем из церкви взяли 65 фунтов свечей восковых 33 рубля денег гарное масло диваны ковры куда их девали не знаем. Имущество церкви не принимали по описи священство и также церковный совет не звали во время приема курили в алтаре и 25 октября в церкви устроили вечеринку и плясали там под гармонику несмотря на то, что у нас в селении имеется хороший клуб. Церковь у нас закрыта 20 октября и мы все крестьяне и крестьянки очень возмущены таким бесчинством над нашей святыней и насилием над нашей верой мы хотим молиться и все налоги государству выплатили сполна не знаем теперь

¹ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 921. Л.122, 123 об.

² Там же. Л.128.

³ Гжатск – ныне г. Гагарин Смоленской области.

⁴ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 296. Л.25.

за что нашу церковь закрыли молиться нам негде из риз церковных в местной ячейке диваны сбили Куда же пошло церковное имущество и пожертвование на трудовые гроши наши мы ничего не знаем мы все верующие знаем что Центральная Советская власть не запрещается молиться в храмах и охраняет свободу веры просим защиты просим возвратить нам церковь тысячу верующих ждут от Центральной власти что она возвратит нам храм и помещение церковной сторожки. К сему члены Церковного совета расписались»¹.

Исходя из вышеизложенного, становится вполне понятным категорический запрет власти «применения метода социалистического соревнования в вопросе закрытия церквей»².

В чем заключалась мотивация самого распространенного типа случаев ликвидации храмовых зданий посредством решений собраний сельсоветов? Постановление «О религиозных объединениях» считало, что ликвидация возможна в случае государственной или общественной надобности³. Так называемые «государственные и общественные» нужды предполагали: культурные нужды, школьно-детские нужды, производственно-торговые цели, лечебные цели. Но собрание сельсовета чаще всего обращало внимание на нехватку складских помещений и ссыпных зернохранилищ. Учитывая, что для переоборудования церкви под культурно-общественные цели требовались большие материальные средства, судьба храмового здания была очевидна.

4.3.3 Закрытие храмов по причине их ветхости и отказа производить ремонт

Постановление ВЦИК «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. содержало очередной мотив, ставший с конца 1920-х гг. также одной из основных причин массового закрытия храмов и молитвенных зданий. Наряду с закрытием храма, связанным с государственными и общественными нуждами, этот мотив был в определенные моменты решающим.

Речь идет о статьях 46–52 постановления, где поднят вопрос о ветхости молитвенных зданий и необходимости их ремонта религиозной общиной⁴. Формулировки конкретны и последовательны:

«Если молитвенное здание в силу своей ветхости угрожает полностью или частично обвалом, то административным органам <...> предоставляется право

¹ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 285. Л.168.

² ГАНИСО. – Фонд 5. Оп. 1. Д. 811. Л.6 об.

³ Орлеанский Н.С. Закон о религиозных объединениях РСФСР и действующие законы, инструкции, циркуляры с отдельными комментариями по вопросам, связанным с отделением церкви от государства и школы от церкви в Союзе ССР. С. 241.

⁴ Согласно инструкции НКЮ от 24 августа 1918 г., религиозные общины, взявшие молитвенные здания в пользование ввиду закона о национализации церковного имущества, обязаны производить текущий и капитальный ремонт.

предложить исполнительному органу религиозного объединения <...> впредь до осмотра здания специальной технической комиссией прекратить в нем устройство богослужений и собраний верующих (ст.46)»¹. Как свидетельствуют факты закрытия церквей, под эту статью подпадал практически каждый храм, построенный до революции. И это не из-за того, что состояние с ветхими храмами было критическим, и они были на грани обвала. Можно согласиться только с тем, что храмы в условиях непростых 1920-х гг. требовали текущего ремонта, на который у прихода зачастую не хватало средств ввиду высоких налогов.

Обследование здания надлежало осуществлять технической комиссии, в которую должны входить: «а) представитель местного органа народного образования, если здание культа находится на учете Народного комиссариата просвещения; б) представитель соответствующего административного отдела, районного административного отделения, или волостной милиции, или городского совета города, не являющегося административным центром района или уезда; в) представитель религиозного объединения (ст. 48)»². Столь «широкий» состав технической комиссии, в которую также входила и будущая «потерпевшая» сторона, выносил постановления или о закрытии храма с последующим сносом, или о ремонте с соответствующей сметой затрат.

Почему же церковные общины не могли производить ремонт своих храмов? Как мы упоминали, объективные экономические причины неспособности содержать храмы в должном состоянии были. Это, прежде всего, относилось к сельским храмам. Городские же церкви, в частности церкви Смоленска, были посещаемы и имели хороший бюджет³. Очевидно, что существовали и другие причины невыполнения условий по ремонту церковных зданий. Отголоски ответа на этот непростой вопрос мы находим в письме «служителя культа Сорокоумовского М.», размещенном с пометкой «Откровенно враждебные высказывания» в докладной записке о состоянии религиозных организаций в СССР в контексте их отношения к проекту новой конституции (1936)⁴. Для нас же эта боль, излитая священнослужителем, является показателем реальной картины жизни, отражающей политику Советского государства по отношению к Церкви. Так, среди многочисленных жалоб и предложений священнослужителя имеются и относящиеся к вопросу о ремонте церковных зданий. Вот какие требования предлагает учитывать священник в новой Конституции: «Сметы на ремонт должны быть составлены религиозным обществом, а не комиссией. Сроков для

¹ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. С. 257–258.

² Там же.

³ По подсчетам активистов смоленских безбожников, бюджет смоленского храма составлял 50–60 тыс. рублей в год // Рабочий путь. – 1928. – 24 ноября. – № 273.

⁴ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. С. 300–316.

ремонта не должно быть. Неисполнение ремонта не должно быть причиной закрытия церквей. Заявки на стройматериалы от религиозных обществ принимать наравне с другими заявителями, хотя бы в последних очередях»¹.

Если перефразировать подобные требования, то процесс, связанный с ремонтом храмов, представляется таким. Ввиду имеющейся статьи 46, храм признавался «угрожающим обвалом»² или требующим серьезного капитального ремонта. Комиссией составлялась смета, во многом превышающая необходимые затраты или включавшая в себя затраты на какой-либо второстепенный ремонт, устанавливались сроки ремонта, фактически не выполнимые в реальности. При таких условиях приходской общине запрещалось производить сбор средств на ремонт и подавать заявки на стройматериалы. В конечном итоге создавался конкретный прецедент закрыть храм. Как откровенно отмечалось в цитируемой докладной записке о состоянии религиозных организаций в СССР, «метод закрытия церквей... по причине «ветхости» и «необходимости ремонта»... способ легкий для администраторов, он не требует повседневной, терпеливой работы в массах»³. Поэтому, в некоторых случаях, когда появлялась «заявка» на какой-либо храм, одним из быстрых и эффективных методов кампании по его закрытию было дело по необходимости его ремонта. Так, во многих постановлениях областного исполнительного комитета первым пунктом закрытия храма значится причина – ремонт, вторым – необходимость в здании для каких-либо целей.

Таков итог и кампании по закрытию Верхне-Георгиевской церкви Смоленска, упомянутой нами выше. Несмотря на имевшиеся очевидные и действительные факты против закрытия, церковь все же была закрыта «вследствие отказа религиозной общиной <...> от пользования храмом, ввиду ликвидации общины и отсутствия средств на ремонт и содержание в дальнейшем храма»⁴.

По имеющимся архивным данным, в Смоленске по причине невыполнения ремонта были закрыты следующие храмы: Верхне-Никольская церковь, Свято-Успенский кафедральный собор (23 августа 1933 г.) – под антирелигиозный музей⁵, Троицкая церковь (4 ноября 1934 г.)¹ – передана под техникум физкультуры.

¹ Там же. С.306.

² Статья 46 постановления совершенно ясно указывает на угрозу обвала, но трактовалась эта угроза зачастую широко и с большими перспективами на будущее. Хотя появившийся полтора годами ранее циркуляр НКВД «О порядке закрытия молитвенных зданий и культового имущества от 19 сентября 1927 г. вполне конкретно говорит об «обнаружении явлений в виде обвала этого здания в целом или в отдельных (притворах) частях его», никак не указывая на отдельные недостатки // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 289. Л.113.

³ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. С. 313.

⁴ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 288, Л. 275.

⁵ ГАСО. – Фонд 2361. Оп. 1. Д. 67. Л. 80.

Таким образом, статья 46 постановления ВЦИК «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г., где поднимался вопрос о ветхости молитвенных зданий и необходимости их ремонта религиозной общиной, стала одной из основных причин массовых закрытий храмов и молитвенных зданий².

На основании архивных материалов мы зафиксировали факт административного давления в процессе ликвидации храмов и молитвенных зданий. Каждая из юридических мер представлена в делопроизводственных материалах местных исполнительных органов Западной области и свидетельствует о беспрецедентном административном давлении на религиозные организации в период 1929–1930 гг.

За внешним законодательным формализмом скрывался административный произвол. Многочисленные инструкции, приходящие из центральных органов, не давали объяснений ко всему многообразию жизненных ситуаций, что вело к внешней неопределенности и открывало возможности для властного произвола.

Итак, процесс закрытия храма или молитвенного здания представлял из себя сложную цепочку бюрократических процедур. Прежде всего, необходимо было найти определенную причину, инициирующую юридическое делопроизводство ликвидации храмового здания. С перечнем причин мы ознакомились в вышеописанном параграфе.

4.4 Особенности религиозной политики по закрытию храмов в 1930–1931 гг.

Ослабление масштабного закрытия храмов началось с середины весны 1930 г. и продолжалось до лета 1931 г. Связано это с некоторым снижением насилия в отношении крестьянства, с массовыми выступлениями против коллективизации, закрытия церквей и притеснения духовенства³. Кроме того, существенным образом на ослабление напряжения повлияла критика западноевропейскими странами гонений на Церковь в СССР⁴. Антирелигиозные репрессии на короткое время были ослаблены после публикации в «Правде» 2 марта 1930 г. статьи И. Сталина «Головокружение от успехов» и вышедшего в марте этого же года

¹ Согласно протоколу № 4 заседания комиссии по вопросам культов при Президиуме Запоблисполкома от 4 ноября 1934 г. // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 908. Л.28. Согласно книге учета церквей по Смоленской области, датой закрытия следует считать 20 ноября 1934 г. (дело № 5924) // ГАСО. – Фонд 2361. Оп. 1. Д. 67. Л.80.

² Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. С. 243.

³ Крестьяне требовали прекратить гонения на религию, вернуть закрытые церкви, восстановить все, что разрушено в церквях, вернуть отобранное имущество у священнослужителей и не облагать церкви налогами. Волна протестов докатилась и до центральных властей. Процесс административного закрытия церквей был несколько приторможен. //Полищук, И.С. Духовенство и крестьянство в общественной жизни России. Конец XIX – 30-е гг. XX века (опыт историко-сравнительного анализа) / И.С. Полищук. – Тверь, 2004. – С. 95.

⁴ Бурмистров, Д., священник. Государственно-церковные отношения в 1929–1939 гг.: автореф. дис. ... канд. богосл. наук / священник Д. Бурмистров. – Сергиев Посад, 2009. – С. 17.

постановления ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении». Данное постановление предполагало запрещение «административного» подхода в процедурах закрытия церквей¹. Временная приостановка закрытия храмов в 1930–1931 гг. была связана с гигантским количеством ликвидированных храмов во второй половине 1929 г. Антихрамовая кампания вызвала естественное противодействие со стороны простых граждан. Процессы закрытия церквей часто заканчивались бунтами и социальными волнениями на деревне. Советская власть осуществляла мониторинг текущей ситуации, поэтому в середине 1929 г. был разослан секретный циркуляр ЦК ВКП(б) «О тактичном подходе в деле закрытия церквей», призванный в некотором смысле стабилизировать социальную ситуацию.

Однако призыв к борьбе с «перегибами» в антирелигиозной работе в мартовской постановлении звучал невнятно и двусмысленно: при осуждении «административной» практики ликвидации храмов «администрирование» допускалось «в случае поддержки населения», чего добиться в условиях «воинствующего атеизма», как мы уже отмечали ранее, не представляло труда. О том, что призыв по устранению «перегибов» не понимался как радикальное изменение в антирелигиозной политике, свидетельствует тот факт, что буквально через два месяца после выхода постановления ЦК ВКП(б) от 14 марта «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении»² журнал «Безбожник» писал: «Ни о каком изменении партийной линии решительной и беспощадной борьбы с религией не может быть и речи»³.

Канадский историк Д.В. Поспеловский, ссылаясь на ЦГАОР⁴, упоминает еще об одном секретном циркуляре ВЦИК от 20 июня 1930 г., где среди первых нарушений законодательства о культах обозначено «произвольное изъятие у верующих культовых зданий и одностороннее расторжение с ними договоров»⁵.

Трудно дать однозначную оценку искренности появившихся в 1930 г. постановлений и циркуляров ВЦИК с призывом остановить повсеместное беззаконие по отношению к Русской Православной Церкви. В историографии многие придерживаются мнения, что знаменитая статья И. Сталина «Головокружение от успехов» была лишь авантюрой для «прикрытия глаз» перед Западом и создания общественного мнения о «заботливой» власти в религиозном вопросе. Но можно и предположить, что вышеприведенные постановления ВЦИК действительно отражали реальное стремление «навести порядок» в религиозном вопросе, за что впоследствии многие были обвинены в «правом уклоне», в том

¹ Кашеваров, А.Н. Государство и церковь: из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви, 1917–1945 гг. С. 111.

² Лаговский, И. Коллективизация и религия / И. Лаговский. – PARIS : YMCA PRESS, - 1932.

³ Лаговский, И. Коллективизация и религия. С. 17.

⁴ Центральный государственный архив Октябрьской революции.

⁵ Поспеловский, Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 161.

числе и в отношении к религии. Такого же мнения придерживается и М.И. Одинцов, который, исследуя закон «О религиозных объединениях», разработанный П.Г. Смидовичем и П.А. Красиковым, утверждает, что он имел положительное значение в смысле легализации положения Церкви (даже при таких ограничениях) перед лицом официальной власти, желавшей ее фактически истребить¹. Во всяком случае, в некоторых местах в этот период (с весны 1930 по лето 1931 гг.) можно говорить, по словам Д.В. Пospelовского, об «относительной передышке» для Церкви².

Пересмотр политики закрытия храмов коснулся и деятельности местных властей; в частности, протоколы заседаний Президиума Записполкома свидетельствуют о распространенных случаях отмены процедуры закрытия церкви, а некоторые храмовые здания возвращались верующим. Историк М. Фэйнсод в своей монографии «Смоленск под властью Советов»³ считает, что в действительности Записполком очень редко шел навстречу религиозным общинам и дела о закрытии церквей не пересматривались, в частности, верующим предписывалось обращаться со своими религиозными потребностями в соседние церкви⁴. Записполком акцентировал внимание на факты неуплаты налоговых и страховых взносов религиозной общиной, а также упоминал отдельные обращения населения относительно переоборудования храмовых зданий под «культурные нужды».

Очевидно, что число процессов закрытия храмов на территории Западной области в этот короткий временной промежуток существенно уменьшилось. Статистика, отражающая количество дел о закрытии церквей в период с 3 августа 1929 г. по 14 мая 1931 г.⁵ свидетельствуют о том, что из имеющихся 210 дел, 41 постановление о закрытии было обжаловано верующими⁶, 12 из них получили положительную резолюцию (постановления о закрытии были отменены или ВЦИК, или облисполкомом)⁷. Из общего числа постановлений Президиума (210 дел) имеется 46 постановлений, отменяющих ходатайства окрисполкомов о закрытии храмов (с начала мая), причем динамика к концу 1930 г. заметно снижается. В период с января по май 1931 г. на 57 постановлений Президиума о закрытии церквей приходится только 17 дел с резолюцией не закрывать церкви (10 из них приходятся на май)⁸. Таким образом, за исследуемый период из 210

¹ Одинцов, М.И. Государство и церковь в России. XX век. С. 154.

² Там же. С. 162.

³ Фэйнсод М. Смоленск под властью Советов. С. 459.

⁴ Там же. С. 460.

⁵ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 284. Л. 37–43.

⁶ После апреля 1931 г. обжалований нет // Там же. Л. 41.

⁷ Последняя отмена постановления о закрытии – 20 февраля 1930 г. После апреля 1931 г. обжалований нет // Там же. Л. 40.

⁸ Там же. Л. 42.

дел, рассмотренных облисполкомом, 75 постановлений вернули храмы в пользование верующих.

В начале февраля 1930 г. Смоленский окружной исполком Западной области разослал райисполкомам циркуляр, в котором указывал на допущенные ошибки при расторжении договоров с религиозными общинами и закрытии храмов, а также призывал к соблюдению законодательства в этом вопросе. Смоленский окружной исполком Западной области обвинял райисполкомы в искаженном понимании государственной вероисповедной политики на примере «вопроса о расторжении договоров с религиозными общинами и по ликвидации храмов»¹. Окрисполком напоминал, что в случае процедуры ликвидации храма инициатива должна исходить со стороны исключительно «бедняцко-средняцких масс населения»². В реальности же на местах «закрытие храмов происходит по постановлению Сельсоветов и райисполкомов»³, то есть без широкой поддержки населения. Более того, окрисполком был озадачен, что вопреки Постановлению ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» сельсоветы и райисполкомы самостоятельно расторгли договоры с религиозными общинами на аренду храмовых зданий, «не дожидаясь постановления Окрисполкома, а в отдельных случаях даже Облисполкома»⁴. Напомним, что только эти органы власти имели право расторгать договоры с религиозными общинами.

Окрисполком обращал внимание на незаконную практику «описи имущества и взыскания задолженности с отдельных членов церковного совета»⁵ в случае неуплаты налогов и сборов религиозными общинами. Такая практика противоречила недавним постановлениям Наркомфина СССР, а конкретно циркуляру НКФ СССР от 5 января 1930 г. за № 195, согласно которому «при неуплате допускается только расторжение договора, осуществляемое правомочными на это органами»⁶. Несоблюдение требований, «определенных постановлением ВЦИК и циркуляром Окрисполкома от сентября м-ца 1929 г., могли привести в каждом отдельном случае к поднятию вопроса «о привлечении виновных к ответственности». В конце циркулярного письма подводился итог: осуществление закрытия церквей возможно «после постановления Окрисполкома и в тех случаях, когда будет сделана ссылка на Облисполком»⁷.

Приведенный циркуляр вскрывал несколько «болевых точек» религиозной политики на местах, которые предлагалось исправить на основании существующего законодательства вплоть до привлечения виновных к

¹ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 863. Л. 351.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 863. Л. 351 об.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

ответственности за его нарушение. К этому перечню относилось игнорирование райисполкомами полномочий вышестоящих органов власти (окрисполком, облисполком) в процедуре закрытия храмов. Неоднократные распоряжения и призывы к соблюдению закона и порядка вышестоящих структур часто оказывались не услышанными. Более того, закрытие церквей характеризовалось отсутствием необходимого делопроизводства при расторжении договоров и ликвидации, самоуправством сельсоветов при закрытии храмов «без желания» большинства населения, экономическими притеснениями членов общины верующих за неуплату налогов и сборов.

Все последующие постановления и циркуляры органов власти этого периода выражали попытку «излечить» обозначенные проблемы, но процесс массовой ликвидации храмов за 1929 г. набрал свои высокие обороты, и остановить его в одночасье было нелегко. В итоге – множество жалоб в облисполком от религиозных общин и долгие разбирательства.

17 мая 1930 г. административное управление Западной области разослало «всем начальникам окрадмотделов Западной области» очередной циркуляр вновь с указанием на факты допущения нарушения законодательства. Документ обращает внимание на значительное количество жалоб на незаконные действия «низовых административных органов в части решения вопросов» с религиозными объединениями. Жалобы касались закрытия церквей, передачи церковного имущества религиозным общинам, процесса регистрации религиозных групп и обществ, выдачи разрешений на собрания или шествия и т.д. Жалобщики заявляли, что окружные адмотделы в большинстве случаев не разрешали вопросов, а это вынуждало обращаться в вышестоящие инстанции (административное управление Западной области), создавая тем самым «излишнюю волокиту». Многие жалобы несколько раз проходили по всем областным инстанциям, оставаясь нерассмотренными. В конце документа административное управление Западной области требовало от окрадмотделов придерживаться «постановления ВЦИК и СНК от 8/IV-29 г. О религиозных об"единениях» и «соответственно проводить в жизнь и выполнять задачу, возложенную на административные органы в области наблюдения и контроля за религиозными об"единениями»¹.

Произвол низовых административных органов, осуждаемый в приведенной резолюции, являлся не только отрицательным фактом с точки зрения несоблюдения ими законодательства, но и имел для власти непосредственный идеологический аспект: такие действия низовых властных структур могли привести к недоверию населения политикой государства в целом и «вызвать недовольство трудящегося населения»². Именно в этой связи большинство

¹ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 2952. Л. 155.

² ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 868. Л. 149.

постановлений облисполкома в ходе рассмотрения ходатайств о закрытии церковей первоначально указывает на необходимость решения этого вопроса: «Хотя по делу никаких препятствий к закрытию не имеется, но остается не выявленным отношение к данному вопросу трудящегося населения»¹. Как результат, появляются случаи, когда закрытые храмы по этой причине возвращались верующим: «Ввиду ходатайства верующих о передаче церкви... передать верующим»².

Переписка облисполкома с окружными и районными исполнительными комитетами о закрытии церковей содержит подробный перечень необходимых условий, которые должны быть обязательно соблюдены. В большей мере это касалось всей совокупности данных относительно каждой отдельной церкви или храмового здания: какой была религиозная община, пользующаяся церковным зданием, по своему количеству и социальному составу; как относилось подавляющее большинство трудящегося населения к факту закрытия церкви (к производству приобщались постановления сходов); насколько распространены были в данной конкретной местности молитвенные здания, и не вызовет ли закрытие храма затруднений «в обслуживании религиозных нужд верующих»; для какой цели предполагалось использовать храмовое здание, и пригодно ли оно для использования по назначенной цели? На все эти вопросы необходимо было давать четкие ответы, на основании которых совершалась или запрещалась процедура ликвидации храмового здания. Облисполком предупреждал нижестоящие структуры, что изъятие здания от верующих может последовать лишь в случае, если выйдет соответствующее «постановление Президиума Облисполкома»³.

Обозначенные облисполкомом условия закрытия храмов были тем критерием, который отсекал возможное самоуправство «на местах», будучи невыполнимым без серьезной работы низовых административных органов как в плане работы с населением, так и в своей экономическо-технической составляющей. Хотя некоторые сельские советы и райисполкомы предпочитали лавировать, погружая в долгую переписку или просто в молчание⁴ ложные сведения о народном движении за закрытие церкви и стабильных финансовых возможностях, в то время когда храм уже закрывался и использовался, зачастую без переоборудования, под склад или зернохранилище. Однако незаконные

¹ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 2952. Л. 155.

² ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 1601. Л. 181.

³ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 868. Л. 145–145 об.

⁴ Из письма Западного облисполкома Рославльскому окрисполкому: «<...> окрисполкомом было допущено незаконное закрытие церковей. Окрисполком, к тому же, задерживая ответы на запросы облисполкома (на запрос от 31 декабря 29 г. был получен неполный ответ 11 марта с.г. (1930 г. – В.Р.) и на дополнительный запрос от 18 марта с.г. ответа до настоящего времени (15 июня 1930 г. – В.Р.) не получено), препятствует окончательному разрешению вопроса о церквях» // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 865. Л. 213, 213 об.

закрытия областной исполнительный комитет в ходе разбирательств со всей строгостью отменял.

Интересна в этом отношении позиция ВЦИК, отменявшего постановления самого облисполкома о закрытии церквей¹, стремящегося в своей политике по отношению к религиозным объединениям, как мы указали, к соблюдению законодательства и порядка. Отменялись даже те ходатайства и постановления низовых властных структур, которые имели ранее беспроигрышный вариант – закрытие храма под школу², ввиду неуплаты религиозными обществами налогов за пользование храмами³, а также постановления о закрытии на основании отказа церковного совета от пользования церковью и фактическом ее неиспользовании в течение длительного времени для «целей культа», что к концу 1931 г. стало одним из основных мотивов к ликвидации храма⁴.

Иллюстрацией подробного делопроизводства в рамках закона в отношении указанного последнего мотива может служить следующий пример. В Президиум облисполкома в марте 1930 г. поступила жалоба верующих на незаконное закрытие кладбищенской вознесенской церкви г. Рославля. По постановлению окрисполкома храм был закрыт «ввиду отказа церковного совета от дальнейшего пользования церковью и ввиду многочисленных ходатайств населения» и занят под ссыпку зерна. В ходе разбирательства дела Президиум Западного облисполкома разъяснял, что «отказ церковного совета религиозного общества или же самого религиозного общества от пользования церковью не дает оснований к ее закрытию, так как возможно, что церковь будет взята в пользование другой группой. Закрытие церкви в силу ходатайств населения могло последовать лишь по постановлению Облисполкома»⁵. Указав окрисполкому на нарушение действующего законодательства, областной исполнительный комитет рекомендовал следующее: «Примите меры к возвращению ее (церкви – В.Р.) в пользование верующих. Если же освободить церковь от ссыпанного хлеба в настоящее время не представляется возможным за полным отсутствием помещений, – она должна быть освобождена в первую очередь и возвращена верующим, о чем уведомите последних»⁶.

Аналогичный пример попытки решения возникшего вопроса в рамках закона касается неуплаты религиозными общинами страховых платежей. Хотя он и не содержит в себе факта отмены закрытия церкви, как в приведенном примере

¹ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 863. Л. 155.

² ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 867. Л. 223.

³ «Ввиду заявления верующих о том, что они обязуются уплатить имеющуюся за религиозным обществом недоимку <...> оставить церковь в пользовании верующих» // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 1601. Л. 174. Церкви возвращались верующим также и в случае погашения сумм по страховым платежам // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 936. Л. 105, 125.

⁴ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 867. Л. 69.

⁵ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 863. Л. 101.

⁶ Там же.

выше, но свидетельствует об озабоченности и внимании власти к решению вопроса, что для общин являлось, несомненно, положительным фактором ввиду того, что с конца 1931 г. неуплата налогов приводила к безоговорочному закрытию.

В отношении неуплаты религиозными общинами страховых платежей Секретариат облисполкома обращался в сентябре 1930 г. в Народный комиссариат юстиции для разрешения казусной ситуации. Неуплата страховых платежей вела автоматически к расторжению договора с религиозной общиной верующих, но не к закрытию молитвенного здания. Секретариат облисполкома был обеспокоен тем, что создается положение, когда уплата страхплатежей вообще может не последовать, хотя молитвенное здание и будет находиться все время в пользовании верующих. Ведь после расторжения договора с одной общиной в течение семидневного срока может найтись другая община, жалающая взять храм в пользование¹. Секретариат облисполкома предлагал переносить задолженность по страховым платежам на следующую группу верующих, с которой будет подписан договор о пользовании храмовым зданием. Также Секретариат облисполкома говорил о необходимости для новой общины верующих «внесения аванса на расходы по ремонту, если договор был расторгнут по причине не производства ремонта религиозным об"единением, в пользовании которого находилось до этого молитвенное здание»².

Приведенная ситуация связана больше с финансовой озабоченностью Секретариата облисполкома, чем со стремлением закрывать церкви в таких случаях. Таким образом, перед нами факт соблюдения закона, запрещающего закрывать храмы на основании расторжения договора с общинами верующих. Резолюция Секретариата председателя ВЦИК на поставленный облисполкомом вопрос опровергала его логические экономические доводы. «В случае же передачи молитвенного здания новой религиозной общине к последней могут быть предъявлены требования лишь о производстве ремонта, требования о погашении денежной задолженности старой общины, с которой был расторгнут договор, к новой общине предъявлены быть не могут»³.

Это своеобразная победа для религиозных объединений, которая, конечно, не являлась оправданием самого факта неоплаты налогов, но, учитывая приведенные нами выше тяжелые обстоятельства налогового бремени как части административного притеснения Церкви, давала возможность сохранения или реабилитации приходских общин и храмов.

¹ Очень важное утверждение, так как практически всегда, особенно в сельской местности, это положение не соблюдалось, а если и вывешивалось объявление с предложением взять церковь в пользование другой общиной, то сложившиеся обстоятельства вокруг закрытия храма не позволяли на него законно реагировать. Единственное, что в таких случаях предпринимали общины верующих, – жалобы в вышестоящие органы власти.

² ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 863. Л. 376, 376 об.

³ Там же.

Характерным для исследуемого периода является то, что облисполком, рассматривая дела о незаконном закрытии церквей, не только отменял последние на основании кропотливого делопроизводства, но и привлекал к ответственности виновных. Так, для закрытия церкви в с. Кубарово Духовщинского РИК были собраны все основания: постановление общего собрания граждан, где решили использовать храм под школу, в которой «крестьянин-бедняк может обучить своего сынишку», а не кормить «толстопузого батю», который «нас объедает, <...> одурманивает и затемняет наши мозги»¹; подписка членов церковного совета, отказывающихся от занимаемых должностей и не возражающих против закрытия церкви². Однако на этом фоне убедительных оснований была также и жалоба верующих села на незаконное закрытие церкви, которая облисполкомом была направлена облпрокурору «для расследования и привлечения виновных к уголовной ответственности»³, а храм был возвращен верующим⁴. Серьезное разбирательство прокуратуры с выездом на место агента уголовного розыска для проведения допросов свидетелей и подозреваемых состоялось в ходе расследования дела о «незаконных действиях м/властей в отношении сл. культа»⁵ <...> и закрытия церкви <...> адм. порядком»⁶, в итоге которого храм возвратили церковной двадцатке⁷. В другом случае за непредставление председателем РИК на посылаемые запросы в течение двух месяцев сведений об исполнении постановления ВЦИК относительно оставления церковей района в пользовании верующих «административному лицу объявили выговор»⁸.

Можно предположить, что такая строгость исполнительной власти к низовым структурам при последовательном проведении такой политики могла бы привести последних к ответственности и значительно сократить количество противозаконных самоуправств на местах. Но, увы, к концу 1931 г. подобных серьезных разбирательств уже не встречается и в отношении закрытия церквей, и особенно в отношении «служителей культа», открытые административные и экономические гонения на которых начинают набирать обороты.

Наряду с законным принципом, свидетельствующим, что «расторжение договора с религиозным обществом еще не влечет за собою закрытия церкви», в исследуемых документах этого периода фигурирует и обратный: «закрытие церкви не влечет за собой ликвидацию религиозного объединения».

¹ Там же. Л.9.

² Там же. Л.11.

³ Там же. Л.12.

⁴ Там же. Л.13.

⁵ Священника Богословского отправили на лесозаготовки, конфисковав имущество, а по возвращении, угрожая посадить «туда, откуда никто не возвращается», предложили: «Выкатывайся от нас, тебе здесь делать нечего» // Там же. Л.57.

⁶ Там же. Л.56.

⁷ Там же. Л.71.

⁸ Там же. Л.142.

Начавшееся в 1929 г. массовое закрытие церквей привело к тому, что, по словам Адмуправления Западной области, «за последнее время по нашей Западной области большое количество церквей закрыто по различным основаниям, а вместе с ними прекратили свое существование и религиозные объединения по таковым»¹. В итоге возникла очередная казусная ситуация, о разрешении которой Адмуправление обратилось в НКВД: как быть с такими религиозными объединениями, обращающимися с просьбой об их регистрации в связи с постановлением НКВД от 1 сентября 1929 г., согласно которому «все фактически существующие на территории Р.С.Ф.С.Р. религиозные культы, независимо от того были ли они зарегистрированы органами власти или нет, обязаны зарегистрироваться не позднее 1-го Мая 1930 г. по месту своего нахождения в Административном Отделе или местном Сельсовете»²? Вторая грань вопроса заключалась в том, что «многие из обращающихся не имеют специально приспособленных для совершения богослужения зданий, хотя частью 2-й п.21 инструкции № 328 о правах и обязанностях религиозных объединений допускается возможность использования под означенные цели и специально непригодных (например, жилых помещений), но при условии соблюдения технических и санитарных правил»³.

Озабоченность Адмуправления вызывал тот факт, что «в сельских местностях такими помещениями могут служить лишь обыкновенные крестьянские хаты, безусловно не приспособленные ни в коей мере для отправления там культовых обязанностей – это во-первых, и во-вторых – широкое применение совершения религиозных обрядностей в таких крестьянских хатах будет проходить на прямо-таки легальное насаждение этих религиозных групп и обществ по замкнутым крестьянским хатам»⁴.

Это обстоятельство вызывало обеспокоенность Адмуправления в части затруднения в дальнейшем административным органам «надлежаще наблюдать за деятельностью религиозных объединений»⁵. Поэтому Административное управление обращалось в НКВД с просьбой «раз'яснить, следует или не следует регистрировать религиозные общества при условии отсутствия у последних специальных приспособленных для совершения культовых обязанностей помещений»⁶.

Своевременный вопрос при наличии факта ликвидированных общин после закрытия храмов и вышедшего постановления о перерегистрации со столь широкой формулировкой. Однако ответ НКВД, отраженный в циркуляре

¹ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д.2952. Л. 156.

² Там же. Л. 378.

³ Там же. Л. 156.

⁴ Там же. Л. 156 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Адморготдела от 18 июня 1930 г. и адресованный «всем нач-кам Оккрадмотделов Запобласти», содержал информацию, направленную отнюдь не в пользу усиления административного контроля над религиозными объединениями и ограничения их деятельности:

«На запросы с мест по вопросу о регистрации религиозных об"единений, не имеющих специальных зданий для молитвенных собраний, – Административное Управление раз"ясняет, что закрытие молитвенного здания ни в коем случае не следует понимать как ликвидацию религиозного об"единения, которому это здание было ранее передано по договору в бесплатное пользование.

Указанные об"единения, если они не были ликвидированы в порядке ст. 61 и 62 инструкции НКВД № 328 от 1/Х-29 г., несмотря на то, что их деятельность в связи с закрытием молитвенного здания временно прекратилась, – необходимо считать действующими и подлежащими регистрации на общих основаниях.

Ставить при регистрации и перерегистрации религиозного общества обязательное условие наличия помещения для молитвенных собраний – нецелесообразно, так как отказ адморганов на этом основании в регистрации может привести к тому, что указанные религиозные группы уйдут в подполье и адморганам будет затруднено осуществление контроля за ними.

Кроме того, такое административное мероприятие может быть истолковано в нежелательном для нас отношении, как посягательство на свободу совести, установленную ст. 4 Конституции РСФСР»¹.

Последний абзац циркуляра имеет очень важное значение и подчеркивает необходимость осуществления в работе с религиозными организациями уважения религиозных чувств верующих, основанного на законе государства. Смеем предположить, что при соблюдении в дальнейшем этого принципа в вопросе существования религиозных объединений и взаимоотношения с ними, административные методы прекратили бы свое существование. Однако на практике РИК и окружкомы зачастую отказывали общинам в регистрации, требуя наличия «здания культа», а также исполнения дополнительных условий: «указать, где будет молитвенное здание, пригодность его с приложением акта осмотра этого помещения – акт должен быть составлен Комиссией технического осмотра»².

В контексте рассуждений о праве на регистрацию религиозных организаций в случае отсутствия храма заслуживает внимания то, что подобное право они имели и при отсутствии священника, что станет одной из причин в недалеком будущем останавливать закрытие церквей ввиду «распада» общины. Так Административное управление Западной области отвечало на соответствующий вопрос: «Религиозную общину при отсутствии служителя религиозного культа

¹ Там же. Л. 199, 199 об.

² Там же. Л. 324.

Вы можете зарегистрировать при условии представления общиной на лицо, кооптированное или заменяющее служителя культа, производящее религиозные обряды»¹. Не вдаваясь в канонический аспект возможности совершения богослужений и таинств только священником, можно утверждать, что в таком случае религиозные общины могли продолжать свое существование, устраивая общие молитвенные собрания.

Приведенные факты положительного для религиозных общин решения вопроса с начавшейся перерегистрацией были действительно неоспоримым благом для последних. Хотя, можно утверждать, что дело с перерегистрацией религиозных объединений могло бы стать и очередным серьезным мотивом к закрытию храмов. В этом ключе можно с уверенностью сказать, что власти наоборот проявили внимание и снисхождение к религиозным организациям, кроме прочего продляя сроки перерегистрации², признавая здесь и свои собственные ошибки. Отзываясь на случаи, когда к указанному сроку большинство общин не зарегистрировалось, областная исполнительная власть, говоря о пассивности религиозных организаций, указывала и на недостаточность уделенного внимания этой работе со стороны районных адмотделов³, когда в некоторых районах «отдельные религиозные общины совершенно не знали о проходившей регистрации»⁴.

В этой связи немаловажное влияние на формирование такой веротерпимости оказывал упоминаемый нами аспект, характерный для исследуемого периода, а именно удержание у людей доверия к власти и исключение народного недовольства. В своем письме в НКВД Административное управление Западной области, возражая против принятия скорых санкций к не перерегистрированным общинам, рассуждало, что «это было бы политически неверно и вызвало бы, неизбежно, недовольство наиболее отсталых слоев крестьянства, создав тем самым, до некоторой степени, благоприятную обстановку для различных сплетен и распространения контрреволюционных слухов и агитаций со стороны кулацко-зажиточной верхушки деревни»⁵.

В заключение следует отметить, что в исследуемых постановлениях Комиссии по вопросам культов при Западном облисполкоме вплоть до конца 1932 г. случаев закрытия храмов нами не обнаружено⁶. А единственные возможные частные случаи таких закрытий в районах области отменялись следующей

¹ Там же.

² С момента начала кампании по перерегистрации (1 сентября 1929 г.) окончательная дата (1 мая 1930 г.) сдвигалась вначале до 1 октября 1930 г., затем до 1 января 1931 г. // ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 2952. Л. 378; ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 865. Л. 3.

³ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 2952. Л. 378.

⁴ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 865. Л. 3.

⁵ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 2952. Л. 378.

⁶ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 935; ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 936; ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 1601; ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 1605.

формулировкой: «Согласно постановления Постоянной Комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросам культов от 24 февраля 1931 г. <...>, закрытые, вследствие не перерегистрации, молитвенные здания подлежат возвращению в пользование религиозных об"единений»¹.

На основании проанализированных материалов можно сделать определенные выводы в отношении того, как в течение короткого периода времени формировалось и изменялось законодательство о религии. Появившееся буквально через год после постановления ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» от 24 января 1929 г. постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» от 10 марта 1930 г. призывало к сдержанности в административном подходе и более внимательному отношению к закрытию храмов и молитвенных зданий. Такое изменение законодательства хорошо видно на примере серьезного ослабления процесса ликвидации церковных зданий в означенный период и появления ряда постановлений, циркуляров и резолюций, направленных на недопустимость административного нажима и силовых методов, призывающих к законному делопроизводству и уважению чувств и религиозных интересов верующих.

Выводы

1. Закрытие храмов и молитвенных зданий с 1923 по 1928 гг. в Смоленской губернии было локальным и эпизодическим, и характеризуется стремлением советской власти придать этому процессу законный характер с соблюдением прав и интересов религиозных общин. Нахождение этого вопроса под контролем ВЦИК и в компетенции Президиума Губисполкома, серьезная документальная процедура с необходимостью тщательного обоснования мотивов и причин закрытия освобождало религиозные общины от произвола и жесткого администрирования со стороны местных властей.

2. Однако данный период характеризуется также стремлением власти ожесточить законодательство в отношении религиозных организаций, препятствуя регистрации новым религиозным общинам, запрещая проведение богослужений и собраний вне храмового здания, что создавало прецедент появления случаев вынесения в некоторых уездах без санкции Губисполкома постановлений о закрытии церквей. Появление в апреле 1929 г. постановления ВЦИК «О религиозных объединениях» стало началом широкомасштабной кампании по закрытию церквей, ликвидации молитвенных зданий и изъятию церковного имущества. Данная законодательная норма была успешно реализована в г. Смоленске и по всей новообразованной Западной области массовым

¹ ГАСО. – Фонд 2360. Оп. 1. Д. 862. Л. 293.

закрытием церквей в 1929 г. Документальные материалы смоленских архивов, касающиеся ликвидации каждого храмового здания, представляют собой целое делопроизводство, включающее в себя различного рода обращения, протоколы, постановления, переписку, жалобы, акции в печати и пр. Именно на основании документальных материалов Запоблисполкома удалось не только узнать о судьбе многих закрытых храмов на Смоленщине, но и охарактеризовать в подробностях антирелигиозную региональную политику.

3. В данной главе сделана попытка показать практическую реализацию советского законодательства в отношении закрытия храмов в Западной области, произведена классификация мотивов, методов работы и практики. Анализ экономического мотива ликвидации церковных зданий связан с ситуацией неуплаты страховых платежей и налогов религиозными общинами за церковное здание и землю под ним. Сумма платежей состояла из налоговых и страховых выплат и в действительности была практически не под силу церковным общинам. Сами налоговые и страховые тарифы образовывались, не имея четких критериев и формул оценки и не соотносясь с законодательной базой по вопросам налогов. Местные власти зачастую устанавливали налоговые и страховые тарифы, основываясь не на текущем законодательстве, а на свободном волеизъявлении. Отсюда громадные суммы платежей, вынуждающие общину отказаться от пользования храмом по причине неуплаты. Религиозные организации, не имея статуса юридического лица, приравнивались к частным, тем самым любая сделка облагалась налогом по высокой ставке. Ко всему перечисленному добавлялись весьма экзотические налоговые поборы: покупка облигаций на госзаймы, авторские отчисления при исполнении церковных произведений и т.п. Итог подобного экономического давления очевиден, о чем свидетельствуют протоколы Запоблисполкома: многие религиозные общины не выдерживали налогового гнета и распускались, что являлось веской причиной с позиции законодательства для закрытия храма. Другим фактором экономического давления на религиозные общины, приводящим впоследствии к закрытию храма, было требование производить ремонт храмовых зданий. Требование от властей не текущего, а капитального ремонта, зачастую в сжатые сроки, высокие цены для представителей церковных общин на материалы и не возможность зачастую их просто приобрести, приводили к созданию прецедента нарушения общинами законодательства и постановлений и, как следствие, к закрытию «аварийного» храма и передаче его светским организациям. Учитывая беспроявительность подобного рода мотивации, где религиозная община представлялась не способной содержать храм, а сам храм, таким образом, признавался находящимся в аварийном состоянии и опасным для нахождения в нем людей, данный мотив, особенно в ситуации острой необходимости заполучить быстро церковное здание, был очень востребован и являлся одним из основных. Передача церковных

помещений «под общественно-культурные нужды» предполагала с точки зрения антирелигиозной пропаганды некие «благие» цели. Процедура будущего изъятия включала широкую кампанию в прессе, где обличались и осуждались приходские общины, использующие храмовые помещения во время редких богослужений для небольшого количества прихожан на фоне жилищного кризиса и необходимости помещений для общественных и культурных нужд. Совершая подсчеты верующих и количество храмов, власти предлагали приходским общинам посещать другие храмы, находящиеся поблизости (в сельской местности – в соседнем селе), а освободившиеся отдавать в пользу государства. Решения о передаче церкви под культурно-общественные или другие «полезные» нужды принимались на общественных советах путем голосования большинства присутствующих. Документы смоленских архивов показывают, что количественное «большинство» за закрытие храма создавалось искусственно на бумаге, а данные фальсифицировались. В сельской местности, где религиозность населения была значительно выше, и приходские общины были крепкими, подсчет голосов происходил с позиции административного давления и угроз и при большинстве голосов против закрытия храма храм закрывали местные власти. В действительности «благие» цели для закрытия храма в ряде случаев не достигались, особенно в сельской местности. Переоборудование храмовых зданий «под общественно-культурные нужды» оказалось чрезвычайно дорогостоящим предприятием, в особенности для скудных сельских бюджетов. Поэтому чаще всего в сельской местности храмовые здания разбирались на стройматериалы, использовались как овощные или зерновые хранилища, или просто пустовали. Лишь малая часть церквей оказалась впоследствии переоборудованной: храмовые просторные помещения делились на части и арендовались различными организациями.

4. Такое положение, безусловно, волновало верующих, вызывало глубокое неприятие вероисповедной политики советской власти и находило свое выражение в сопротивлении государственной машине. Массовые выступления в начале 1930-х гг., вызванные реакцией на грубые нарушения в области вероисповедного законодательства, привели к ослаблению кампании по закрытию храмов. Среди документов весьма важное место для текущего исследования занимает правозащитная деятельность церковных советов, которые пытались обжаловать процесс закрытия храмов и доходили в своей борьбе до самых высоких властных инстанций, вплоть до ВЦИК. Архивные материалы свидетельствуют об отмене или приостановке региональных распоряжений в отношении закрытия храмовых зданий, а также возвращения некоторым приходским общинам. Однако, многие решения ВЦИК, отменяющие закрытие храмов, на самом деле оказывались лишь временными отсрочками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные выводы диссертации

Цель и задачи представленной работы достигнуты в той мере, насколько это позволяет сделать нынешний уровень исследования архивных документов. Но даже фрагментарно проведенное исследование дает возможность говорить о необходимости открытия и анализа всех материалов представленной темы взаимоотношений Церкви и советской власти на рубеже 1930-х гг.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Анализ динамики развития антирелигиозной политики советской власти на протяжении 1920-х гг. позволяет говорить о следующем: 1920-е гг. отличались тем, что в этот период времени оформлялась политическая система богоборческого государства, закладывалась нормативно-правовая база изъятия у Церкви ее имущества, беспрецедентных преследований священнослужителей и мирян. Фундаментом вероисповедной политики Советского государства в период НЭПа была стратегия административного давления на Русскую Православную Церковь, выражавшаяся в непрекращающихся попытках полностью контролировать церковную институцию. После периода относительной стабилизации административно-репрессивного характера гонений (1923–1927), когда большевики сделали ставку на развал Церкви изнутри и антирелигиозную пропаганду, ввиду неэффективности последних, а также вследствие взятия на себя партией во главе с И. В. Сталиным государственного управления, начался новый этап развертывания антирелигиозной политики в административном ключе. Начиная с 1927 г., наблюдается смещение партийного курса в реализации вероисповедной политики, вызванное обстоятельствами внутривластной борьбы и недостаточной результативностью антирелигиозной политики предыдущих лет. Стабильный формат церковно-государственных отношений периода «религиозного НЭПа» сменился административно-репрессивными методами регулирования конфессиональной деятельности. Одновременно смещались акценты и в практическом осуществлении религиозной политики, сосредотачивающейся непосредственно в руках ОГПУ и НКВД, что, соответственно, приводило к переориентации методов работы в сторону административно-репрессивных. Новая волна гонений умело скрывалась партийным руководством под видом классовой борьбы с контрреволюционными элементами в процессе строительства социализма, показывая, что как таковых гонений в СССР нет. Антирелигиозная политика советской власти заключалась не во внешних репрессиях по отношению к религиозным организациям, а в классовой борьбе с «контрреволюционными силами», с которыми и ассоциировались религиозные объединения. Таким образом, разделение народа на

фоне «кровных интересов масс» способствовало формированию антирелигиозного сознания, ставшего затем основой будущего оправдания закрытия храмов и изъятия колоколов. Антирелигиозная кампания второй половины 1920-х гг. оказалась масштабным политическим курсом, системным аппаратом репрессий и истребления целого класса населения, по сути, ставшего лояльным советской власти. Репрессивная политика советской власти, продвигаемая и, по сути, возглавляемая партией, изменялась в течение времени второй половины 1920-х гг. и отразилась в принятии целого ряда фундаментальных с точки зрения постановки вопроса об антирелигиозной работе законодательных актов. Антирелигиозное законодательство, ранее создававшее, хотя и ограниченные, но определенные условия существования Церкви и религии в Советском государстве, теперь было направлено на создание таких условий, при которых это существование будет невозможным. Антирелигиозная политика пошла по самому радикальному пути воинствующего атеизма и полного истребления религиозных организаций. Точкой отсчета этого пути стало постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. Предыдущие атеистические преследования Церкви чаще всего были спорадическими или локальными и не носили системного характера. Указанное постановление фактически ограничивало все религиозные организации рамками «удовлетворения религиозных потребностей» и вытесняло их на периферию социума с полным запретом какой-либо общественной деятельности. В антирелигиозной политике рубежа 1920-х гг. основным было два: идеологическое и административное. В первой половине 20-х гг. XX в. преобладает идеологическое давление на конфессиональные структуры. Построение антирелигиозной пропаганды в Советском государстве в начале 20-х гг. XX в. не носило ярко выраженного политического характера и основывалось на идее образования народных масс и воспитания нового сознания населения страны через атеистическое просвещение путем развенчивания религиозных верований и пропаганды научно-материалистической знаний. Успехи борьбы с религией напрямую связывались с успехами социалистического строительства. Некоторые политические деятели были сторонниками налаживания диалога с Русской Православной Церковью, в том числе и в рамках правового поля, и придерживались стратегии приостановки «военного коммунизма». С 1927 года начинается процесс выработки нового законодательства в отношении организации антирелигиозной пропаганды в сторону ее структурирования и выработки мер по усилению антирелигиозной работы. Вопросы антирелигиозной работы перестают быть только уделом агитационно-пропагандистского отдела партии и Союза безбожников. Новое наступление на религию включало в эту борьбу практически все структуры государства, в том числе органы НКВД и ОГПУ, изменяя пропагандистский аспект этой борьбы на административно-

репрессивный. Четко и последовательно обозначенные задачи были отражены в постановлении ЦК ВКП(б) «О мерах усиления антирелигиозной работы», утвержденном 24 января 1929 года, а затем в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 года. Данные документы содержат основные теоретические положения и практические приемы, определившие характер вероисповедной политики СССР вплоть до конца 30-х гг. Таким образом, советским партаппаратом создается целая нормативно-правовая база для полномасштабной антирелигиозной кампании. В 1929 г. внесен ряд поправок в Конституцию РСФСР, запретившим на высшем государственном уровне религиозную пропаганду, легализовав при этом как единственную антирелигиозную, а значит и исключаящую возможность проповедовать религию, совершать богослужения за пределами религиозных зданий. Учитывая конституционный запрет на религиозную пропаганду, грань между антисоветской агитацией и религиозной проповедью фактически стиралась, а ее оценка отдавалась на откуп местным чиновникам. Переименование в 1929 г. Союза безбожников в Союз воинствующих безбожников отражало новую стратегию построения антирелигиозной пропаганды с четким определением новых задач, методов и форм антирелигиозной работы, где количество превалирует над качеством: вовлечение в безбожие всего населения страны, охват антирелигиозной работой всех сфер жизни и деятельности. Антирелигиозная пропаганда отныне приравнивалась к партийной работе, становилась важнейшим фронтом социалистического строительства, противодействие или поверхностное отношение к которому расценивалось как антисоветская деятельность. Итогом изменений в религиозной политике Советского государства к концу 1920-х гг. явилось то, что за короткий промежуток времени она приняла целенаправленный, воинственный административно-репрессивный характер, была создана юридическая платформа для будущих всеохватывающих гонений, Церковь была отодвинута за рамки жизни и существования в этом государстве и обществе, духовенство и верующие получили клеймо «врага народа» и социалистического строительства, а их деятельность во многом стала расцениваться как контрреволюционная. Антирелигиозная кампания Советского государства второй половины 1920-х гг. стала не только войной с религией как идеологией, мешающей для построения нового общества, но и оказалась на практике настоящей войной против истории, культуры, традиций и большинства людей, бывших по своему вероисповеданию православными, а по политическим убеждениям лояльными советской власти.

2. С середины 1920-х гг. происходит фундаментальное структурное изменение в отношении организации антирелигиозной пропаганды. Изначально дело антирелигиозной пропаганды принадлежало агитационно-пропагандистскому отделу ЦК РКП(б) – ВКП(б). В дальнейшем Союз

безбожников сфокусировал в себе основную антирелигиозную работу, оставив за агитпропом руководящие функции. Организованный в 1925 г. Союз безбожников Смоленской губернии выстраивает процесс систематизации антирелигиозной пропаганды на фоне критики существующих недочетов чрез создание на территории Смоленской губернии разветвленной сети ячеек Союза безбожников, централизованно подчиняющихся губернскому органу. Таким образом устроенная структура должна была стать мощной платформой антирелигиозной пропаганды в регионе. Начальная деятельность Союза безбожников Смоленской губернии была связана с изучением состояния «церковно-сектантского фронта», разработкой методических форм работы, составлением образовательных и пропагандистских программ, построением системы антирелигиозных кружков при ячейках, вовлечением в антирелигиозную работу активной части интеллигенции, организацией снабжения антирелигиозной литературой. Программа антирелигиозной работы, построенная на понимании необходимости использования для борьбы с «религиозными предрассудками» населения естественнонаучного атеистического просвещения, планировалась как продолжительный и системный процесс, в ходе которого религия должна естественным образом уйти из жизни людей. Данная задача реализовывалась как антирелигиозное просвещение в библиотеках, читальнях, кружках через литературу, лекции и диспуты, и, таким образом, ограничивала пропаганду территориально и по численному охвату. Такая пассивная форма построения антирелигиозной агитации и пропаганды не носила воинственного характера, сохраняла бытие Церкви в рамках закона и защищала от произвола властей. Однако отчеты о деятельности Союза безбожников Смоленской губернии в период с 1925 по 1928 гг. свидетельствуют о том, что антирелигиозная работа была не эффективна в силу множества факторов и обстоятельств, незначительном влиянии атеистической агитации в особенности среди крестьянского населения. Причинами слабой антирелигиозно-пропагандистской политики стали дезорганизация руководящих структур, легкий агитационный характер антирелигиозной пропаганды (диспуты, скороспелые спектакли), отсутствие опытных пропагандистов и централизованных планов работы, бюрократизм, отсутствие финансирования, формирование ячеек из беспартийных членов, точечные и кампанейские подходы, произвол и бесчинство на местах, не понимание сути антирелигиозной работы, недооценка антирелигиозной работы со стороны партийных, комсомольских и профорганизаций, формальные директивы АППО, полная дезорганизация намеченной системы антирелигиозной пропаганды, неумение и нежелание работать. Кардинальное изменение религиозной политики Советского государства в 1929 г. отразилось и в части постановки организации и проведения антирелигиозной пропаганды. Новые задачи, формы и методы антирелигиозной работы отражаются в документальных

материалах Западной области. Происходит переход от идеологического просвещения к построению пропаганды на административно-репрессивной платформе. 1929 г. стал началом развертывания массивного антирелигиозного наступления. Метод жесткого администрирования стал главной региональной стратегией в сфере вероисповедной политики, а антирелигиозная пропаганда, находящаяся с этого времени под контролем АППО, ОГПУ и НКВД, стала идеологической частью крупномасштабной антирелигиозной кампании. Документы Союза безбожников Смоленской губернии, а впоследствии, Союза воинствующих безбожников Западной области свидетельствуют о новом понимании организации антирелигиозной пропаганды, которая теперь представляет собой не образовательный процесс, а одно из политических направлений работы, неотрывно связанной с общим политическим курсом Советского государства – классовой борьбой с религией и верующими как контрреволюционной силой, противодействующей социалистическому строительству. Массовая работа Союза воинствующих безбожников на новом этапе своего развития предполагала не только всестороннее развитие антирелигиозной агитации и пропаганды, но внедрение антирелигиозной работы во все сферы жизни общества, особенно в сферу образования и воспитания, делая атеизм её неотъемлемым фундаментом. Одновременно ставятся задачи выделять лучшие кадры на антирелигиозную работу и рассматривать деятельность коммунистов Союза воинствующих безбожников «как партийную нагрузку», вводить новые должности специалистов в области антирелигиозной работы, проводить карательную политику в отношении руководства религиозных организаций; организовать активную антирелигиозную пропаганду в региональной печати. Среди поставленных задач обращает на себя внимание факт необходимости проведения Союзом воинствующих безбожников ранее не свойственной деятельности – подрыва экономической мощи религиозных организаций, усиления внутрицерковного раскола и разложения Церкви изнутри. Обращает на себя внимание факт, ставший причиной ослабления в Западной области ожесточения вероисповедной политики Советского государства и проведения активно в действие административно-репрессивных форм борьбы с Церковью, духовенством и верующими. Существенной исторической особенностью, повлиявшей на воплощение антирелигиозной политики в регионе, было административно-территориальное изменение Смоленской губернии, связанное с образованием декретом президиума ВЦИК от 14 января 1929 г. Западной области с центром в г. Смоленске. С этого момента партийные и административные структуры новообразованной Западной области, а также региональный Союз безбожников были охвачены решением организационных вопросов по районированию. Таким образом, изменение курса антирелигиозной политики в 1929 г., инспирированное партией, отражается и в документах

Западной области и выражается в подчеркнутой смене акцентов на характере, формах и методах антирелигиозной работы – переходе с построения последней на сугубо идеологической пропаганде в сторону административно-репрессивных методов: создания единого антирелигиозного фронта и развертывания антирелигиозного наступления.

3. 1929 г., ввиду появления постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», стал временем начала крупномасштабной кампании ликвидации церквей и молитвенных зданий. На основании данной законодательной нормы властью был выработан протокол действий, применяемых при ликвидации храмов и молитвенных зданий. Выстраивалась нормативно-правовая коллизия, когда в случае закрытия церкви виноватой оказывалась сама религиозная община, якобы не соблюдавшая законные предписания. Истинные мотивы антирелигиозной политики скрывали за буквой закона. Исследование выявило несколько мотивов закрытия храмов: несоблюдение налогового законодательства, государственные или общественные нужды в церковных зданиях и помещениях, отказ религиозных общин осуществлять ремонт храмового здания и т.д. Каждая из юридических мер представлена в делопроизводственных материалах местных исполнительных органов Западной области. Анализ методов работы и практики по закрытию храмов и церковных зданий с целью выявления истинного механизма реализации закона показал, что почти все мотивы к законному исполнению создавались искусственно с применением фальсификации данных на фоне возрастающего административного давления и беззакония на местах. Исследование первого мотива закрытия храмов в случае неуплаты страховых платежей и налогов, имеющего в своей основе экономическую составляющую, показало, что огромные суммы страховых платежей и налогов изначально устанавливались с позиции невозможности их будущей выплаты при отсутствии четких критериев и формул оценки, а также конкретной законодательной базы по вопросам налогов. Это давало неограниченные возможности местным страховым органам в установлении сумм платежей, а местным властям, особенно в сельской местности, на основании неуплаты «законно» закрывать храмы. Стремление власти навести порядок в налоговом вопросе выразилось в том, что к 1930 г. налоговая стоимость церковных зданий стала учитываться без включения в оценку предметов внутреннего интерьера и религиозного культа; суммы страховой платы за церковные здания были оставлены в пределах определенной ранее нормы, а оплата земельной ренты стала осуществляться на общих основаниях. Ликвидация молитвенного здания для государственных или общественных нужд стала одним из основных мотивов закрытия храмов с начала «фронтальной» атаки на Церковь в 1929 г. Протоколы областного исполнительного комитета Западной области периода 1929–1930 гг. свидетельствуют, что в половине случаев ликвидация

храмовых зданий осуществлялась на основании «ходатайств» населения; также важным фактором для закрытия являлся отказ самих общин от пользования храмовым зданием. Противостояние верующих «благородным» целям использования храмов под школу, госпиталь, дом инвалидов и т.д. создавало прецедент противостояния народа и власти и рассматривалось как спланированные действия «контрреволюционеров». Установлена следующая схема практического осуществления данного мотива: на появляющийся «заказ» создавалось требуемое законом желание «большинства» – или через печать путем развертывания кампании, или путем фальсификации цифр о широком безбожии и желании населения, или путем давления и угроз, как правило, в сельской местности. Размытость законодательного регулирования позволяла фальсифицировать практически любые дела, касающиеся ликвидации храмов и молитвенных зданий. В итоге храм закрывался. Напротив, множество жалоб во ВЦИК свидетельствует о том, что при закрытии храма мнения большинства верующих не учитывали, а обжалование на местном уровне безосновательно отклоняли. Очередной мотив закрытия храмов – по причине их ветхости и отказа религиозной общины производить ремонт – наряду с закрытием храма по причине государственных и общественных нужд был в определенные периоды основным и решающим. Под эту статью подпадал практически каждый храм, построенный до революции. В основе указанного мотива лежал все тот же экономический аспект: при условии естественной необходимости текущего ремонта в период непростых 1920-х гг. приходским общинам зачастую не хватало средств из-за высоких налогов. С другой стороны, смета на ремонт храма, установленная соответствующей комиссией, во многом превышала необходимые затраты или включала в себя затраты на какой-либо второстепенный ремонт. Ремонт ограничивался минимальными сроками, не предполагавшими реальное выполнение. Более того, строго запрещались приходские сборы средств на ремонт и подача заявок на стройматериалы. В конечном итоге, невозможность осуществления требуемого ремонта создавал законный повод для закрытия храма. Проведенное исследование выявило, что в период 1930–1931 г. начавшаяся волна массовых выступлений населения против повсеместного закрытия церквей привела к некоторому смягчению процесса изъятия. На территории Западной области храмы фактически не закрывались, происходит прекращение практики закрытия храмов административным путем, а центральные власти призывают региональные власти уважать чувства верующих и соблюдать установленное законодательство. Это отразилось в отказах низовым властным структурам в закрытии храмов без подобающего делопроизводства и истинных причин, вернуло некоторые закрытые храмы, осудило произвол «на местах» и ввело за него ответственность, в том числе и уголовную, дало религиозным объединениям возможность отстаивать свои права. В этот период отменялись даже те

ходатайства и постановления низовых властных структур, которые имели ранее беспроигрышный вариант: закрытие храма под школу, ввиду неуплаты религиозными обществами налогов за пользование храмами и т.д. Показательным является так же установленный факт, когда в сложившихся обстоятельствах, при которых многие религиозные объединения не произвели перерегистрацию и, соответственно, должны были по закону быть ликвидированы, власти в лице облисполкома и НКВД отстаивали права последних, предоставляя отсрочки и обвиняя низовые структуры в недостаточной организации процесса. В стремлении соблюдения законодательства, хотя и содержащего в своей основе административный характер отношений к религиозным объединениям, обозначилось два принципа, которые каким-либо образом могли гарантировать религиозным общинам шанс на существование и защиту своих прав: во-первых, расторжение договора с религиозным обществом еще не влечет за собой закрытия храма; во-вторых, закрытие храма не влечет за собой ликвидации религиозного объединения. Представленные в исследовании выводы позволяют более многогранно охарактеризовать антирелигиозную политику государства в ее динамическом развитии, выявить методы и принципы административного характера этой политики, составить представление о масштабах проведенной борьбы.

Рекомендации по практическому использованию результатов

Материалы диссертации могут быть использованы при разработке курсов церковной историографии, источниковедения, краеведения и библиографии. Кроме того, материалы диссертации могут быть использованы при преподавании истории Русской Православной Церкви, истории России и истории Беларуси начала XX в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Список использованных источников и исследований

1. Библия. Священное Писание Ветхого и Нового Завета. М.: Издание Московской Патриархии, 1992. – 1372 с.
2. Административно-территориальное устройство Смоленской области: Справочник. – М. : Московский рабочий, 1981. – 208 с.
3. Акты Святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России. Позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 : в 2 ч. / под. ред. М.Е. Губонина. – М. : Православный Свято-Тихоновский богословский институт, Братство во Имя Всемилостивого Спаса, 1994. – 1064 с.
4. Архивы Кремля. Политбюро и церковь, 1922-1925 гг. : в 2 кн. / подгот. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. – Новосибирск : Сиб. хронограф ; Москва : РОССПЭН, 1997-1998. – 2 кн.
5. Архив Александра Н. Яковлева [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-dok/1005097>.
6. Алексеев, В.А. «Правая оппозиция» и борьба с религией / В. А. Алексеев // Агитатор. – 1989. – № 5. – С. 41–44.
7. Алексеев, В.А. Была ли в СССР «безбожная пятилетка»? / В.А. Алексеев // Диспут. – 1992. – № 2. С. 12–23.
8. Алексеев, В.А. Иллюзии и догмы: Взаимоотношения Советского государства и религии / В.А. Алексеев. – М. : 1991. – 398 с.
9. Алексеев, В.А. Рекруты «безбожной пятилетки» / В.А. Алексеев // Перспективы. – 1991. – № 4. – С. 90–98.
10. Алексеев, В.А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР / В.А. Алексеев. – М.: 1992. – 299 с.
11. Амельченков, В.Л. Смоленская епархия в годы Великой Отечественной войны / В.Л. Амельченков. – Смоленск, 2006. – 192 с.
12. Амосов, Н.К. Октябрьская революция и церковь / Н.К. Амосов. – 2-е изд. – М. : ГАИЗ, 1939. – 72 с.
13. Аникеев, М.В. Святыни и подвижники Смоленские / М. В. Аникеев. – 2-е изд. , доп. – Смоленск, 2009. – 256 с.
14. Антирелигиозник. – 1929. – № 12.
15. Антирелигиозник. – 1929. – № 7.
16. Апанасенок, А.В. Церковная активность сельских верующих в условиях «советской модернизации» гг. (на материалах Курского края) / А.В. Апанасенок, К.В. Симоненков // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. № 52. – 2012. – № 25 (279). – С. 124–129.

17. Архивы Кремля. Политбюро и церковь, 1922-1925 гг. : в 2 книгах / подгот. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. – Новосибирск : Сиб. хронограф ; Москва : РОССПЭН, 1997-1998. – 2 кн.
18. Архивы Русской Православной Церкви: пути из прошлого в настоящее / Историко-архивный институт РГГУ; гл. ред. Л.Б. Безбородов. – М.: [Б.и.], 2005. – 981 с. – (Труды Историко-архивного института [РГГУ]. – Т. 36).
19. Антирелигиозник. – 1929. – № 7.
20. Антирелигиозник. – 1929. – № 12.
21. Ахмедов, Р.М. Государство и церковь в российском обществе XX столетия: историко-правовое исследование / Р.М. Ахмедов.– Уфа : ОН и РИО УЮИ МВД РФ, 2002. – 117 с.
22. Бабкин, М.А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.) / М. А. Бабкин – М. : [б.и.], 2007. – 530 с.: табл.
23. Бабкин, М.А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.). Исследования и материалы / М. А. Бабкин. – М. : Индрик, 2011. – 920 с.; ил.
24. Бакаев, Ю.Н. Власть и религия: история отношений (1917–1941) / Ю.Н. Бакаев. – Хабаровск : Изд-во Хабаровского государственного технического университета, 2002. – 199 с.
25. Бакшеева, Е.Б. Политика Советского государства по отношению к Русской Православной церкви на Дальнем Востоке России: Октябрь 1922 – июнь 1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Е.Б. Бакшеева. – Хабаровск, 2004. – 205 с.
26. Басова, Н.А. Русская Православная Церковь в Карелии в 1918–1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Н.А. Басова. – Петрозаводск, 2006. – 269 с.
27. Батченко, В. С. Крестьянское сопротивление государственной антирелигиозной политике в 1929-1931 годах: на материалах Западной области : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.С. Батченко – Брянск, 2015. – 23 с.
28. Беглов, А. Л. В поисках «безгрешных катакомб»: церковное подполье в СССР / А. Л. Беглов / Институт всеобщей истории РАН. – М. : Издательский совет Русской православной церкви: Арефа, 2008. – 349 с.: ил., портр.
29. Беглов, А.Л. Советское законодательство в отношении Русской православной церкви 1920–1940-х гг.: колебания границы легальности/ А.Л. Беглов// Религии мира: История и современность. М. : Наука, 2004. – С. 211–218.
30. Беликова, Н.Ю. Православная церковь и государство на Юге России (конец XIX – первая треть XX вв.) / Н.Ю. Беликова. – Краснодар, 2004. – 162 с.
31. Белоногова, Ю.И. Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX в.: (по материалам Московской епархии) / Ю.И. Белоногова; кол. авт. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. – М. : Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2010. – 175 с.: портр., табл.

32. Бердинских, В.А. Крестьянская цивилизация в России / В.А. Бердинских. – М.: Аграф, 2001. – 432 с.
33. Беспарточный, Б.Д. Культура и власть: из рассекреченных архивов ВЧК– ОГПУ– НКВД / Б.Д. Беспарточный, З.Д. Ильина, В.Г. Канасевич. – Курск : Издательство Курского государственного педагогического университета, 1999. – 245 с.
34. Бирюкова, Ю.А. Советская власть и православные общины Дона в 1920-1930-х гг. Характер отношений на местах / Ю.А. Бирюкова. – Ростов н/Д. : Издательство НМЦ «Логос», 2012. – 218 с.
35. Богомолов, А.А. Законодательство о Православной церкви в России: Основные исторические тенденции развития : дис. ... канд. юр. наук /А.А. Богомолов. – СПб, 2004. – 162 с.
36. Бонч-Бруевич В.Д. Живая церковь и пролетариат. / В.Д. Бонч-Бруевич. – М. : Жизнь и знание, 1923. – 32 с.
37. Бонч-Бруевич В.Д. Избранные атеистические произведения. / В.Д. Бонч-Бруевич. – М. : Мысль, 1973. – 343 с.
38. Бонч-Бруевич В.Д. Избранные сочинения : в 3 т. / В.Д. Бонч-Бруевич. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – Т.1 : О религии, религиозном сектантстве и церкви. – 1959. – 411 с.
39. Борисова, В.В. Русская православная церковь в условиях трансформационных процессов 1917–1936 гг.: на материалах Зауралья: дис.... канд. ист. наук / В.В. Борисова. – Нижневартовск, 2012. – 223 с.
40. Булдаков, В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков; уполномоченный по правам чел. в Российской Федерации. – [Изд. 2-е, доп.]. – М. : РОССПЭН, 2010. – 965 с. – (История сталинизма).
41. Бурмистров, Д., священник. Государственно-церковные отношения в 1929–1939 гг. : автореф. дис. ... канд. богосл. / священник Д. Бурмистров ; МДА – Сергиев Посад, 2009 – 26 с.
42. Бычков, С.С. Большевики против Русской церкви. Очерки по истории Русской церкви (1917–1941 гг.) / С.С. Бычков. – М. : ТэтисПаблицшн, 2006. – 432 с.
43. Валентинов, А. А. Черная книга (Штурм небес) [Текст] / А.А. Валентинов. – Париж, 1925. – 216 с.
44. Васильева, О.Ю. Русская православная церковь и Советская власть в 1917–1927 гг. / О.Ю. Васильева // Вопросы истории. – 1993. – № 8. – С. 40–54.
45. Васильева, О.Ю. Русская Православная Церковь и Советская власть в 1927–1943 гг. / О.Ю. Васильева // Вопросы истории. – 1994. – № 4. – С. 35–46.
46. Васильева, О.Ю. Судьбы русских монастырей в XX веке / О.Ю. Васильева // Монашество и монастыри в России: XI – XX в.: Исторические

очерки: сб. ст. / отв. ред. Сеницына Н. В.; Институт российской истории РАН. – М. : Наука, 2002. – С. 332–342.

47. Васильева, О.Ю. Колокольный стон индустриализации / О.Ю. Васильева, П.Н. Кнышевский // Ленинградский рабочий. – 1990. – № 32 (2853).

48. Вестник агитации и пропаганды / Орган Нижегородского Губкома РКП. – Нижний Новгород : Гос. изд-во. Нижегородское отд-ние, 1921. – № 11–12.

49. Васильева, О.Ю., Кнышевский, П.Н. Красные конкистадоры / О. Ю. Васильева, П. Н. Кнышевский. – М. : Товарищество «Соратник», 1994. – 269 с.: ил.

50. Во власти Губчека. Воспоминания неизвестного протоиерея. – М., 1996. – 80 с.

51. Воробьев, В. протоиерей. Особенности документов следственных дел 20–40-х гг. / протоиерей В. Воробьев // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: материалы. – М. : ПСТБИ, 1997. – С.163–166.

52. Воронцов Г.В. Ленинская программа атеистического воспитания в действии (1917–1937 гг.). / Г.В. Вороноцов. – Л., 1973. – 31 с.

53. Гайлит, О.А. Религиозная политика советского государства по отношению к Русской Православной церкви в конце 1920-х в 1930-е гг.: На материалах Западной Сибири: дис.... канд. ист. наук / О.А. Гайлит. – Омск, 2002. – 191 с.

54. Галай, Ю.Г. Власть и историко-культурные ценности в Российской Федерации. 1917–1929 гг. Историко-правовой аспект / Ю.Г. Галай. – Н. Новгород, 1997. – 416 с.

55. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). – Фонд 3. Смоленский Губком ВКП(б)» и фонд 5 «Западный Обком ВКП(б). 1929–1932 гг. Оп. 1. Д. 3120, Д. 3346, Д. 3347, Д. 3647, Д. 4019.

56. ГАНИСО. – Фонд 5. Западный Обком ВКП(б). 1929 – 1932 г.г. Оп. 1. Д. 506; Д. 811.

57. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). – Фонд 161. – Административный отдел Смоленского Губисполкома (1917–1929 г.г.). Оп. 1. Д. 5; 6; 54; 66; 131; Оп. 4. Д. 47; Оп. 5. Д. 10.

58. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). – Фонд 2360. Исполнительный комитет Западного областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Запоблисполком, г. Смоленск) (1929 – 1933 г.г.). Оп. 1. Д. 4; Д. 37а; Д. 38; Д. 284; Д. 285; Д. 286; Д. 288; Д. 289; Д. 290; Д. 291; Д. 296; Д. 347; Д. 861; Д. 862; Д. 863; Д. 865; Д. 866; Д. 867; Д. 868; Д. 908; Д. 935; Д. 936; Д. 1526; Д. 1574; Д. 1601; Д. 1605; Д. 2240; Д. 2241; Д. 2243; Д. 2918; Д. 2952; Оп. 2. Д. 896.

59. ГАСО. – Фонд 2361. Исполнительный комитет Смоленского областного Совета депутатов трудящихся (Смолоблсполком). Оп. 1. Д. 67.
60. Гетти, А. Партия и чистка в Смоленске. 1933–1937 гг. / А. Гетти. – Смоленск, 2000. – 275 с.
61. Гидулянов, П.В. Отделение церкви от государства в СССР. Полный сб. декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Суда РСФСР и др. советских социалистических республик: УССР, БССР, ЗСФСР, Узбек., и Туркм. / П.В. Гидулянов / под ред. П.А. Красикова. – М. : Юридическое изд-во НКЮ, 1926. – 3-е изд., перер. – 712 с.
62. Гидулянов, П.В. Церковные колокола на службе магии и царизма: (Фактич. материалы) / П.В. Гидулянов. – 2-е изд. – Москва : Атеист, 1929. – 82 с.
63. Гидулянов, П.В. Отделение церкви от государства. Полный сборник декретов РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров и т.д. с разъяснениями V Отдела НКЮста РСФСР / П.В. Гидулянов / под ред. П.А. Красикова. – М. : Юрид. изд-во Наркомюста, 1924. – 408 с.
64. Гидулянов, П.В. Церковь и государство по законодательству Р.С.Ф.С.Р. Сборник узаконений и распоряжений с разъяснениями V Отдела НКЮста / П.В. Гидулянов / под ред. П.А. Красикова. – М. : Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. – 100 с.
65. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / отв. ред. А.К.Соколов. – М. : РОССПЭН, 1997. – 328 с.
66. Гордиенко Н.С. Православие в советском обществе. Основные этапы эволюции / Н.С. Гордиенко // Русское православие: Вехи истории / А.И. Клибанов [и др] ; под. Ред А.И. Клибанова. – М., 1989. –С. 616–690.
67. Граббе, Г., епископ. Правда о русской церкви на родине и за рубежом / епископ Г. Граббе. – Джорданвилль : 1961. – 216 с.
68. Граббе Г., епископ. Русская Церковь пред лицом господствующего зла. / епископ Г. Граббе. – Джорданвилль : Свято-Троицкий монастырь, 1991. — 175 с.
69. Губонин, М.Е. Патриарх Тихон и история русской церковной смуты [Текст] / М.Е. Губонин. – СПб. : СатисЪ, 1994. – 1446 с.
70. Губонин, М. Е. Современники о патриархе Тихоне [Текст]: в 2 т. / М. Е. Губонин. – М. : Изд. ПСТГУ, 2007. – 2 т.
71. Давлетшин, Р.А. История крестьянства Башкортостана, 1917–1940 гг. : дис. ... д-ра ист. наук / Р.А. Давлетшин – Уфа, 2000. – 442 с.
72. Дамаскин (Орловский), иеромонах. «Я теперь не умру...» // Журнал Московской Патриархии. – 1993. –№ 1. – С. 20 – 32.
73. Дамаскин (Орловский), иеромонах. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия:

жизнеописания и материалы к ним. В 2 кн. – Тверь : Булат, 1992, 1996. – 238 с. + 527 с. – 2 кн.

74. Декреты Советской власти. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. 1 – 626 с.

75. Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. : Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. / митрополит Евлогий (Георгиевский). – Париж : 1947. 2-е издание в серии «Материалы по истории Церкви». М. : 1994. – 621 с.

76. Елисеев, А.Л. Политика советского государства по отношению к Русской православной церкви в 20–30-е гг. : дис. ... канд. ист. наук / А.Л. Елисеев. – Москва, 1997. – 248 с.

77. Ермаков В. А. Концептуальные подходы к анализу политических репрессий в СССР второй половины 1930-х гг.. / В.А. Ермаков. – Interactive science | 6 (61) – 2021. С. 19 – 35.

78. Ершов, А.Л. Взаимоотношения Русской православной церкви и светских властей в 1929 - 1941 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.Л. Ершов. – Владимир, 2012. – 24 с.

79. Ершов, А.Л. Роль Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК в регулировании взаимоотношений Русской Православной Церкви и местных властей во Владимирском крае в 1930-е гг. / А.Л. Ершов // Вестник СПбГУ. – Серия 2. – 2011. – Вып. 4. – С. 13–23.

80. Ершов, А.Л. Церковь на земле Владимирской в 1930-е гг. / А.Л. Ершов. – Владимир : Калейдоскоп, 2011. – 231 с.

81. Журавлев, С.В. Современные методы и новые источники изучения истории России XX в.: учебно-методическое пособие / С.В. Журавлев; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М. : Изд-во РАГС, 2010. – 194.

82. Забелин, А.А. Имя им легион: судьбы смолян, репрессированных в других республиках, краях, областях / А.А. Забелин. – Смоленск : СГУ, 1998. – 347 с.

83. Зуев Ю.П. Церковь и государство: новые акценты старой темы: [Беседа с зав. отд. Ин-та религиоведения Акад. Обществ. наук при ЦК КПСС Ю.П.Зуевым (записала И.Б.Чистякова)] Ю.П. Зуев. / Наука и религия. – 1991. № 6. С.204.

84. Ивочкин, Д.А. Гжатская земля: православные храмы / Д.А. Ивочкин. – Смоленск, 2015. – 352 с.: ил.

85. Ивочкин, Д.А. Духовщинская земля: православные храмы / Д.А. Ивочкин. – Смоленск : Свиток, 2009. – 224 с., ил.

86. Ивочкин, Д.А. Ельнинская земля: православные храмы / Д.А. Ивочкин. – Смоленск : Свиток, 2005. – 144 с., ил.

87. Ивочкин, Д.А. Краснинская земля: православные храмы / Д.А. Ивочкин. – Смоленск : Свиток, 2012. – 184 с., ил.
88. Ивочкин, Д.А. Крестный путь архимандрита Рафаила / Д.А. Ивочкин. – Смоленск : Свиток, 2002. – 52 с., ил.
89. Ивочкин, Д.А. Поречская земля: православные храмы / Д.А. Ивочкин. – Смоленск : Свиток, 2007. – 184 с., ил.
90. Ивочкин, Д. А. Рославльская земля: православные храмы / Д.А. Ивочкин. – Смоленск : Свиток, 2004. – 176 с., ил.
91. Ивочкин, Д.А. Дорогой правды. Жизнеописание священника Димитрия Афанасьевича Федотова (1885–1938) / Д.А. Ивочкин, Д.Д. Федотов. – Смоленск, 2015. – 120 с., ил.
92. История советской конституции в декретах и постановлениях советского правительства. 1917–1936 / под ред. Алымова. – Советское законодательство, 1936.
93. Каиль, М.В. Православная церковь и верующие Смоленской епархии в годы революции и Гражданской войны: государственно-церковные отношения и внутриконфессиональные процессы. / М.В. Каиль. – М. : Издательство Ипполитова, 2010. – 372 с.
94. Каиль, М.В. Антирелигиозная агитация и пропаганда 1920-х гг.: провинциальная практика, формы, динамика (на примере Смоленской губернии) / М. В. Каиль // Известия Смоленского государственного университета. – 2010. – № 1(9). – С.205–218.
95. Каиль, М. В. Православная церковь и верующие Смоленской епархии в 1917 – середине 1920-х гг.: эволюция государственно-церковных отношений и внутриконфессиональные процессы: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М.В. Каиль ; [ФГОУ ВПО «Смоленский государственный университет»]. – Брянск, 2011. – 27 с.
96. Каиль, М.В. Власть и православные верующие в российской провинции 1918 – первой половины 1930-х гг.: контуры взаимоотношений: / М.В. Каиль // Клио. – 2010. № 4 (51). – С. 58–64.
97. Каиль, М.В. Власть и православные верующие в российской провинции начала 1920-х гг. (Голод. Изъятие церковных ценностей. Раскол. Процесс смоленских церковников на Смоленщине) / М.В. Каиль // Власть – общество – личность в истории России: материалы Всероссийской (с международным участием) заочной научной конференции молодых ученых, Смоленск, ноябрь 2007 / [редколлегия: М. В. Каиль (ответственный редактор) и др.]. – Смоленск : СмолГУ, 2008. – С. 71–80.
98. Каиль, М.В. Влияние процессов модернизации на состояние православного сообщества российской провинции: специфика пред- и постреволюционного периода (1900-е – начало 1920-х гг.) / М.В. Каиль // Вестник

Тверского государственного университета. Серия: История. Вып. 4. – 2010. – № 30. – С. 26–36.

99. Каиль, М.В. История обновленческого раскола в Смоленской епархии 1920-х гг. в архивных документах и периодике / М.В. Каиль // Отечественные архивы. – 2010. – № 4. – С. 57–65.

100. Каиль, М.В. Дела по обвинению провинциального епископата, духовенства и верующих 1918–1920-х гг. / М.В. Каиль // Отечественные архивы. – 2012. – № 4. – С. 59–67.

101. Каплин, П.В. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государственной власти в СССР в 1927–1938 гг.: На материалах Урала : дис. ... канд. ист. наук / П.В. Каплин. – Екатеринбург, 2006. – 273 с.

102. Карманова Г.Н. Вероисповедная политика в отношении христианских конфессий в СССР в 1929 - первой половине 1931 гг. : автореф. дис. ... канд. истор. наук / Г.Н. Карманова. – Москва, 2009. – 29 с.

103. Карманова, Г.Н. Государственная политика в отношении христианских конфессий в СССР в 1929 – первой половине 1931 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Г.Н. Карманова. – Москва, 2009. – 224 с.

104. Катунин, Ю.А. Православная церковь и государство: проблема взаимоотношений в 1917–1939 гг. (На материалах Крыма) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Ю.А. Катунин. – Москва, 2004. – 48 с.

105. Кашеваров, А. Н. Государственно-церковные отношения в советском обществе 20–30-х гг.: (Новые и малоизуч. вопр.) / А. Н. Кашеваров; С.-Петербург. гос. техн. ун-т. – СПб. : Изд-во СПбГТУ, 1997. – 45 [2] с.

106. Кашеваров, А.Н. Религиозная политика Советского государства в «год великого перелома» / А.Н. Кашеваров // Из истории России: сб. ст. – СПб., 2003. – Вып. 1. – С. 139–150.

107. Кашеваров, А.Н. Государство и церковь: из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви, 1917–1945 гг. / А. Н. Кашеваров. – Санкт-Петербург : СПбГГУ, 1995. – 139 с.

108. Кашеваров, А. Н. Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922) / Кашеваров А. Н.; Общество любителей церковной истории. – М. : Изд-во Крутицкого патриаршего подворья, 2005. – 437 с.

109. Кобец, О.В. Сопrotивление смоленского крестьянства государственной политике в деревне, 1928–1933 гг.: дис. ... канд. ист. наук / О.В. Кобец. – Брянск, 2006. – 244 с.

110. Кодин, Е.В. «Смоленский архив» и американская советология / Е.В. Кодин. – Смоленск : СГПУ, 1998. – 286 с.

111. Кодин, Е.В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953 гг. / Е. В. Кодин.– М.: РОССПЭН, 2011. – 270 с.

112. Козлов, Ф.Н. Взаимоотношения государства и Русской православной церкви в 1917 – начале 1940-х гг.: по материалам Чувашии : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ф.Н. Козлов. – Саранск, 2009. – 24 с.

113. Козлов, В.Ф. Гибель церковных колоколов в 1920–1930-е гг. [Электронный ресурс] / Возвращение. – Режим доступа : http://www.danilovbells.ru/bellsonrussia/articles/gibel_tserkovnyh_kolokolov_v_192.html#21..

114. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988) : в 16 т. / под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. – 9-е изд., доп и испр. – М., 1983. – Т. 2. – 606 с.

115. Константинов, Д. В., протоиерей. Гонимая Церковь: Русская Православная Церковь в СССР. Нью-Йорк, 1967. (2-е издание – Гонимая церковь / Д. В. Константинов // Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. VI. М.: Ассоциация авторов и издателей, 1999. – 360 с.

116. Константинов, Д.В., протоиерей. Православная молодежь в борьбе за церковь в СССР / протоиерей Д.В. Константинов. – Мюнхен, 1956. – 78 с.

117. Константинов Д.В., протоиерей. Церковная политика Московской Патриархии / протоиерей Д.В. Константинов // Русская Православная Церковь в СССР : Сборник. – Мюнхен, 1962.

118. Константинов Д.В., протоиерей. Религиозное движение сопротивления в СССР: к 50-летию советской диктатуры / протоиерей Д.В. Константинов. – Лондон (Канада), 1967.

119. Константинов Д. В., протоиерей. Зарницы духовного возрождения: Русская Православная Церковь в СССР в конце 60-х и начале 70-х гг. / протоиерей Д.В. Константинов. – Лондон (Канада), 1973. 2-е издание — Лондон (Канада), 1974. – 165 с.

120. Корзун, М.С. Русская православная церковь, 1917–1945 гг.: Изменение социально-политической ориентации и научная несостоятельность вероучения / М.С. Корзун. – Минск: Беларусь, 1987. – 134 с.

121. Косик, О.В. Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е – начало 1930-х гг.) / О. В. Косик. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2011. – 280 с.

122. Кочетова, А.С. Комиссия по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК: 1929-1934 гг.: дис. ... канд. ист. наук / А.С. Кочетова. – Москва, 2012. – 208 с.

123. Кочетова, А.С. «Терпимое отношение к религиозным пережиткам... является одним из проявлений правого оппортунизма». Проект резолюции Е.М. Ярославского Политбюро ЦК ВКП(б) по докладу об итогах 2-го съезда Союза безбожников и о работе антирелигиозной комиссии ЦК и «Особое мнение» П.Г.

Смидовича к данному проекту 1929 г. / А.С. Кочетова // Исторический архив. – 2012. – № 3.

124. Крапивин, М. Ю. Внутриконфессиональные конфликты и проблемы межконфессионального общения в условиях советской действительности (октябрь 1917 – конец 1930-х гг.) / М. Ю. Крапивин, А. Г. Далгатов, Ю. Н. Макаров; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005. – 622 с.

125. Крапивин, М.Ю. Религиозный фактор в социально-политической жизни советского общества (октябрь 1917-го – конец 1920-х гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / М.Ю. Крапивин / С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 1999. – 40 с.

126. Крапивин, М.Ю. Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (октябрь 1917-го – конец 1930-х гг.): монография / М. Ю. Крапивин. – Волгоград : Перемена, 1997. – 366 с.

127. Крапивин, М.Ю. Противостояние: большевики и церковь (1917–1941 гг.) / М. Ю. Крапивин. – Волгоград : Перемена, 1993. – 100 с.

128. Крапивин, М.Ю. Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917–конец 1930-х гг.) / М.Ю. Крапивин, А.Я. Лейкин, А.Г. Далгатов. – СПб., 2003. – 308 с.

129. Крапивин, М.Ю. Религиозное сектантство в условиях советской действительности (октябрь 1917-го – конец 1930-х гг.) / М.Ю. Крапивин, Ю.Н. Макаров // Исторические записки. – М., 2005. – Вып. 8 (126). – С. 115–151.

130. Крапивин, М.Ю. Старообрядцы в период массовых репрессий конца 1920-х – 1930-х гг. / М.Ю. Крапивин // Общество и власть : материалы Всероссийской научной конференции. – СПб., 2006. – С. 283–289.

131. Крапивин, М.Ю. Адвентисты седьмого дня в условиях советской действительности (1917-й – конец 1920-х гг.) / М.Ю. Крапивин, А.Г. Далгатов // Общество и власть: Материалы Всероссийской научной конференции. – СПб., 2004. С. 199–206.

132. Красиков П.А. На церковном фронте (1918–1923 гг.). / П.А. Красиков. – М. : Юридическое изд-во НКЮ, 1923. – 311 с.

133. Красиков П.А. Избранные атеистические произведения. / П.А. Красиков. – М. : Мысль, 1970. – 269 с.

134. Краснов-Левитин, А. Э. Дела и дни. Обновленческий митрополит Александр Введенский [Текст] / А. Э. Краснов-Левитин. – Париж : Поиски, 1990. – 204 с.

135. Краснов-Левитин, А.Э., Шавров, В. Очерки по истории русской церковной смуты / А.Э. Краснов-Левитин, В. Шавров. – М. : Крутицкое патриаршее подворье, 1996. – 672 с.

136. Краснов-Левитин, А. Э. Рук твоих жар: 1941–1956 [Текст] / А. Э. Краснов-Левитин. – Тель-Авив : Круг, 1979. – 479 с.

137. Крестный путь патриарха Сергия: Документы, письма, свидетельства современников (К 50-летию кончины) / публ. М. Одинцова // Отечественные архивы. – 1994. – № 2. – С. 44–80.

138. Кривова, Н.А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства/ Н.А. Кривова; предисл. Р.Г. Пихоя; [Ассоц. исследователей рос. о-ва XX в.]. – М. : АИРО-XX, 1997. – 247 с.: портр.

139. Кривова, Н.А. Историография проблемы взаимоотношений власти и церкви в 1922–1925 годах / Н.А. Кривова. // История повседневности [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа : <http://1.vv-travel.ru/node/392>.

140. Крупская Н.К. Антираелигиозная пропаганда. / Н.К. Крупская. – М. : ГИЗ, 1929. – 68 с.

141. Крупская Н.К. Вопросы атеистического воспитания. / Н.К. Крупская. – М. : Просвещение, 1964. – 215 с.

142. Крупская Н.К. Из атеистического наследия. / Н.К. Крупская. – М. : Наука, 1964. – 307 с.

143. Курляндский, И.А. Сталин о религии на исходе нэпа / И.А. Курляндский // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. Вып. 4. – 2010. – № 30. – С. 54–83.

144. Курляндский, И.А. Сталин, власть, религия: [религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.] / И.А. Курляндский. – М. : Кучково поле, 2011. – 701 с.

145. Куроедов В.А. Религия и церковь в Советском государстве. / В.А. Куроедов. – М., 1981. – 261 с.

146. Лавринов, В.В., протоиерей. Очерки истории обновленческого раскола на Урале (1922–1945) / Лавринов В., прот. // Материалы по истории Церкви. Кн. 42. – М. : Изд-во Крутицкого патриаршего подворья: Общество любителей церковной истории, 2007. – 308 с.: ил., портр.

147. Лавров, В.М. [и др.]. Иерархия русской православной церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху / В.М. Лавров, В.В. Лобанов, И.В. Лобанова, А. В. Мазырин; Институт российской истории РАН; Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. – М. : Русская панорама, 2008. – 375 с.: портр. – (Страницы российской истории).

148. Лаговский, И. Коллективизация и религия / И. Лаговский. – PARIS : YMCA PRESS, 1932. – 20 с.

149. Леонтьева, Т.Г. Сталинский террор и православное духовенство: к осмыслению причин и масштабов государственной репрессивности / Т. Г. Леонтьева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. Вып. 4. – 2010. – № 30. – С. 84–99.

150. Леонтьева, Т.Г. Попы, церковники и сектанты в «большевистской перестройке» в Калининской области 1937–1938 гг. / Т.Г. Леонтьева // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://stalinism-v-sov-provincii.blogspot.com>.

151. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В.И. Ленин. – М. : Госполитиздат, 1958-1965. – Т.54. – 863 с.

152. Лещинский, А.Н. Время новых подходов: о советских государственно-церковных отношениях / А.Н. Лещинский. – М. : Общество «Знание» РСФСР, 1990. – 79 с.

153. Лобанов, В.В. Патриарх Тихон и советская власть (1917–1925 гг.) / В.В. Лобанов. – М., 2008. – 352 с.

154. Лубянка. Сталин и ВЧК–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922–декабрь 1936 / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. – М. : МФД, 2003. – 912 с.

155. Луначарский А.В. Об атеизме и религии. / А.В. Луначарский. – М. : Мысль, 1972 – 509 с.

156. Луначарский А.В. Почему нельзя верить в бога? Избранные атеистические произведения. / А.В. Луначарский. – М. : Наука, 1965. – 443 с.

157. Луначарский А.В. Христианство или коммунизм? Диспут с митрополитом А. Введенским. / А.В. Луначарский. – Л.: ГИЗ, 1926. –76 с.

158. Лютов, Л.Н. Церковь и сопротивление раскрестьяниванию в начале 1930 г. / Л.Н. Лютов // Вопросы истории. – 2015. – № 3. – С.78–90.

159. Мазырин, А.В., протоиерей. Легализация Московской Патриархии в 1927 г.: скрытые цели власти / протоиерей А. В. Мазырин // Отечественная история. – 2008. – № 4. – С. 114–124.

160. Макаров, Ю.Н. Ускорение процесса атеизации советского общества в условиях окончания НЭПа (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) / Ю.Н. Макаров // История и историки в контексте времени: сб. науч. тр. ; отв. ред. А.А. Черкасов. – Краснодар – Сочи : Кубанский гос. ун-т. – 2006.- Вып. 4. – С.50–70.

161. Макаров, Ю.Н. Русская православная церковь в условиях советской действительности (1917 г. – конец 1930-х гг.) / Ю.Н. Макаров; Федеральное агентство по образованию Российской Федерации, Кубанский гос. ун-т. – Краснодар : Изд-во КубГУ, 2005. – 381 с.

162. Макаров, Ю.Н. Советская государственная религиозная политика и органы ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД СССР (окт. 1917-го – конец 1930-х гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Ю.Н. Макаров. – Санкт-Петербург, 2007. – 48 с.

163. Макеев, Б.В. Деятельность органов прокуратуры и суда по расследованию уголовных дел о контрреволюционных преступлениях в 1937–1938 гг. : по материалам Западной и Смоленской областей: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Б.В. Макеев. – Смоленск, 2007. – 23с.
164. Маленков, В.В. Государственная политика в области религии на Дальнем Востоке России: 1917–1937 гг. : дис. ... канд. ист. наук / В.В. Маленков. – Южно-Сахалинск, 2004. – 212 с.
165. Малюкова, Э.Д. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и Советской власти в 1918–1937 гг.: на примере Пензенского края: дис. ... канд. ист. наук / Э.Д. Малюкова. – Пенза, 2010. – 196 с.
166. Маннинг, Р. Массовые операции против кулаков и преступных элементов: апогей великой чистки на Смоленщине / Р. Маннинг. – Смоленск, 1999. – С.230–254.
167. Мезенцев, Р.В. Православная Церковь на Алтае в 1917–1940 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Р.В. Мезенцев. – Горно-Алтайск, 2003. – 209 с.
168. Мигович И.И. Развитие взаимоотношений государства и церкви в контексте нового политического мышления: Вопросы и ответы / И.И. Мигович, Н.А. Трофимчук. – М. : Общество «Знание» РСФСР, 1990. – 39 с.
169. Митрофанов, Г., протоиерей. История Русской Православной Церкви 1900–1927 / протоиерей Г. Митрофанов. – Санкт-Петербург : Сатис, 2002. – 343 с.
170. Митрофанов, Г., протоиерей. Лекции по истории Русской Православной Церкви в XX веке : в 2 т. / протоиерей Г. Митрофанов. – СПб. : Изд-во СПбДАиС, 1995.
171. Митрофанов, Г., протоиерей. Позиция Церкви и ее попытки сопротивления / протоиерей Г. Митрофанов. – СПб. : Изд-во СПбДАиС, 1997. – 108 с.
172. О мерах по сохранению памяти новомучеников, исповедников и всех невинно от богоборцев в гг. гонений пострадавших // Материалы Архиерейского собора 2011 г. [Электронный ресурс]. – Патриархия.ру. – Режим доступа : <http://www.patriarchia.ru/db/text/1400907>.
173. О религии и церкви: сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. – М. : Политиздат, 1981. – 176 с.
174. Одинцов, М.И. Хождение по мукам /М.И. Одинцов // Наука и религия. – 1990. – № 6. – С. 12.
175. Одинцов, М. И. Государственно-церковные отношения в России (на материалах отечественной истории XX века) / М.И. Одинцов // Российское объединение исследователей религии [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.rusoir.ru/president/works/80/>.

176. Одинцов, М.И. Декларация митрополита Сергия от 29 июля 1927 г. и борьба вокруг нее / М.И. Одинцов // Отечественная история. – 1992. – № 6. – С. 123–139.

177. Одинцов, М.И. Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) / М.И. Одинцов // На пути к свободе совести. – М. : 1989. – С.29-71.

178. Одинцов, М. И. Государство и церковь в России. XX век / М. И. Одинцов. – М. : Луч, 1994. – 171 с.

179. Одинцов, М. И. Государство и Церковь. (История взаимоотношений 1917–1938 гг.) / М. И. Одинцов. – М. : Знание, 1991. – 63 с.

180. Одинцов, М. И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом / М. И. Одинцов. – М. : Центральный дом духовного наследия. Объединение исследователей религии, 2002. – 312 с.

181. Одинцов, М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 / М.И. Одинцов. – М. : Политическая энциклопедия, 2014. – 424 с.

182. Одинцов, М. И. Русские патриархи XX в.: Судьбы Отечества и церкви на страницах архивных документов / М. И. Одинцов. – М. : Изд. РАГС, 1999. – 334 с.

183. Орлеанский, Н.С. Закон о религиозных объединениях РСФСР и действующие законы, инструкции, циркуляры с отдельными комментариями по вопросам, связанным с отделением церкви от государства и школы от церкви в Союзе ССР / Н.С. Орлеанский. – М. : Безбожник, 1930. – 224 с.

184. Паламарчук, А.В. Исторический опыт взаимоотношений государства и церкви в Юго-Восточной Сибири: 1920–1930-е гг. : дис. ... канд. ист. наук / А.В. Паламарчук.– Иркутск, 2002. – 369 с.

185. Персиц, М.М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917–1919 гг.) / М.М. Персиц. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 198 с.

186. Петров, С.Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.) / С.Г. Петров; Институт истории СО РАН. – М. : РОССПЭН, 2004. – 406 с.

187. Петюкова О.Н. Русская православная церковь в российской деревне в 1920-е гг. (по материалам губерний Центральной России) : дис. ... канд. ист. наук / О.Н. Петюкова. – Москва, 1997. – 178 с.

188. Петюкова, О.Н. Церковь – власть – общество в российской деревне в 1920-е гг. / О. Н. Петюкова. – М. : Изд-во Фин. акад. , 2007. – 224 с.

189. Плаксин Р.Ю. Тихоновщина и ее крах: Позиция православной церкви в период Великой Октябрьской революции и гражданской войны. / Р.Ю. Плаксин. – М., 1987. – 206 с.
190. Покровский, Н.Н. Время публиковать источники / Н.Н. Покровский // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – М., 1996. – № 1. – С.11–21.
191. Покровский, Н.Н. Документы Политбюро и Лубянки о борьбе с Церковью в 1922–1923 гг. / Н.Н. Покровский // Ученые записки. Российский Православный Университет ап. Иоанна Богослова. – М., 1995. – Выпуск 1. – С.125–173.
192. Покровский, Н.Н. Источниковедение советского периода. Документы Политбюро первой половины 1920-х гг. / Н.Н. Покровский // Археографический ежегодник за 1994 г. – М., 1996. – С.18–46.
193. Покровский, Н.Н. Политбюро и Церковь. 1922–1923. Три архивных дела / Н.Н. Покровский // Новый мир. – 1994. – № 8. – С.186–213.
194. Полищук, И.С. Духовенство и крестьянство в общественной жизни России. Конец XIX – 30-е гг. XX в. (опыт историко-сравнительного анализа) / И.С. Полищук. – Тверь, 2004. – 388 с.
195. Польский, М., протопресв. Новые мученики Российские / протопресвитер М. Польский. – Минск : Белорус. экзархат, 2004. – 365 с.
196. Польский, М., протопресв. Положение Церкви в Советской России. Очерк бежавшего из России священника / протопресвитер М. Польский. – СПб. : Республика, 1995. – 120 с.
197. Пospelовский Д.В. Подвиг веры в атеистическом государстве / Д.В. Пospelовский. // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси / сост. М. Назаров. – М., 1991. С. 68–89.
198. Пospelовский, Д.В. Православная Российская Церковь и Гражданская война / Д.В. Пospelовский // Гражданская война в России: перекресток мнений / Рос. АН, Ин-т рос. истории; отв. ред. Ю. А. Поляков, Ю. И. Грицкий. – М., 1994. С. 106–120.
199. Пospelовский, Д.В. Русская Православная Церковь: испытания начала XX в. / Д.В. Пospelовский. // Вопросы истории. – 1993. – № 1. – С. 42–54.
200. Пospelовский Д.В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР : учебное пособие. / Д.В. Пospelовский. — М. : Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 1996. — 408 с.
201. Пospelовский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке : учебное пособие. / Д.В. Пospelовский. — М. : Республика, 1995. – 511 с.
202. Пospelовский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке: учебное пособие. / Д.В. Пospelовский. – М. : Директ-Медиа, 2008. – 511 с.

203. Пospelовский Д.В. Какой ценой? Приходская летопись храма, который никогда не закрывался. / Д.В. Пospelовский. – М. : Об-во любителей церковной истории, 2003. — 176 с.
204. Пospelовский Д.В. Тоталитаризм и вероисповедание : учебное пособие. / Д.В. Пospelовский. – М. : ББИ св. ап. Андрея, 2003. — 655 с.
205. Пушанский, В.В. Правовое регулирование функционирования Русской Православной Церкви в России в XX веке: историко-правовой аспект : дис. ... канд. юр. Наук / В.В. Пушанский. – Санкт-Петербург, 2006. – 178 с.
206. Рабочий путь. 1926 г.
207. Рабочий путь. 1927 г.
208. Рабочий путь. 1928 г.
209. Рабочий путь. 1929 г.
210. Регельсон, Л. Трагедия Русской церкви, 1917–1945 / Л. Регельсон; послесл. Иоанна Мейендорфа. – Paris : YMCA-press, Cop. 1977. – 625 с.: портр.
211. Реслер, Р. Церковь и революция в России. Патриарх Тихон и советское государство [Текст] / Р. Реслер. – Кельн; Вена, 1969.
212. Руководители Смоленской области (1917–1991 гг.). Биографический справочник / Н.Г. Емельянова, Г.Н. Мозгунова, А.В. Баркова и др. – Смоленск : ИП Флиманкова И.А., – 2008. – 208 с. : ил.
213. Русак, В.С. История Российской Церкви : учебник : издание второе исправленное и дополненное / В.С. Русак // [Электронный ресурс.] – 2013. – Режим доступа : интернет сайт «Образование и Православие».
214. Русак В.С. Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе / священник В. Русак (Степанов) : в 3 ч. – М. : Русское книгоиздательское товарищество, 1993.
215. Русак В.С. Свидетельство обвинения: церковь и государство в Советском Союзе / Владимир Степанов (Русак). - Valley Cottage, N. Y. : Multiling. typesetting, cop. 1987-. Ч. 1. - cop. 1987. - 350, [2] с.
216. Русак. В.С. Пир сатаны. Русская Православная Церковь в «Ленинский» период (1917—1924). / В.С. Русак. – Лондон, Канада : Изд. Заря, 1991. — 216 с.
217. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М. : Издательство Библейско-Богословского института св. апостола Андрея, 1996. – 352 с.
218. Русская Православная Церковь в советское время. Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью : в 2 т. / сост. Г. Штриккер. – М. : ПроPILEI, 1995. – 2 т.
219. Русская Православная Церковь. XX век: к 1020-летию Крещения Руси / [О.Ю. Васильева (рук.) и др.; гл. ред. и рук. проекта архимандрит Тихон (Шевкунов). – М. : Сретенский монастырь, 2008. – 793 с.: ил., портр.

220. Савельев, С.Н. Бог и комиссары (к истории комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК ВКП(б) –антирелигиозной комиссии) / С.Н. Савельев // Религия и демократия: на пути к свободе совести. – М. : [Б.и.], 1993. – Вып. 2. – С. 164–216.
221. Савельев, С. Н. Ем. Ярославский и антирелигиозная пропаганда в конце 20-х – начале 30-х гг. / С. Н. Савельев // По этапам атеизма. – М.; Л., 1967.
222. Савельев, С. Н. Какая дорога вела к хаму / С. Н. Савельев // Социологические исследования. – 1990. – № 8. – С. 66–78.
223. Савельев, С.Н. Протоколы антирелигиозных мудрецов / С.Н. Савельев // Религия и свободомыслие в культурно-историческом процессе / С.-Петербург. гос. ун-т / под ред. С.Н. Савельева – Л., 1991. – С.143–155.
224. Савельева, И.М. Микроистория и опыт социальных наук / И.М. Савельева, А.В. Полетаев // Социальная история: Ежегодник: 1998/1999. Институт всеобщей истории РАН. Центр социальной истории; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Исторический факультет; Институт российской истории РАН. Центр изучения новейшей истории России и политологии. – М. : РОССПЭН, 1999. – С. 101–120.
225. Серафим (Амельченков), иеромонах (В.Л. Амельченков). Русская Православная Церковь и общество в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Смоленской области) / иеромонах Серафим (Амельченков). – Смоленск : Свиток, 2012. – 256 с.
226. Сердюкова, Н.В. Государственная политика Советского государства в области религии в 1920-е гг.: На материалах Северного Кавказа : дис. ... канд. ист. наук / Н.В. Сердюкова. – Москва, 2006. – 172 с.
227. Сипейкин, А.В. Партийная и информационно-справочная документация как источник по истории советской антирелигиозной и антицерковной политики в 1917–1930-е гг. / А.В. Сипейкин // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. Вып. 4. – 2010. – № 30. – С. 100–115.
228. Скворцов-Степанов И.И. Задачи и методы антирелигиозной пропаганды. Религия в школе. 3-е изд., перер. и доп. / И.И. Скворцов-Степанов. – М.–Л. : ГИЗ, 1925. – 73 с.
229. Скворцов-Степанов И.И. Избранные атеистические произведения. / И.И. Скворцов-Степанов. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 568 с.
230. Слезин, А. А. Антирелигиозные праздники 1920-х гг. / А.А. Слезин// Вопросы истории. – 2010. – № 12. – С. 82–91.
231. Слезин, А.А. Роль Союза безбожников в реализации государственной политики в отношении религии (1924–1929 гг.) / А.А. Слезин // Научная электронная библиотека [Электронный ресурс]. – Код доступа : <http://elibrary.ru/item.asp?id=12956328>.

232. Слезин А.А. За «новую веру» / А.А. Слезин // Академия Естествознания, 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rae.ru/monographs/60-2384>.

233. Смирнова, Т. М. «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 гг. / Т. М. Смирнова; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М. : Мир истории, 2003. – 296 с.

234. Смирнова, Т. М. «Бывшие». Штрихи к социальной политике советской власти / Т.М. Смирнова // Отечественная история. – 2000. – № 2. – С. 37–48.

235. Смоленщина в истории России. Люди. События. Мнения. Провинциальная власть: система и ее представители, 1917–1938 гг. : сб. ст. / Смоленщина в истории России. Люди. События. Мнения ; ред. Е. В. Козин. – Смоленск, 2006. – Вып.3. – 352 с.

236. Смоленщина на страницах американской исторической литературы / под. ред. Козина Е.В. и Хики М. – Смоленск, 2000. – 384 с.

237. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР за 1917–1918 гг. – М., 1942. – 1483 с.

238. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР за 1919 г. – М., 1943. – 886 с.

239. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР за 1920 г. – М., 1943. – 818 с.

240. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР за 1921 г. – М., 1944. – 1207 с.

241. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы : в 3 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М., 2000. – Т.2. 1923–1929. – 1168 с.

242. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы : в 3 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М., 2003. – Т. 3 : 1930–1934. Кн. 1 : 1930–1931 гг. – 864 с.

243. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). : Сб. док. в 10 т. / отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. – М, 2004. – Т. 7 : 1929 г. – 772 с.

244. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). : Сб. док. в 10 т. / отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. – М, 2008. – Т. 8 : 1930 г. Ч. 1. – 868 с.

245. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). : Сб. док. в 10 т. / отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. – М, 2008. – Т. 8 : 1930. Ч. 2. – 884 с.

246. Советов, И.М. Советское законодательство о религиозных культах в 20–30-х гг. XX в.: содержание и практика реализации, споры и дискуссии о

реформировании правовой базы [Электронный ресурс] / Российское Объединение Исследователей Религии. – Режим доступа : http://www.rusoir.ru/president/works/217/#_edn21.

247. Сталин, И.В. Вопросы ленинизма. 10-е изд. / И. В. Сталин. – М. : Госполитиздат, 1938. – 655 с.

248. Сталин, И.В. Головокружение от успехов (К вопросам колхозного движения) / И.В. Сталин // Правда. – 1930. – 2 марта. – С. 1.

249. Сталин, И.В. Сочинения : в 18 т. – М., 1949. – Т. 10 : август–декабрь 1927. – С. 324.

250. Сталин, И.В. Сочинения : в 18 т. / И.В. Сталин. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1949. – Том 12.

251. Сталин, И.В. Уроки событий, связанных со злодейским убийством товарища Кирова / И.В. Сталин // Сочинения: в 18 т. – Москва : Писатель, 1997. – Т. 16. – С. 277–285.

252. Сталин, И. Год великого перелома: К XII годовщине Октября / И. Сталин // Правда. – 1929. – 7 ноября. – С. 1.

253. Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. – Москва: РОССПЭН; Германский исторический институт в Москве, 2009. – 927 с.

254. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. : в 5 Т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М., 2000. – Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 – 927 с.

255. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинга, Л. Виолы. – Москва: РОССПЭН, 2000–2006. – Т. 5: 1937–1939. Кн. 2: 1938–1939 / сост.: В. Данилов [и др.]. – 2006. – 704 с.

256. Урбанович, Г., протоиерей. Церковь и советская власть в Смоленске в 20-е гг. XX в. (по материалам смоленских архивов) / протоиерей Г. Урбанович. – Смоленск, 2012. – 240 с.

257. Федоров, В. А. Русская Православная Церковь и государство: Синодальный период: 1700–1917/ В. А. Федоров; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. – М. : Русская панорама, 2003. – 479 с. : ил., табл.

258. Фирсов С.Л. Была ли безбожная пятилетка? НГ-Религии, 30.10.2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ng.ru/ng_religii/2002-10-30/7_ussr.html.

259. Фицпатрик, Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е гг.: деревня / Ш. Фицпатрик. – 2-е изд. – Москва: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – 422 с.

260. Фриз, Г. «Вся власть приходом: возрождение православия в 1920-е гг. / Грегори Л. Фриз // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 3–4 (30). – С. 85–104.
261. Фэйнсод, М. Смоленск под властью Советов : под общ. ред. Кодина Е.В.; пер. с англ. Кузьмина Л.А. / М. Фэйнсод. – Смоленск : ТРАСТ-ИМАКОМ, – 1995. – 495 с.: табл.
262. Хайрутдинов, Р. «Антиколокольная» кампания [Электронный ресурс] / ethnocolocol.ru. – Режим доступа : http://ethnocolocol.ru/load/antikolokolnaja_kampanija/6-1-0-635.
263. Хлевнюк, О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е гг. / О.В. Хлевнюк. – Москва : РОССПЭН, 1996. – 304 с.
264. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР : в 6 Т. / отв. ред. И.А. Басавин ; сост. А.В. Белоруссов и др. – М., 1949. – Т. 2. 1928–1929 гг. – 328 с.
265. Хрусталева, М.Ю. Русская Православная Церковь в центре и на периферии в 1918–1930-х гг. (на материалах Новгородской епархии) : дис. ... канд. ист. наук / М.Ю. Хрусталева. – Архангельск, 2004. – 272 с.
266. Цыпин, В., протоиерей. История Русской Церкви. 1917–1997 / Цыпин. В., прот. – Москва : Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – 832 с.
267. Цыпин, В., протоиерей. Русская православная церковь: 1925–1938. / протоиерей В. Цыпин. – М. : Издание Сретенского монастыря, 1999. – 430 с.
268. Цыремпилова, И.С. Религия и власть в Республике Бурятия: история взаимоотношений. (1917–1940 гг.) / И.С. Цыремпилова. – Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2000. – 162 с.
269. Шамшин, Р. В. Ликвидация кулачества в Западной области, 1929–1931 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Р.В. Шамшин. – Брянск, 2010. – 227 с.
270. Шахнович М.И. Ленин и проблемы атеизма. / М.И. Шахнович. – М.–Л., 1961. – 670 с.
271. Шершнева-Цитульская, И.А. Правовой статус Русской православной церкви в Советском государстве (1917–1943 гг.) : дис. ... канд. юр. наук / И. А. Шершнева-Цитульская. – Москва, 2006. – 225 л.
272. Шиленок, Д., свящ. Из истории Православной церкви в Белоруссии: (1922–1939): («Обновленческий» раскол в Белоруссии) / священник Д. Шиленок; Общество любителей церковной истории. – М. : Изд-во Крутицкого патриаршего подворья, 2006. – 216 с.: ил.
273. Шимон, И.Я. ...Плюс атеизация всей страны (Государственно-церковные отношения в 1920–1930-е гг.) / И. Я. Шимон. – Дубна : Международный университет природы, общества и чел. «Дубна», 2002. – 159 с.

274. Шишкин В.Ф. Великий Октябрь и пролетарская мораль. / В.Ф. Шишкин. – М., 1976. – 260 с.
275. Шишкин, В.А. Россия в гг. «великого перелома» в восприятии иностранного дипломата (1925–1931 гг.). / В. А. Шишкин. – СПб : Дмитрий Буланин, 1999. – 285 с.
276. Шишкин, А.А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола русской православной церкви / А.А. Шишкин. – Казань : Изд. Казан. унта, 1970. – 367 с.
277. Шкаровский, М.В. Иосифлянство: течение в Русской православной церкви / М.В. Шкаровский. – СПб. : Мемориал, 1999. – 397 с.
278. Шкаровский, М.В. Русская православная церковь в XX веке / М.В. Шкаровский. – Москва : Вече : Лепта, 2010. – 478 с.
279. Шкаровский, М.В. Влияние Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. в советскую эпоху / М.В. Шкаровский // Церковь и время. – 2003. – № 4 (25). – С. 164–189.
280. Шкаровский, М.В. Обновленческое движение в Русской православной церкви XX в. / М.В. Шкаровский. – СПб. : Нестор, 1999. – 99 с.
281. Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения СССР в 1939–1964 гг.) / М. В. Шкаровский. – М. : Крутицкое Патриаршее Подворье, Общество любителей церковной истории, 2000. – 400 с.
282. Шкаровский, М.В. Русское монашество в советское время / М.В. Шкаровский // Церковь и время. – 2002. – № 1 (18). – С. 197–200.
283. Эйнгорн, И. Д. Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917–1937) / И.Д. Эйнгорн. – Томск : Изд-во ТомГУ, 1982. – 225 с.
284. Ярославский, Е.М. 10 лет на антирелигиозном фронте. / Е.М. Ярославский. – М. : Безбожник, 1927. – 16 с.
285. Ярославский, Е.М. На антирелигиозном фронте (1919–1924 гг.). / Е.М. Ярославский. – М. : Красная новь, 1924. – 223 с.
286. Ярославский, Е.М. О религии. / Е.М. Ярославский. – М. : Госполитиздат, 1958. – 643 с.
287. Ярославский, Е.М. Против религии и церкви : в 5 т. – М. : ОГИЗ – ГАИЗ, 1932–1935. – 5 т.
288. Ярославский, Е.М. Религия и РКП(б). / Е.М. Ярославский. – М. : Безбожник, 1925. – 48 с.
289. Ярославский, Е. На одном из боевых участков /Е. Ярославский // Антирелигиозник. – 1929. – № 7. – С. 8.
290. Husband, W.B. “Godless Communists”: Atheism and Society in Soviet Russia, 1917–1932 / W.B. Husband. – Northern Illinois University Press, 2000.

291. Luukkanen, A. The Religious Policy of the Stalinist State: a Case Study: The Central Standing Commission on Religious Question, 1929-1938 / A. Luukkanen. – Helsinki, 1997.

292. Peris, D. Commissars in Red Cassocks: Former Priests in the league of Militant Godless / D. Peris. – SR. 1995. – Vol.54. – P.340-364;

293. Peris, D. Storming the Heavens: The Soviet League of the Militant Godless / D. Peris. – Cornell University Press, 1998.

294. Young, G. Power and the Sacred in Revolutionary Russia: Religious Activists in the Village / G. Young. – University of Pennsylvania Press, 1997.

Список публикаций соискателя

1–А. Рябоконт Валерий, иерей. Кампания по закрытию храмов во второй половине 20-х гг. на примере Смоленской губернии / иерей Валерий Рябоконт // Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии. – 2015. – № 1. – С. 55–62 (0,64 авт.л.).

2–А. Рябоконт Валерий, иерей. Особенности антиколокольной политики середины 20-х - начала 30-х гг. XX в. и ее реализация в Смоленске / иерей Валерий Рябоконт // Христианское чтение. – 2015. – № 5. – С. 219–236 (1,15 авт.л.).

3–А. Рябоконт Валерий, протоиерей. Особенности антирелигиозной политики по закрытию храмов на рубеже 1920–1930 гг. (на примере ликвидации монастырей г. Смоленска) / протоиерей Валерий Рябоконт // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. – 2021. – № 3. – С. 121–141 (1,41 авт.л.).